

1971
1972
1973
1974

ЛИТЕРАТУРНАЯ

10.335
1965/9

ГРУЗИЯ

4

1965

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

АЛИО МИРЦХУЛАВА. Ленин. Стихи	3
ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ. Слово о ленинской партии. Стихи. Перевод с грузинского Н. Баазова	4
ГУРАМ ГВЕРДЦТЕЛИ. Бессмертный завет	5
ИЛЬЯ ДУБИНСКИЙ. Друг Ильича — Миха	15
ТАРИЭЛ ЧАНТУРИА. Стремление. Стихи. Перевод с грузинского Л. Халифа	22
ГРИГОЛ ЧИКОВАНИ. Мальсекко. Рассказ. Перевод с грузинского Ю. Нагибина	23
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Подобно Гимну солнца... Стихи. Перевод с грузинского В. Дробышева	30
КОНСТАНТИН ЛОМИА. Горы и море. Вечерняя зима. Мое дерево. Двор опустел... Стихи. Перевод с абхазского С. Куняева	31
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Тамада. Повесть. Перевод с грузинского Э. Ананиашвили	33
БОНДО КЕШЕЛАВА. В тени лип. Стихи. Перевод с грузинского Г. Павловской	48
АЛЕКСАНДР ГЛЕЗЕР. О Грузия, к себе меня прими... Ищи, художник... Слеза. Стихи	49
ЮРИЙ БЕНИДЗЕ. Пути и перепутья. Документальная повесть	50

См. на обороте.

77.055

4

А П Р Е Л Ъ
1 9 6 5

66 608 608 608

ОЧЕРКИ

КАРПЕ МУМЛАДЗЕ. Энтузиасты 64

КРИТИКА

БЕСО ЖГЕНТИ. Героическая эпопея 71
БОРИС МИКАДЗЕ. День рождения критика 80
ШАЛВА КВАСХВАДЗЕ. Оружием сатиры 82
ЭДМОН КАРИ. Диалектика перевода 84

ИСКУССТВО

МИРА ПИЧХАДЗЕ. Шалва Мшвелидзе 90

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Семь тысяч миль по дорогам Америки 92

На 2-й стр. обложки — «В. И. ЛЕНИН».
Скульптор Н. Кутателадзе.
На 3-й стр. — «РАКЕТОДРОМ». Худож-
ник Д. Нодия.

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Ленина, 5, телефон 9-06-59.

Алио МИРЦХУЛАВА

ЛЕНИН

Он с портрета зовет в наступленье,
И планета — в торжественном свете.
И внимательно слушает Ленин
Переключку грядущих столетий.

Он рукою простертою — мудро
Поднимал соколиное племя.
Со свободой — в Октябрьское утро
Борвалось легендарное время.

Он — орел, облетевший вершины,
Он живет в наших буднях и песнях.
С ним Февраль мы победный вершили —
Нашей нынешней славы предвестник.

Вместе с ним мы готовились к битвам,
Штурмовали земные высоты.
Вместе с ним по небесным орбитам
Мы сегодня ведем звездолеты.

Он — кузнец человеческого счастья;
Нас в Кремле он встречает у входа.
Он сильнее любого ненастья,
Он бессмертен — бессмертьем народа!

Наше знамя не знает преграды,
Ленин с нами! Он вождь поколений.
Мы читаем стихи и доклады —
Нас внимательно слушает Ленин.

Шалва АМИСУЛАШВИЛИ

СЛОВО О ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Наши планы, замыслы, решения —
Всей земле понятны и открыты.
Каждый день
Великие свершения
Партия выводит на орбиты.
Жизнь просторна,
Как полет космический,
И дерзанням —
В ней предела нету.
В мир прекрасный,
В мир коммунистический
Партия ведет мою планету.
Мне простит герой в орлином племени,
Отдав дань простым моим расчетам:
Ритмом жизни,
Сложным пульсом времени —
Управлять трудней, чем звездолетом.
Ленин — с нами,
В самом центре космоса,
На планете —
Как на пьедестале;
Он рукой —
Гигантской стрелкой компаса —
В светлые указывает дали.
Ленинизм —
Не слово отвлеченное,
Он эпохой выверен и признан.
Партия, в сраженьях закаленная,
Нас ведет к высотам коммунизма.

Перевод с грузинского Н. Баазова

Бессмертный завет

Гениальный теоретик пролетарской революции В. И. Ленин всегда уделял большое внимание средствам идеологического воспитания масс. И одним из важнейших в этом отношении он считал литературу и искусство.

Опубликованная В. И. Лениным в 1905 году в газете «Новая жизнь» статья «Партийная организация и партийная литература» стала этапным явлением для литературы социалистического реализма. В этом небольшом по объему, состоящем всего из нескольких печатных страниц произведении, которое по праву стало краеугольным камнем эстетики социалистического реализма, с поразительной лаконичностью и ясностью сформулированы принципиальные и кардинальные вопросы литературы. Именно в этой статье формулируется и один из важнейших постулатов нашей литературы — ленинский принцип партийности литературы.

Этот принцип представляет собой высшее выражение народности и идейности. В нем со всей полнотой и ясностью проявляется боевой характер литературы социалистического реализма, ее роль в прогрессе и преобразовании общественной жизни.

В этом принципе находит свое теоретическое выражение и доказательстве сознательная и активная деятельность советских писателей, которые всем своим творчеством служат делу Коммунистической партии, а значит, и всенародному делу построения социализма и коммунизма. Таким образом, именно принцип партийности выражает и определяет прежде всего общественное назначение и функцию литературы.

Ленинское учение о партийности литературы — это поистине гениальное открытие, которое представляет собой дальнейшее развитие марксистского учения о тенденциозности и классовости литературы в новых исторических условиях. Маркс и Энгельс в своих суждениях о классовости идеологии, о роли литературы и искусства в общественной жизни не делали вывода о принципе партийности (этот вопрос был поставлен в повестку дня другой эпохой), но всем своим учением, аргументированным доказательством о неизбежности револю-

ционного преобразования мира вообще и определением сущности и значения литературы и искусства в классовом обществе в частности, они подготовили ту почву, тот фундамент, опираясь на который в эпоху пролетарской революции Ленин и смог увидеть и показать партийную природу идеологии, партийный характер литературы и искусства.

В марксистском учении об искусстве убедительно показан и раскрыт тенденциозный характер литературы и искусства в классовом обществе, их классовая природа, поскольку в таком обществе писатель, художник вольно или невольно, сознательно или несознательно выражает в своем творчестве интересы определенного класса или социальной прослойки.

Классики марксизма неоднократно отмечали, что тенденциозность характерна для литературы всех времен. Известно мнение Энгельса, высказанное в письме к М. Каутской. Ф. Энгельс писал:

«Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте, и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны».

Классики марксизма считали, что литература тенденциозна не сама по себе, а писатель, в основном, преднамеренно, руководствуясь продиктованными социальным положением симпатиями и антипатиями, привносит эту тенденциозность в свое произведение. И действительно, каждый писатель всем своим творчеством утверждает тот или иной эстетический идеал, собственное понимание прекрасного. Следовательно, в силу своего мировоззрения и понимания, которые, в свою очередь, обуславливаются классовым положением и интересами, он постоянно тенденциозно отбирает материал из действительности, тенденциозно обобщает его в художественных образах, и постольку преднамеренно стремится к художественному воп-

лощению своей тенденциозности. Поэтому разговор о классовом «нейтрализме» писателя явно лишен всякой реальной почвы.

Однако следует отметить, что политическая позиция писателя не всегда совпадает с выраженной им в художественном произведении тенденциозностью. Нередко писатель, под воздействием реальной действительности, благодаря чуткости и гуманистической природе, придает своему художественному творению объективно верную, прогрессивную тенденциозность, хотя она и противоречит его политическим взглядам. Широко известна подобная раздвоенность великого французского писателя Бальзака. Его политические воззрения не совпадали с теми идеалами, которыми проникнуто творчество этого великого мастера французского и мирового реализма.

Не менее примечательно в этом отношении и творчество Льва Толстого, которое также не совпадает с политической позицией писателя, его миропониманием. Великолепный образец объективного анализа творчества Толстого дал нам В. И. Ленин, в статьях которого ясно видно, с каких позиций должна производиться исторически-конкретная оценка творчества не только Л. Толстого, но и вообще всякого писателя. Официальная пресса царской России и либеральные газеты приложили немало усилий, чтобы исказить подлинную суть творчества Толстого. Пользуясь раздвоением его природы как художника и мыслителя, они пытались выгнуть на передний план проповедь «непротивления злу насилием», вообще его учение в том виде, в каком оно стало известно под названием «толстовства».

Ленин обнажил всю фальшь этой легенды, которая рисовала Толстого покорным, безответным человеком, примирившимся со злом жизни. В. И. Ленин наряду с решительной и бескомпромиссной критикой ошибочных взглядов Толстого сделал очевидным для всех то обстоятельство, что в Толстом, как в художнике и гражданине, главным и определяющим является вовсе не «толстовство», а его талант гениального художника, создавшего несравненные картины русской жизни. В противоположность всем тем, кто считал Толстого лишь кающимся графом и певцом феодальной аристократии, Ленин дал объяснение той ненависти, которую питал писатель к официальной России и, в первую очередь, к тому классу, из которого происходил он сам.

Ленин показал тесную связь, существовавшую между Толстым и широкими крестьянскими массами, той Россией, которая встала на путь пробуждения и революционного движения. Толстой был писателем, который, не поняв роли и

значения революции, в то же время, благодаря интуиции большого писателя-реалиста, сумел понять настроение взбунтовавшихся масс, движение души.

Анализируя творчество Л. Толстого, Ленин исходил из того, что в произведениях подлинного писателя отражаются существенные стороны действительности, которые имеют большее значение, чем его политические или религиозные декларации. Именно такой объективный подход дал возможность Ленину назвать Толстого зеркалом русской революции.

Творчество О. Бальзака и Л. Толстого, отношение Энгельса и Ленина к наследию двух этих писателей-колоссов дает нам возможность понять, что такое тенденциозность и классовость писателя, литературы. Ясно, что тенденциозность писателя не ограничивается и не определяется только его политической позицией. В таком случае многое для нас осталось бы совершенно непонятным и необъяснимым в творчестве О. Бальзака и Л. Толстого, И. Чавчавадзе и Д. Киднашвили и многих других художников.

В понимании марксизма тенденциозность — это выраженное в художественном произведении мировоззрение писателя, которое в некоторых случаях, благодаря воздействующей силе реализма, может не совпадать, а то и противоречить политической позиции писателя в общественной жизни. В случае подобного раздвоения основное — не декларативные заявления писателя, а идеи, утвержденные силой его художественных творений, которые более впечатляющи, более правильны, так как порождены непосредственными наблюдениями над реальной жизнью.

Учение В. И. Ленина о партийности литературы и искусства — новая ступень в развитии мировой эстетической мысли, которая не просто повторяет и продолжает и ранее известное марксистское положение относительно классовости и тенденциозности, но и ставит перед ними в новых исторических условиях новые задачи художественного воспитания масс.

В статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин доказывает необходимость на данном этапе общественного развития проявления партийного характера литературы, так как всякое литературное произведение выражает интересы того или иного класса, той или иной партии. Здесь же Ленин убедительно разоблачает буржуазный лозунг «беспартийности», который имел целью лишь дезориентацию писателей, отдаление их от пролетарского движения. Вождь пролетариата доказал, что в буржуазном обществе, где все измеряется деньгами и является предметом

купи-продажи, «беспартийность» и «абсолютная свобода» творчества не что иное, как пустая декларация, маска, за которой кроются торгашеские интересы. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», — писал Ленин.

Этой, завербованной буржуазным обществом литературе, Ленин противопоставлял литературу, которая открыто и смело становится на сторону масс, пролетариата, которая открыто и смело выражает свои партийные интересы. Ленин призывал к созданию такой литературы, которая была бы неразрывно связана с революционной борьбой пролетариата и не только подорвала бы оптимизм буржуазии, но и сознательно утверждала бы революционные идеалы.

Новая социалистическая литература, в отличие от литературы буржуазной, проповедует свои идеалы не фарисейски, замаскированно и исподтишка, а открыто, стоя бок о бок с движением пролетариата, заявляет о своем партийном принципе, потому что ее цели и идеалы совпадают со всеобщим прогрессом человечества, выражают интересы широких масс трудящихся.

Вследствие открыто выраженного партийного характера социалистической литературы и ее огромного значения для пролетарского движения В. И. Ленин прямо требовал, чтобы литературное дело стало частью общепролетарского дела, частью организационной партийной работы. Но в то же время, указывая на специфику литературы, Ленин предупреждал, что «литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством... В этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии...».

Спустя несколько лет после написания своей известной статьи «Партийная организация и партийная литература», уже после победы Великой Октябрьской революции, в беседе с К. Цеткин, Н. Крупской и М. Ульяновой В. И. Ленин вновь подчеркнул особенности политики партии в работе с художественной интеллигенцией. Ни на минуту не допуская возможности ограничения свободы творчества, насилия над ним, Ленин утверждал, что «каждый художник, всякий, кто считает себя таковым, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего».

«Но, — уточнял Владимир Ильич, — понятно, мы коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».

Именно в таком взаимоотношении раскрывается ленинская диалектика сво-

боды творческого труда, партийности литературы и партийного руководства литературой, диалектика, являющаяся исходным пунктом как для литературы социалистического реализма, так и для политики партии в руководстве литературой и искусством.

Доказывая принцип партийности литературы и формулируя основополагающее значение новой, социалистической литературы, Ленин исходил из объективных требований и устремлений эпохи. Именно определив их и пути для их осуществления, пришел Ленин к определению сущности социалистической литературы.

Новая эпоха ставила перед литературой и искусством новые задачи. Литература критического реализма, несмотря на свой гуманистический и народный характер, не могла ответить на эти задачи. Вызывая средствами искусства в сердцах народа чувство протеста против существующей социальной несправедливости и стремление к новой жизни, она в то же время не могла дать конкретного ответа на то, какой именно будет эта новая жизнь и каковы пути ее достижения. Она не могла дать этого ответа потому, что не знала мировоззрения, которое, научно изучив историю общественного развития, намечало пути революционных преобразований.

Потому и проявлялся в литературе критического реализма определенный скептицизм. А одним из главнейших способов избавления от «рокового» вопроса стали символизм и прочие модернистские направления, которые с момента своего появления на свет выдвинули требование об «освобождении» литературы от мыслей и идей вообще. Но далеко не все писатели реагировали на сложные проблемы действительности подобным образом. Многие из них искренне пытались разобраться в новой расстановке общественных сил, понемногу, с большей или меньшей степенью приближения подошли к новым идеалам, к признанию социалистических идей.

В этом отношении интересна и примечательна эволюция Романа Роллана. В своем дневнике 1895 года он писал, что «социалистические идеи сами по себе входят в меня, несмотря на мои желания и интересы». А в том же дневнике позднее в связи с размышлениями о судьбах искусства мы читаем: «Буржуазное искусство заражено старческим инфантилизмом, а это — конец всякого развития; до сих пор я полагал, что искусство обречено погибнуть. Но нет, погаснет одно искусство и загорится другое. Я хочу в очерках о социалистическом искусстве показать будущее обновление сюжетов и действующих лиц, гармоническое здоровье, мужественное право нового искусства на существование».

Мощное влияние социалистических идей этой эпохи (разумеется, в разных видах и дозах) испытали М. Андерсен-Ненсе и А. Франс, Д. Лондон и Г. Уэллс, Б. Шоу и Г. Манн, Р. Роллан и многие другие. Но все же «Песня о Соколе» Максима Горького была той первой ласточкой, которая возвестила человечеству о наступлении новой весны в литературе.

Именно с этим периодом совпало появление статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», в которой были определены единственно возможный путь и задачи новой литературы, литературы будущего, литературы социалистического реализма. Ленин прямо и безжалостно сорвал покровы со скрытой под маской «аристократизма» антинародной литературы, сделал очевидной для всех невозможность существования в классовом обществе «чистого», «независимого» искусства, которое стояло бы в стороне от классовых, партийных битв.

Буржуазной литературе, связавшей свою судьбу с обреченным классом, Ленин противопоставил литературу, проникнутую социалистическими идеалами, связанную с революционным классом — пролетариатом и, постольку, открыто вставшую на службу трудовому народу. Так был сформулирован ленинский принцип партийности литературы, который ставил перед писателями следующую альтернативу: либо следовать за пролетариатом в его борьбе, открыто выражая и защищая его интересы, что давало им ясную перспективу обновления и развития, — либо связать свою судьбу с исторически обреченным классом, буржуазией, и, следовательно, вместе с ним измелиться, опустошиться, пройти весь путь, ведущий к гибели и загниванию.

Именно перед таким выбором поставило литературу XX столетие и, как показали прошедшие полвека, только та литература сохранила жизнестойкость, которая верно служила интересам народа — его мечтам, стремлениям, горю и радости.

С того времени, как глубинные поиски прогрессивной литературы и увлечение социалистическими идеями обрели теоретический фундамент в виде ленинского учения о партийности литературы, новая литература, названная впоследствии литературой социалистического реализма, становилась все сильнее и богаче. Максим Горький был первым крупным писателем, неприкрыто служившим своим творчеством интересам рабочего класса, выражению его идеологии, и тем самым заложившим основы пролетарской литературы. На этой почве возросла прогрессивная литература XX столетия и ее логическое

продолжение — многонациональная советская литература.

Грузинская литература также не осталась в стороне от этого общего, масштабного пути развития мировой литературы. Истоки пролетарской литературы и здесь могут быть отмечены задолго до победы революции. Поэзия Иродиона Евдошвили и классическая повесть Лео Киачели «Тариэл Голау» представляют собой очевидный пример утверждения социалистических идей в грузинской литературе. Вообще, можно сказать, не осталось ни одного подлинно значительного писателя XX века, который не испытал бы мощного воздействия духа эпохи и который с большей или меньшей полнотой не откликнулся бы на идеи преобразования жизни.

Истоки советской литературы восходят к грозным дням Октябрьской революции. И вот уже полвека длится победный рост нашей литературы, которая являет собой великолепное доказательство и практическое осуществление гениального ленинского учения. Творческая деятельность Лео Киачели, Галлактиона Табидзе, Константина Гамсахурдиа, Георгия Леонидзе, Демны Шенгелая, Ираклия Абашидзе, Константина Лордкипанидзе, Симона Чиковани, Григола Абашидзе и других представителей всех поколений грузинской советской литературы, так же как и писателей других братских народов, глубоко убеждает нас в том, что основой основ художественного творчества, залогом его побед и достижений является соблюдение принципов партийности и народности. Любой случай вольного или невольного отступления от них неизбежно приводит к художественным, творческим поражениям.

Ленинский принцип народности литературы всегда был объектом постоянных ожесточенных и в то же время безуспешных нападок. В этом нет ничего необычного или неожиданного. Коммунистическая партийность подразумевает художественное постижение действительности, вытекающее из объективных закономерностей развития общественной жизни, и постольку острием своим направлена против загнивающего империализма. Что и говорить, все внимание идеологов и трубадуров последнего направлено на то, чтобы как-нибудь пошатнуть, скомпрометировать учение о партийности литературы и попытаться доказать отрицательное значение его для развития литературы и искусства. Буржуазное литературоведение с особой силой стало атаковать ленинский принцип партийности литературы в последнее время, когда в связи с разоблачением культа личности у западных идеологов затеплилась надежда дискредитировать советский строй и, в частно-

сти, советскую литературу. Они неустанно твердят о том, что будто бы советские писатели предвзято, исходя из политических мотивов, искажают действительность.

Советская литература в силу своей партийности не искажает жизнь, а, наоборот, благодаря ей с особенной глубиной и правдивостью выражает волю, цели, устремления советского народа и его Коммунистической партии. Ни о каком насилии не может быть, разумеется, и речи.

Главная задача и обязанность советской литературы, вытекающая из ее партийного характера, состоит именно в правдивом отображении действительности. Партийность и объективность, идейность и художественность находятся в органическом единстве, они не только не исключают друг друга, а напротив — взаимобусловлены.

Именно поэтому советская литература, не в силу принуждения, искусственной регламентации художественного процесса, а по своей внутренней устремленности всегда так верна ленинскому принципу. Советские писатели ищут и находят источник для своего творчества в жизни народа; в интеллектуальном и эстетическом воспитании трудящихся видят они свое главное предназначение. Они живут жизнью народа и творят во имя него.

Все это очевидно и понятно. Но не смотря ни на что, современные реакционные литераторы пытаются клеветать на нашу литературу и представить дело таким образом, будто принцип партийности сковывает советскую литературу, ограничивает свободу писателей, заставляет их искажать жизненную правду.

Идеологи империализма из всех сил стараются опорочить и исказить факты истории или теории, опирающиеся на них. Со всех сторон, как будто даже с различных позиций нападают они на принцип партийности литературы и на советскую литературу, в которой этот принцип нашел наиболее полное воплощение. Но цель у них одна — свернуть прогрессивную мировую литературу с единственно верного пути развития, лишить ее общественного значения, отнять функцию идейно-эстетического воспитания народа.

Характерны в этом отношении работы современного американского литературоведа Эрнста Симонса, посвященные различным вопросам советской литературы. Их автор противопоставляет советской литературе вообще всю западную (вернее — буржуазную) литературу и пытается представить дело таким образом, будто их разединяет прежде всего принцип свободы творчества.

Еще дальше пошли по этому пути авторы изданного в США «Словаря русской литературы». Они хотят убедить

читателей в том, что советская литература, вследствие принципа партийности, предпочла определенные социальные конструкции большому гуманизму, свойственному классической русской литературе, и, таким образом, свернула с путей развития русской литературы. Профессор Р. Метьюсон в статье «Советская литература» тщится доказать, будто послеоктябрьская советская литература «подменила» старые гуманистические традиции бездушным утилитаризмом.

«Можно сказать, — писал он, — что советская литература, если рассматривать ее в свете русской традиции, изменила своей важнейшей сути. Под влиянием «партийного духа» советская литература категорически изображает точку зрения политической истины, а не всеобъемлющую человеческую правду».

Западногерманский профессор В. Леттенбауэр в 1958 году опубликовал «Историю русской литературы», где процесс развития русской литературы рассматривается в высшей степени субъективно. В чем именно заключается субъективизм названного «исследователя» ясно хотя бы из того, что ему «не нравятся» русские писатели — революционные демократы. Наподобие своих американских коллег-единомышленников, он также отрицает преемственную связь советской литературы с классическими традициями. Леттенбауэр, не жалея сил, пытается «доказать», что после 1917 года развитие литературного процесса заключалось исключительно в том, что литература постепенно подчинялась партийному контролю и, соответственно этому, постепенно шла к гибели. По его мнению, лучшим в советской литературе был период нава, так как в это время «ослаб» партийный контроль, а далее началось искусственное насаждение социалистического реализма, в результате чего подлинные писатели отошли от литературы или же «укрылись» под сенью исторического жанра.

Подобные умозаключения, разумеется, не выдерживают никакой критики. Противопоставление партийности и гуманизма советской литературы кощунственно, так как наша литература верно служит именно выражению мыслей и чаяний человека, трудящихся масс, и, следовательно, литература, проникнутая коммунистической партийностью, является в то же время наиболее гуманной, человеческой. Что же касается мнимой деградации советской литературы, то достаточно простого знакомства с ней, чтобы понять, как далека эта лжетеория от подлинной действительности. Именно после окончательного утверждения метода социалистического реализма начинается период подлинного расцвета советской литературы. В этом нас красноречиво убеждают высокохудожественные

эпические полотна М. Шолохова и К. Федина, А. Толстого и Л. Леонова, Л. Киачели и К. Гамсахурдиа, К. Лордкипанидзе и Д. Шенгелая и многих других советских прозаиков, искренние и возвышенные строки стихотворений и поэм Г. Табидзе, А. Твардовского, Н. Тихонова, М. Рыльского, Г. Леонидзе, С. Чиковани и др.

Очевидно, критики советской литературы и критики ее партийности превосходно понимают это, когда говорят о якобы отрицательных результатах партийной литературы. И потому для аргументации они прибегают большей частью к таким произведениям, которые самой советской критикой расценены как художественно слабые и схематичные. Естественно, что у нас, как во всякой литературе, наряду с полноценными и интересными произведениями существуют — и, к сожалению, в незначительном количестве — ремесленные поделки. Это всегда было и будет, потому что не могут все произведения стоять на одинаково высоком уровне. Но когда речь идет о положительных и отрицательных сторонах социалистического реализма, в доказательство надо приводить творения ведущих писателей, а не случайных людей в литературе. Если буржуазные литературоведы так уж желают доказать тезис о схематичности советской литературы и, следовательно, об отрицательном влиянии принципа партийности, пусть попытаются сделать это на примере «Тихого Дона» и «Поднятой целины» Михаила Шолохова, «Гвади Бигва» Лео Киачели или «Зари Колхиды» Константина Лордкипанидзе. Следует признать, что это нелегкая задача.

Существует единственный способ достичь подобного результата — исказить творчество выдающихся советских писателей. Не избежало буржуазное литературоведение и этого пути. Западно-немецкий критик Юрген Рюлле в своем исследовании «М. Шолохов и его «Тихий Дон»» пытается доказать, будто этот роман выдающегося советского писателя не является произведением, созданным в русле социалистического реализма, будто в нем не нашел своего выражения принцип партийности. Более того, Рюлле стремится убедить читателя, что весь пафос этого романа-эпопеи направлен не на утверждение завоеваний социалистической революции, а призывает еще к одной — новой революции, то есть — к контрреволюции.

Любопытна в этом отношении и книга упомянутого выше американского литературоведа Симонса «Советская литература и советская идеология», в которой автор старается искусственно разединить художественные достоинства и идейную направленность произведений Шолохова, Федина, Леонова. Прежде всего, Симонс не жалеет сил, чтобы ис-

казать творчество этих писателей и объявить их аполитичными — там же, где, несмотря на все свое фальсификаторское искусство, ему не удается добиться желаемого, он вынужден представить дело таким образом, будто все художественные достоинства произведения самоценны, независимы от партийного мировоззрения писателя.

По утверждению Симонса, основной интерес Шолохова направлен на такие человеческие характеры, которые стали жертвами революции и гражданской войны и, таким образом, выражают конфликт между личностью и новой общественной силой. Ему представляется, что основной недостаток «Поднятой целины» состоит в том, что в ней отсутствует «трагическое видение жизни», которые, якобы, характеризует «Тихий Дон». На основании этого Симонс делает вывод, что «Поднятая целина» написана «по директиве».

Вся эта симонсовская путаница, имеющая явную политическую нацеленность, и разговоры о «декрегировании» литературы невольно вызывают в памяти замечательные слова Михаила Шолохова о том, что советские писатели пишут не по велению партии, а по велению сердца, а сердца их безраздельно принадлежат партии.

Буржуазные литературоведы делали попытки исказить и фальсифицировать даже творчество Максима Горького, которое проложило путь новой литературе — литературе социалистической эпохи. И это вполне понятно и закономерно. Ведь они берут под обстрел самые основы советской литературы, и если теоретический фундамент литературы социалистического реализма был заложен в работе В. И. Ленина, творчество А. М. Горького стало ее первым высокохудожественным практическим воплощением. Потому и появляются на Западе «научные» труды, доказывающие, что Горький вовсе не был революционным писателем и певцом свободы. Если послушать их авторов, то Горький даже наоборот — ставил себе целью дискредитировать эти идеи, когда заставлял бродяг и отщепенцев говорить о человеческом достоинстве и гуманизме. Так характеризовал творчество великого пролетарского писателя французский критик Доминик Фернандес в статье, которая была опубликована в журнале «Нуэль реву франсез» и посвящалась сборнику произведений Горького, вышедшему в свет в Париже в 1957 году. В этой статье Горький предстает перед нами не как борец против пассивности и покорности, а как человек раздвоенной психики, симпатии которого склонялись на сторону Луки из пьесы «На дне».

Наряду с определением принципа партийности литературы В. И. Ленин разоблачил фарисейство буржуазных

идеологов, которые, якобы, ратуют за свободу литературы и искусства, проповедуя ее «надклассовость» и «внепартийность». Вождь пролетариата показал, что в том обществе, где все меряется деньгами и является предметом купли-продажи, болтовня о «надклассовости» и «внепартийности», об «абсолютной свободе творчества» является не чем иным, как плохо замаскированной декларацией, за которой прячутся торгашеские расчеты. Как видно, современные идеологи империализма недалеко ушли от тех, с которых В. И. Ленин сорвал маску «внепартийности».

Правда, современные Симонсы, Рюлле и другие настойчиво стараются убедить нас, что их интересы не выходят за рамки эстетической, художественной сферы, но во всех их рассуждениях отнюдь не трудно разглядеть политическую цель (которая, как будто, так чужда им). Это идеологическая борьба, борьба всеми средствами против ленинского принципа партийности литературы и его выражения — литературы социалистического реализма. И в эту борьбу они вступают вновь и вновь, подчиняясь велению денежного мешка и классовых интересов.

Если буржуазное литературоведение открыто проповедует «надклассовость» и «внепартийность» литературы и искусства, требует их отрешения от социальной и политической жизни, отрицает их познавательную и воспитательную функцию, и, следовательно, откровенно выражает (хотя, как будто, и замаскировано, но достаточно явно) свою партийную и политическую устремленность, то в самой западной литературе дело обстоит более сложно. Здесь уже нет такого единодушия и единообразия. Писатели, работающие в капиталистических странах, своим творчеством, а также пониманием долга писателя и назначения литературы нередко резко отличаются друг от друга.

Одни непрямо защищают тезис «искусство для искусства» и всем своим творчеством пытаются оправдать его. Большинство таких писателей хорошо представляет, чьим интересам служит «чистое искусство», которое отвлекает внимание народа, читателей от жгучих проблем общественной жизни. Они открыто стоят на службе империалистической идеологии и поэтому, как правило, находятся в рядах антикоммунистов. Характерен в этом отношении взгляд на обязанность и назначение литературы английского поэта Стивена Спендера. Ежемесячный журнал «Лондон Мэззин» заинтересовался тем, что думают английские литераторы об отношении писателя к проблемам современной общественной жизни. Спендер так ответил на этот вопрос: «По моему мнению, ни один поэт не обязан откликаться на об-

щественные проблемы, и вообще, если речь зайдет об обязанностях, то они должны быть как можно более личными и частными». Может ли сказать так писатель, заинтересованный судьбами своей страны, своего народа, если только он не ставит себе целью прислужничество реакционным силам?

Крайним проявлением современного буржуазного искусства и литературы являются абстракционистские и модернистские направления различного толка. Они появлялись на Западе как грибы и как будто даже следовали различным эстетическим школам, но в действительности все они ставят одну цель — лишить литературу и искусство наиболее существенных сторон, и главное — гуманистического содержания. Абстракционисты не только отрицают функцию идейно-эстетического воспитания искусства, но и вообще изымают человека, как объект интереса литературы и искусства. Представители современного французского «нового романа» Ален Роб-Грифе, Натальи Саррот, Мишель Бютор и другие вообще отвергают классический реализм, не говоря уже о социалистическом реализме, и признают обязанностью романиста не отображение человека, его стремлений, чувств, вообще его жизни, а создание внешней картины мира вещей. Потому и дали они своему направлению наименование «шовизма» или «вещизма». Та антигуманистическая направленность, которой проникнут абстракционизм, ставит это «модное» направление вообще за гранью искусства и литературы. Но было бы ошибочно считать все эти «искания» лишь безобидными развлечениями, а тем более признать их за проявление искреннего стремления к обновлению литературы и искусства. Во всем этом выражается прежде всего стремление буржуазной идеологии переключить внимание литературы и искусства с острых проблем социальной действительности, замкнуть их в узких рамках, в кругу ограниченных интересов или, более того, сделать вообще беспредметными.

Литературе такого толка на Западе противопоставляется творчество тех прогрессивных писателей, у которых, правда, нет еще мировоззренческой зрелости, необходимой для того, чтобы признать партийный характер современной литературы, но которые всей своей непримиримостью к социальному злу и гуманистическими устремлениями объективно служат делу прогресса человечества.

Известный финский писатель Мартти Ларни, чьи популярные романы «Четвертый позвонок» и «Прекрасная свинарка» были переведены на многие языки народов мира (в том числе — на русский и грузинский), остроумно заметил в адрес буржуазной литературы, что «пи-

сательство только лишь ради писательства или ради денег (имеются в виду американские бестселлеры. — Г. Г.) находится в довольно недвусмысленной близости с проституцией».

Он справедливо подчеркивает, что литература является органической частью общественной жизни, что задача писателя — быть «переводчиком» человеческой души и что ответственность писателя столь же велика, как и ответственность воспитателя. Но здесь же добавляет, что это вовсе не означает, будто писатель передает читателю какую-либо определенную идеологию. Он словно боится открыто признать идеологический характер литературы и ее партийную природу, хотя его же «Четвертый позвонок» с критикой «американского образа жизни» следует признать ярким проявлением (может быть, даже неосознанным, мировоззренчески неформулированным) этой же партийности.

Часть писателей ближе подходит к приятию принципа партийности литературы, хотя мало кто решается прямо признать его без всяких оговорок. Приведем здесь интересное высказывание французского писателя Армана Лану. Высказав целый ряд интересных мыслей о назначении литературы вообще, Арман Лану в заключение говорит, что место писателя в обществе может быть определено как место свидетеля и соучастника. Он признает не только познавательную функцию литературы, но и ее роль в деле преобразования общества. Хотя и добавляет в заключение, что эти две стороны назначения писателя — познавательная и преобразующая, свидетеля и соучастника — находятся в постоянном противоречии, так как познание (свидетельство) более объективно и истинно, а преобразование (соучастие) вызывает определенное искажение хотя бы потому, что писатель вынужден избрать один из идеологических лагерей. Как видим, Арман Лану прекрасно видит идеологический характер литературы, но признать его значение до конца он затрудняется, видя в политической тенденциозности источник определенной ограниченности. Хотя в том конкретном примере, который приводит писатель, его рассуждения более последовательны и верны. Арман Лану противопоставляет друг другу Бальзака и Анатоля Франса. Он напоминает слова Бальзака о том, что «каждый человек, который имеет творческие способности, должен насаждать искусство ради искусства», и отмечает, что, несмотря на этот консервативный лозунг, Бальзак своим творчеством сыграл величайшую роль в развитии общественной мысли. Что касается Анатоля Франса, он писал: «Для чего мы пишем, как не для того, чтобы действовать, направлять сознание человека, проща говоря, для по-

литических целей». Но и эта откровенная политическая направленность не принизила значения Анатоля Франса как большого мастера художественного слова. Таким образом, подлинная литература, подчиняется ли она открытой целенаправленности или неосознанной, всегда играет объективно значительную роль в деле идейно-эстетического воспитания человека, в развитии общественной и художественной мысли.

Целая плеяда писателей капиталистических стран, которая отчетливо осознала ответственность писателя перед обществом, перед народом, не только не избегает, а наоборот — активно открывается на запросы политической жизни и открыто выражает свое отношение к тем или иным явлениям. Морис Понс в связи с политической активностью писателя вспоминает статью выдающегося французского писателя Жан-Поля Сартра в «Тан Модерн», где он писал о том, что Флобер непосредственно ответствен за репрессии по отношению к коммунаркам, поскольку он, величайший писатель того времени, не написал ни одной строки в защиту жертв репрессий. Сам Сартр, не испугавшись осуждения официальной Франции, поднял свой голос в защиту алжирского народа, борющегося с французской армией.

В капиталистическом мире активно и плодотворно работают писатели, чье творчество все более проникается духом партийности литературы. Одним из наиболее ярких примеров этого является превосходный роман-эпопея «Коммунисты», принадлежащий перу выдающегося представителя французской литературы Луи Арагона. Здесь нарисована общественная жизнь Франции и перспективы ее развития в такой сложный исторический период, как годы борьбы с фашизмом.

Социалистический реализм не является принадлежностью только советской литературы. Он уверенно прокладывает себе путь в литературах всех стран мира, так как его высокогуманные идеи и направленность, народная природа, коммунистическая партийность завоевывают сердца прогрессивных писателей всего мира.

Советским литературоведением сделано немало для последовательной критики реакционной сути и ревизионистских взглядов буржуазных идеологических учений. Общий принцип партийности литературы и искусства, которым марксистско-ленинская эстетика противопоставляет буржуазному пониманию назначения и целей искусства, с достаточной полнотой освещен в трудах советских теоретиков. Но все еще нельзя считать, что такая важная проблема, как проблема партийности литературы и искусства, изучена всесторонне и с исчерпываю-

щей глубиной. По этой причине и существуют различные понимания целого ряда вопросов, а неразработанность отдельных проблем порождает опасность их догматического, ошибочного толкования.

Существует расхождение, например, в вопросе взаимоотношения классовости и партийности литературы. Всегда ли в классовой литературе выражается партийность, или же эта последняя подразумевает лишь сознательное служение классовым интересам? В каких конкретно-исторических условиях литература приобретает партийный характер? Даже такие кардинальные вопросы находят в трудах различных исследователей неодинаковое толкование. В основном противостоят друг другу два взгляда. Одни признают выражением партийности литературы всякую защиту классовых интересов — осознанную или неосознанную, другие же принцип партийности литературы связывают исключительно с сознательным и выраженным открыто служением классовым интересам. Оба подхода могут породить вульгаризаторские толкования, что, к сожалению, и проявилось в ряде работ.

Некоторые современные исследователи отождествляют классовость и партийность литературы. По их представлению, литература носила партийный характер в древности так же, как и в нынешних условиях, изменились лишь партийные требования, а не характер партийности литературы. Сторонники этой теории видели выражение партийности в творчестве Руставели, Данте, Шекспира, Пушкина, Бараташвили и других великих писателей прошлого.

Не следует, однако, забывать, что партийность, как это доказано В. И. Лениным, представляет собой лишь результат наивысшего развития классовой борьбы, ее политическое выражение, и это с наибольшей силой проявилось в эпоху пролетарских революций (см. «Социалистическая партия и беспартийная революционность» и «Неверные рассуждения беспартийных бойкотистов»). Поэтому миссия открытия и утверждения принципа партийности литературы и выпала на долю В. И. Ленина. Таким образом, хотя партийность литературы и явилась результатом развития принципа классовости, но в то же время она представляет собой качественно новую ступень этого развития, механическое отождествление которой со старыми формами и может привести к той вульгаризации, о которой говорилось выше.

В понимании партийности литературы часть советских литературоведов и теоретиков стоит на других позициях. Опираясь на труды Ленина, они справедливо утверждают, что партийность вообще, и в частности — партийность литерату-

ры, характерна для пролетарского этапа революционно-освободительного движения и поэтому именно отсюда берет свое начало. Интересно и убедительно доказал это положение А. Караганов в статье «Ленин и литературная часть партийного дела». Но и это верное положение оказалось искаженным. Некоторые исследователи, опираясь на него, дошли до того, что объявили партийность принадлежностью одной лишь коммунистической идеологии и литературы социалистического реализма. По их мнению, если характер партийности сделался понятным только благодаря утверждению марксистско-ленинского мировоззрения в эпоху пролетарских революций, то, следовательно, подлинно партийный взгляд на все вопросы общественного развития может быть только и только марксистско-ленинским. Исходя из этого верного положения, они доказывают, что партийность литературы и искусства проявляется только в творчестве тех писателей и художников, которыми взят на вооружение метод социалистического реализма. Так, например, Б. Вишняков в статье «Коммунистическая партийность — основополагающий принцип творческого метода советских художников» прямо и категорически утверждает, что партийность художественного творчества представляет собой высшую форму тенденциозности и соответствует социалистическому этапу развития искусства.

Из этого вытекает, что буржуазная литература и искусство не партийны и что партийность — принадлежность только социалистического реализма или, более узко, советской литературы. Это умозаключение выражает суть ленинского принципа партийности односторонне, а следовательно — и неверно. В. И. Ленин прямо указывал, что служение интересам того или иного класса свойственно каждому, что всякий человек становится на сторону того или иного класса, радуется его успехам, огорчается его поражениями (см. «От какого наследства мы отказываемся»).

А в гениальной работе «Партийная организация и партийная литература» Ленин разоблачил фарисейский характер лозунга «абсолютной свободы» буржуазной литературы и искусства и, следовательно, доказал их партийный характер. Таким образом, объявление принципа партийности характерным лишь для социалистической литературы противоречит ленинскому учению и историческим фактам. Разве не проявляются открыто классовые и партийные интересы в отношении буржуазного литературоведения к советской литературе и ее творческому методу?

В связи с вопросом о партийности литературы следует остановиться еще на одном моменте. Ряд исследователей,

опираясь на известные высказывания Ленина, утверждает, что партийность литературы и искусства требует сознательного служения интересам того или иного класса (А. Караганов, Г. Куницын). Ленин действительно подчеркивал необходимость «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, **открыто** связанную с пролетариатом литературу», он требовал от социалистических писателей открыто и смело выступить на защиту интересов пролетариата. Открытие принципа партийности литературы и искусства оказалось бы невозможным, если бы он не был присущ самой литературе и искусству, не стал их явно видимым признаком на высшем этапе классовой борьбы в эпоху пролетарских битв. Поэтому партийность подразумевает сознательное выступление в защиту интересов своего класса. Естественно, что и партийная литература и искусство также сознательно выражают свои классовые интересы. Как говорилось выше, Ленин требовал от социалистической литературы открытого выражения интересов пролетариата. И новая литература социалистического реализма действительно характеризовалась такой откровенной партийностью. Но подразумевает ли это непременно сознательное выражение партийности в литературе и искусстве? Не может ли в нынешних условиях писатель или художник неосознанно в своем творчестве выражать объективно политические интересы того или иного класса? По-моему, творчество современных за-

падных прогрессивных писателей дает возможность ответить на последний вопрос утвердительно. Часть западных писателей нашего времени сознательно стоит на платформе сторонников империализма, и партийная природа их творчества очевидна для всех, и в первую очередь для самих этих писателей. Но в то же время есть и такие писатели, которые, как было сказано выше, не дошли еще до сознательного принятия принципа партийности, хотя своей художественной практикой они служат делу прогресса человечества, а значит — делу социализма. Таким образом, в эпоху, характеризующуюся партийностью литературы и искусства, фактически не может быть творчества, свободного от партийных интересов, хотя этот принцип и не всегда используется писателями и художниками сознательно.

Вульгаризаторская интерпретация ленинского принципа партийности литературы, недоработанность, теоретическая неосвещенность некоторых вопросов наносят вред не только литературоведению. Запутанность теоретических вопросов отражается и на художественном творчестве. В советской литературе и искусстве в недавнее время обнаружались такие тенденции, которые могли быть объяснены лишь ошибочным пониманием принципов партийности и народности. Поэтому столь актуальной продолжает оставаться дальнейшая разработка этих проблем — вечно живого наследия, бессмертного завета Владимира Ильича Ленина работникам литературы и искусства.

Друг Ильича—Миха

Швейцария, Цюрих. Респектабельный центр. Кварталы банков, деловых контор. Особняки. Парки.

За озером старая часть города — Альштадт. Узкая крутая улочка Шпигельгассе между рынком и правым берегом Лиммата. Дом номер четырнадцать. В квартире сапожника Каммерера уже несколько месяцев снимают комнату «Ильичи» — Ленин и Крупская.

Письменный стол — за ним проведена не одна бессонная ночь. Лампа. Раскрытая книга. Начатая рукопись. Сверху почтовая открытка. Ленин пишет другу в Женеву:

«31 декабря 1916 года. Цюрих.

Лучшие приветы, дорогой товарищ Миха, и пожелания на новый год! Привет и всем друзьям. Ваш Ленин.»

Долгие годы — в Лондоне, Париже и в Женеве, в Берне и Стокгольме, в Петрограде и в Москве Владимир Ильич зовет его «Товарищ Миха». Душевно обращается: «Дорогой друг Миха!»

Политические единомышленники и почти ровесники, — разница в возрасте всего в пять лет, — оба они родились в пору весеннего цветения. В апреле!

В апреле 1865 года в холмистой и удивительно зеленой даже для Западной Грузии деревне Хунцы Сенакского уезда Кутаисской губернии, в семье бывших крепостных владетельного князя Мингрельского родился мальчик Миха. Миха Цхакая.

Подростка отвозят в Тифлис. Родителям всегда хочется, чтобы сын «вышел в люди». С трудом устраивают его в духовную семинарию. По злой иронии ни одно учебное заведение не давало столько атеистов, как духовная семинария!

Миха с головой уходит в науку. В неполных семнадцать лет, в знаменитой в ту пору в Тифлисе букинистической лавочке Захария Чичинадзе (Захарий, выходец из деревни, самоучка, страстный книголюб, обосновался, — случайно или намеренно, кто теперь ответит, — недалеко от семинарии, сразу за Александровским садом). Миха знакомится с русскими революционерами, сосланными на Кавказ. Во внутренней ком-

натке, доступной только для «постоянных клиентов», читает строжайше запрещенные «Колокол» и «Вестник Народной воли», знакомится с трудами Смита, Рикардо.

За богом и царем ничего не пропадает. Высший духовный пастырь — экзарх Грузии лично заботится, чтобы юноша, исключенный из семинарии с «волчьим билетом», не остался без надзора. Главнначальствующий Кавказа князь Дондуков-Корсаков, принимая во внимание «хлопоты» экзарха, приказывает отдать опасного возмутителя спокойствия Миха под надзор полиции.

Что ж, жребий брошен, выбор сделан! Двадцать пятого декабря 1892 года в Квирилах собираются организаторы «Месаме даси» — первой социал-демократической группы в Закавказье. Ной Жордания оглашает свою «Национал-демократическую программу». Настораживает, вызывает протест само название. Почему «национал-демократическая», а не «социал-демократическая программа»? Спор горячий, по самому острому вопросу — национальному.

Миха и его ближайший друг — писатель Эгнатэ Ниношвили произносят как клятву, как девиз всей жизни: «Мы всегда и везде социалисты, и легально и нелегально, и абсолютные противники всякого национализма!»

Эгнатэ вскоре заболел. Серьезно и неизлечимо. Вся тяжесть ложится на плечи Миха.

Сохранилась библиографическая редкость — книга воспоминаний видного кавказского революционера и литератора Бибинейшвили (партийный псевдоним «Барон») «За четверть века». Страницы 77-78 посвящены кутаисскому революционному подполью:

«Здесь мне впервые пришлось встретиться с редким по своим качествам революционером Миха Цхакая. Он приезжал на все важные совещания, без него не предпринимался ни один ответственный шаг. В нем был неиссякаемый запас энтузиазма и революционной энергии, и он умел заряжать ими окружающих.

От всего, что он говорил и делал, веяло... глубокой верой в торжество рабо-

чего дела. Он никогда не унывал. И все, кто шел рука об руку с ним, тоже становились бодрыми, твердыми и действительными. Молодежь он притягивал к себе точно магнит...»

Подобно тому, как вокруг могучего дуба появляется, неудержимо пускается в рост буйная поросль зеленых дубков, так и вокруг Миха Цхакая набрали силу, уверенно вступили в трудную борьбу такие видные грузинские революционеры, как Александр Цулукидзе, Ной Буачидзе, Серго Орджоникидзе, легендарный Камо. Еще и еще!

Миха писал: «После скитаний по многим различным местам я жил (незаконно) в Кутаисе, где совместно с моими старыми и новыми друзьями основал первый марксистский кружок с библиотекой, где читалось множество рефератов... Мы проводили беседы не только о политэкономической азбуке, но и о социальной революции, именно с точки зрения «Коммунистического манифеста».

Вот в это время (1895 год) один мой товарищ, член марксистского кружка, познакомил меня с высоким молодым человеком со смуглым, весьма симпатичным и привлекательным лицом. Помню, на нем был прекрасный «европейский» костюм. Мой товарищ шутиливо предупредил: «Ты, Миха, не очень доверяй одежде этого молодца. Недавно он был чохоносец и Мкלאвадзе...»¹. Потом переменил тон, вполне серьезно продолжил: «Перед тобой сын князя Цулукидзе. Но, могу поручиться, — наш человек до мозга костей. Желает учиться и работать вместе с нами».

После сказанного я почти не удивился, что темой первого реферата Саша выбрал образ «рыцаря нашей страны» — Тариэла Мкלאвадзе.

Вскоре Александр снова был у меня. Он принес прочесть рукопись своего реферата. Затем на большом собрании защитил свое мнение против тогдашней полулегально марксистствующей интеллигенции (это был период расцвета легального марксизма в России, а следовательно, и у нас). Я должен признаться, что почувствовал тогда, что сердце мое, таяко переживавшее безвременную потерю Эгнатэ², стало как будто исцеляться. Я радовался началу ясного мышления, нахождению, так сказать, революционного нерва, чего не доставало нашим тогдашним товарищам по

марксистским кружкам, как, например, Ною Жордания и Карло Чхеидзе, не говоря уже о других.

Реферат Александра представлял собой большой теоретический труд марксиста и произвел на слушателей потрясающее впечатление. Мы удивлялись природному уму и богатой эрудиции молодого революционера».

Власти принимают свои меры. Дуб надо рубить под корень. Миха арестовывают и на пять лет высылают за пределы Кавказа. Воспитания ради — пусть победствует, поголодает на чужбине, авось, и станет верноподданым.

Гонят вдоль по тракту политических. Скрипит под ногами снег. Мгла и черная ночь окутывает Российской империю. Пенза... Екатеринослав... Приказано жить в городе на берегу Днепра.

Агенты охраны, филеры доносят:

«Сей Цхакая вступил в преступное сообщество с Иваном Бабушкиным, вторым после Ульянова лицом в ликвидированном в Петербурге «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Бабушкин, Цхакая и местный — екатеринославский мастерской Григорий Петровский учредили тайный революционный комитет и ладят издание подпольной газеты для южных губерний России».

Все правда. Только газета уже печатается. «Южный Рабочий», большевистская, зубастая газета!

У жандармского ротмистра, ворвавшегося среди ночи с пятнадцатью «чинами» в домик, где квартировал Миха, приказ предельно лаконичный: «Обыск формальный, арест безусловный!»

Тюрьма в Екатеринославе. Изолятор в Харьковском тюремном замке. Рекомендация министерства внутренних дел: «Особенно беспокойный заключенный Цхакая Михаил Григорьев нуждается в полной изоляции и усиленном конвое».

«... В зиму 1901-02 гг. — делится Миха, — в номере первом секретного коридора московской центральной больницы, лишенный, конечно, всяких сношений с внешним миром.

Здесь в числе врачей оказался один, которого другие лекари, зарабатывавшие порядочно в городе, нанимали за пять рублей дежурить ночью за них. Это был некто доктор Данаев. Я вызывал его в ночное время и заводил с ним, когда стража удалялась в коридор, разговоры. Как-то он появляется в нервном, возбужденном состоянии. Сообщает мне втихомолку:

— Михаил Григорьевич, вы должны быть довольны — недаром работали.

Я встрепенулся, насторожился, «позритительно» посмотрев на него, спросил: «В чем дело? Революция в Москве, в России? Я ее жду, но не так скоро, и не без моего участия»...

¹ Тариэл Мкלאвадзе — литературный герой, олицетворяющий бесполезный обломок былого величия грузинского дворянства. Иронически назван писателем Эгнатэ Ниношвили «рыцарь нашей страны». (Здесь и далее примечания автора.)

² Эгнатэ Ниношвили.

Он мне ответил:

— Нет, не революция, а за границей начала выходить очень интересная газета «Искра», где участвует наряду с Плехановым некто Ульянов.

Я, большой, вскочив на ноги, схватил его за руки и, заглядывая в глаза, крикнул:

— Вы не врете, доктор?

С этого времени я начал быстроправляться.

...Весной 1902 года я был опять на Кавказе: то в Кутаисе, то в Тифлисе... Опять начал нелегально работать. Познакомился с вышедшей за два-три года литературой, в том числе и с номерами «Искры». Познакомился и с знаменитой брошюрой Владимира Ильича — «Что делать?»... Я обрадовался и, что скрывать, почувствовал гордость от того, что Ильич, подытоживая всю организационную работу за целое десятилетие, как раз намечал те линии, какие нам с трудом, в каторжной работе подполья на Юге России и здесь, на Кавказе, удавалось самим стихийно намечать.

Поэтому в 1903 году на Первом нелегальном съезде Кавказского Союза с. д. рабочих организаций в Тифлисе, еще до II съезда партии, я предложил здешним товарищам принять за свою программу проект программы «Искры», ибо предстоящим съездом, я был уверен, он будет принят.

Так и случилось¹.

Идет обычная жизнь профессионального революционера. В перерывах между арестами короткие встречи с подпольщиками на явочных квартирах или в гуще толпы на городских улицах. Тайные сходки. Бог весть откуда выкроенное время для самообразования. Конспекты на грузинском, русском, немецком языках по политической экономии и истории культуры. В общей сложности много сот страниц в самодельных тетрадах, простеньких блокнотах.

И густо исписанные страницы в «журналах донесений» филеров и провокаторов. Агенты охранки всегда за спиной.

«Цхакая Михаил Григорьев, по кличке «Короткий», взят в наблюдение 30 декабря 1903 года от Постолюбовского («Дворника») ...Вышел из дома... направился...»

«М. Цхакая является лицом, заведывавшим этим делом... Названные Аладжалова и Цхакая известны по своей упорной и серьезной преступной деятельности уже в течение нескольких лет».

¹ «Заметки о Владимире Ильиче». Под «Заметками» дата: «Тифлис, 24 г. 22 апреля».

Из Тифлиса от начальника охранного отделения в Петербург по телеграфу:

«Михаил Григорьев Цхакая принадлежит издавна к числу серьезных революционных деятелей, является центральной личностью. Имеет обширные связи. По прибытию в Тифлис с ним вошел в связь бывший студент Берлинского университета Шаумианц Степан Геворков...»

В этой встрече заинтересован Ленин. Степан Шаумян едет на Кавказ с его поручениями. Об этом можно судить и по записи, сделанной рукою Миха и совсем случайно обнаруженной автором этих строк в Ереване.

«Мы встретились, — написано характерным почерком Миха — мелкими, не слишком разборчивыми буквами, — в условленном месте, не только вдвоем или втроем, а целой пятеркой-шестеркой. Это было заседание «Кавказского Союзного Комитета». Нас было пять членов Комитета и шестой — вновь прибывший из-за границы товарищ. Это был Степан Шаумян».

«Дорогой товарищ! — обращается Миха к Степану. — Раз ты попал в наши руки здесь, в Тифлисе, да еще по рождению тифлисец, мы тебя не пустим обратно — чересчур велика нужда в работниках... — Он мне ответил под взглядами товарищей, устремленными на нас: «Товарищ Миха, хотя только теперь лично встретились с тобой, но давно много знаю о тебе. И там, за границей, в частности в Женеве, есть твои друзья — товарищи из подполья Юга России. И я очень доволен, что ты считаешь меня полезным для здешней работы. Постараюсь оправдать это. Скоро, очень скоро присоединюсь к вам. Только съезжу обратно к Ильичу — ведь обяжу его информировать, как работа здесь у вас кипит. Он ведь совсем, совсем окрылится, как горный орел, и будет парить над вами, над Кавказом, живя и вдохновляясь вашей беззаветной работой в таких трудных условиях».

Теперь уже недолго ждать. Скоро они встретятся — Владимир Ильич и Миха. Ранней весной 1905 года Камо приносит Цхакая заграничный паспорт. Отличный документ собственной выделки. Миха без особых приключений добирается до Лондона.

Знакомство с Лениным начинается с довольно оригинального разговора. Его хорошо запомнил Ильич и шесть лет спустя поведal во время ночной прогулки по Парижу Серго Орджоникидзе.

— Вы, кавказцы, очень дорожите товариществом. Помню, на Третий съезд Кавказу представили три мандата. Приехали четыре человека. Расспрашиваю Миха Цхакая: кому же при-

надлежат мандаты? Кто получил большинство голосов? Миха возмущенно ответил: «Да разве у нас на Кавказе голосуют?! Мы дела все решаем по-товарищески. Нас послали четырех, а сколько мандатов — не важно...»

В память Миха врезалась другая беседа с Владимиром Ильичем:

— Вдруг, пересекая зал, сквозь шумную толпу делегатов быстро подходит ко мне товарищ Ленин. Он мне говорит, чтобы я не отказывался, если организационной комиссией съезда мне будет предложено открыть съезд, ибо нет никого (раз Плеханов не является), кто бы был с таким партийным революционным стажем. Хотя, быть может, в среде делегатов есть и старше по возрасту.

Двадцать пятого апреля 1905 года Миха, представленный делегатам по законам строгой конспирации под фамилиями Барсов и Леонов, открывает съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Сохранились не тронутыми строки, написанные рукой Ленина, заметки Миха, «Протоколы» съезда. И теперь, шесть десятилетий спустя, можно увидеть, как работали Владимир Ильич и Миха.

Слова Ленина:

«Вопрос о поддержке крестьянского движения разбивается, собственно, на два: 1) теоретическое обоснование и 2) практический опыт партии. На последний вопрос ответ даст второй докладчик тов. Барсов, прекрасно знакомый с самым передовым крестьянским движением в Грузии».

Возвращаясь к тому же, уже после съезда — в октябре 1905 года, — Ленин пишет Плеханову:

«Речь Барсова на Третьем съезде выражает в этом отношении общие взгляды».

Кавказ сразу привлекает внимание съезда. Даже принята специальная резолюция о положении в Польше и на Кавказе.

Рука Ленина. Его правка. Им поставленный заголовок:

«РЕЗОЛЮЦИЯ БАРСОВА И ЛЕНИНА»

«...Третий съезд РоссСДРП от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к... своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

С первых дней знакомства возникает взаимная симпатия. Сближению немало способствует то, что, по шутливому замечанию Ильича, оба принадлежали к «партии прогулистов» — любителей долгих прогулок, когда ничто не мешает душевному разговору. Тут уж Миха

раскрыл душу. Раз, другой — кто считал — повторил имена своих расправлявших крылья питомцев. И на будущее планами поделился.

— Товарища Ноя оставляем в Белогорох. Камо — в Тифлисе, его молодого помощника Серго устроим на Черноморском побережье. Туда и надо будет адресовать транспорты с оружием.

События так разовьются, что все три молодых грузинских революционера прочно войдут в жизнь Ленина. Ильич признает: Миха не ошибся, это действительно очень стоящие, архитвердые люди.

Пока Владимир Ильич берет на себя обязанности гида. Он показывает Миха могилу Маркса, Национальную библиотеку, рабочие кварталы, набережные Темзы, естественно-исторический музей... «Все это он делал для меня, — замечает Миха, — ибо сам видел много раз прежде».

Из Лондона Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Миха уезжают последними. Через Париж в Женеву. На границе Франции — в Булони, по требованию зарубежной агентуры департамента полиции — осмотр чемоданов. Предлог — не везут ли... табаку. А в чемоданах — протоколы съезда, рукописи, записки делегатов. Ильич, по словам Миха, вскипает. Он не позволяет развязать папки: «Никакого там табаку нет, мы не курящие и не коммерсанты». Бумаги же по французским законам не подлежат таможенному досмотру.

Владимир Ильич приглашает своего грузинского друга провести у него несколько дней в Женеве.

Миха успевает принести еще последнюю радость смертельно больному Александру Цулукидзе. Немедленно после возвращения в Грузию он бросается к Саше.

У постели умирающего сидели два врача, друзья и близкие родственники. «Супруга Цулукидзе подошла к нему, — записано в одной из памятных книжек Миха, — и шепнула о моем приходе. Он пошевелился и стал искать меня глазами. Я наклонился, крепко поцеловал его и сказал:

— Саша, на съезде наше дело победило!

В его глазах блеснули слезы радости, и он еле слышно проговорил: «Да, идея всегда победит!»

И снова апрель. Апрель 1907 года. Туманное утро в Лондоне. Со старшего, чуть не ставшего жертвой шторма в Северном море, парохода сходят делегаты V съезда партии. Он должен был открыться в Копенгагене. В последнюю минуту датские социал-демократы — депутаты фолькетинга (парламента) — явились к Ленину. Стали говорить, что произошло весьма прискорбное недоразумение: царский дом России состоит в

близком родстве с датской королевской династией, ну и... правительством не хочет осложнений... Господин Ленин понимает, конечно, всю сложность положения социал-демократов...

Владимир Ильич бросил насмешливый взгляд на респектабельных, упитанных господ в длинных черных пальто и котелках, с достоинством произнес:

— Мы понимаем, что некоторые семейные связи, особенно с царской Россией, для некоторых политических деятелей сильнее, чем международная солидарность... Поэтому мы понимаем, что нам надо выехать из Дании, и мы готовы к этому.

Двинулись к берегам Швеции. На пристани в Мальме узнали, что и шведы не пускают делегатов в Стокгольм. «Странствующий» съезд берет курс на Лондон. Тридцатого апреля на Бальзамической улице в церкви Братства, принадлежавшей обществу фабианцев, Плеханов открывает V съезд РСДРП. Трудный, бурный съезд. Каждый день острые схватки между сторонниками Ленина, меньшевиками, «болотом главного водяного Троцкого», бундовцами и другими представителями национальных групп и фракций.

Среди делегатов, особенно близких Ленину, посланцы Кавказа. Миха в их числе. По свидетельству Надежды Константиновны: «Шла в мандатной комиссии из-за каждого делегата острая фракционная борьба. Помню, как маялся в этой комиссии Шаумян».

По всем острым проблемам, по всем жизненно важным вопросам съезд в конечном счете принимает идеи Ленина. Устами делегатов-большевиков съезд в полный голос провозглашает: «Мы патриоты партии, мы любим свою партию, и мы не дадим дискредитировать ее усталым интеллигентам».

Время разъезжаться по домам, а партийная касса пуста. В кассе ни гроша. Всевозможные проекты, поиски, переговоры — все на голодный желудок, питаться тоже не на что. Наконец отыскивается мыловар Джозеф Фелс. Он обещает деньги взаимно, если... ему поправятся делегаты. Фелс приводят, усаживают на хорах, где сидели все другие гости. Он вглядывается в лица, спрашивает, кто Ленин, Плеханов, Горький, Мартов, Роза Люксембург... «Хорошо, дам 1 700 фунтов стерлингов. Под заемный лист самых уважаемых делегатов».

Съезд предложение принимает. Фелсу вручают долговую расписку: «Российская социал-демократическая партия. Лондонский съезд. Май 1907 года. Церковь Братства, Саусгет Роод, Лондон. Мы, нижеподписавшиеся, делегаты съезда РСДРП, настоящим обещаем вернуть мистеру Джозефу Фелсу к первому января 1908 года или раньше сем-

надцать сотен фунтов стерлингов сумму займа, любезно предоставленную без процентов».

Ставят свои подписи Горький, Плеханов, Ленин, Дейч, Ярославский, Цхакая, Степан Шаумян, Ногин, Бубнов, Мицкевич-Капускас...

Позднее удается уговорить англичанина ждать победы революции: «Как только эсдеки придут к власти, они возвратят ему 1 700 фунтов с благодарностью». Слово большевика твердо. В 1920 году Леонид Красин и Виктор Ногин по поручению Ленина отвезли в Лондон и вручили наследникам покойного Фелса все семнадцать сотен фунтов стерлингов. Владимир Ильич говорит по этому поводу Миха:

— Царских долгов не платим. А свои, пожалуйста, — платим непременно!..

Пока до победы революции еще далеко. Идут самые мрачные годы реакции, жесточайшей борьбы, суровых репрессий. Миха тяжело заболевает. Ленин требует, чтобы Цхакая поберег себя, выехал за границу. Владимир Ильич достает ему паспорт на имя таммерфорского художника Гуго Антона Рикканена.

Надежда Константиновна всегда вспоминала: «Из товарищей в это время в Женеве жили Миха Цхакая, В. А. Карпинский и Ольга Равич. Миха Цхакая ютился в небольшой комнатухе и с трудом прилоднисял с постели, когда мы пришли...»

Мучает болезнь, мучает крайняя нужда. «Месяцами живем на хлебе и чае, — признается Миха в одном из писем в Грузию, — как когда-то в тюрьме». Общая участь. Даже Ленин делится с сестрой: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколеть, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем... это вполне серьезно, вполне, вполне».

Владимир Ильич не раз вспоминает об одном трагикомическом случае, происшедшем в Женеве. Однажды Ильич отрядил Надежду Константиновну с утра пораньше к Цхакая — говорили, что Миха совсем без денег, скрывает это и питается одними каштанами — дикими, сырыми. Надежда Константиновна застала Миха за столом, он что-то писал, а вокруг горками лежали каштаны. «Провинившийся» был немедленно отведен к Владимиру Ильичу и признался, что действительно собирает каштаны во время прогулок, очень их любит... перебирать в руках, как четки, когда о чем-нибудь крепко задумается. А в пищу дикие каштаны вовсе не годятся. Ленин понял, что «попался» на этот раз сам, и заразительно расхохотался.

— Ну, бог с ними, не обижайтесь на нас, все равно мы заставим вас выпить чай.

Чуть отступила болезнь. Миха появляется в кафе «Ландольт» — традиционном месте встреч большевиков, не раз там бывал Владимир Ильич. Сразу масса дел. Круг обязанностей все расширяется. Цхакая основывает «идейную группу большевиков». Участвует в издании революционной газеты «Пролетарий», организует доставку транспортов с литературой в Россию. Держит тесную связь с большевистским подпольем Кавказа.

Из Баку, Тифлиса и портов Черного моря, из Кавказской армии самыми необычными путями к Миха стекаются вести от друзей. А от Миха дальше — к Ленину.

«Вопрос о мандате¹ официально еще не решен, но мы все склонны послать его Ильичу. — Это из Баку Степан Шаумян. — Мы твердо убеждены в правильности позиции Ильича. Передай Ильичу наш привет и сообщи о нашем отношении к занимающим вас вопросам».

Еще от Степана: «...Могу уверить тебя, как уважаемого старшего товарища (думаю, тебе приятно будет слышать это), что мы, твои друзья, стоим бодро на своих постах и работаем, ни перед чем не останавливаясь».

Из Турции шлет неотложное поручение Ной Буачидзе. Его преследуют по пятам, дорог каждый час. Миха мчится в Берн к Ильичу. Как на грех, Ленин поднялся на альпийские луга. Миха за ним. Разговор серьезный. Владимир Ильич с некоторой долей тревоги в голосе спрашивает:

— А вы, батенька, Михаил Григорьевич, не пристрастны к нему?

Цхакая возражает:

— Он мне больше чем сын!

Ильич напоминает, что отцы и дети далеко не всегда оказываются по одну сторону баррикад. По наследству, дескать, передаются имена, сословная спесь, предрассудки, но не революционные идеи. Миха протестует:

— У нас родство духовное. Я ввел его в первый социал-демократический кружок. Никакой он не был тогда товарищ Ной. Просто крестьянский мальчик Самуил Буачидзе, милый и очень бедный. Но доложу вам, Владимир Ильич, с большим характером!

Миха, все более увлекаясь, рассказывает Ильичу об одном из своих первых крестников. Наконец восклицает:

— Теперь вы решайте, Владимир Ильич!

Ленин, прищурился, внимательно рассматривает вершину горы, белевшую

громадной снежной шапкой. Чуть погодя, по привычке потирая руки, просит: — Известите товарища Ной Буачидзе! Следует обосноваться в Софии. Действовать он должен архизэнергично, архиделовито. Надо всячески уширять работу. Центральному Комитету до зарезу нужен на Балканах умный и верный человек. Это архиважный для нас район — Болгария, Сербия, Румыния, Греция! Обстановка к тому же предельно сложная и путаная. Ей-же-ей!

Пройдут два года. Миха вместе с Ноем отправится в крохотную горную швейцарскую деревушку Соренберг, гордо представит своего питомца Ильичу. Питомца, уже завоевавшего полное признание Ленина, Благоева, болгарских, румынских, сербских революционеров...

Оказывается Миха и в совсем уж неожиданной роли... председателя суда! В Швейцарии, в 1915 году! И члены суда все на подбор — большевики, друзья Ильича — Ной Буачидзе, Нико Кикнадзе. Присяжные заседатели — Лео Киачели, Давид Сулиашвили, Тевзал, Сургуладзе... Защитник Анатолий Васильевич Луначарский.

Приходится полистать много записей в блокноте Миха за номером пять (часть своих швейцарских памятных книжек и блокнотов Миха помечал цифрами). Наконец все объясняется. Суд — литературно-общественный над героями драмы Сумбаташвили — «Измена». Для заседания суда Миха и Ной арендовали большой зал Женевского муниципального совета на улице Конкорд. За два часа до начала первого заседания не осталось ни одного входного билета.

Луначарский говорил около полутора часов. Его речь часто прерывалась долгими овациями. Симпатии всех присутствовавших и самих членов суда полностью на стороне защиты, особенно, когда Анатолий Васильевич говорил о борьбе пролетариата и интернациональных стремлениях, всегда ярко проявлявшихся в Грузии.

Добрый словом об этом суде отзывается при новой встрече с Миха и Ноем Владимир Ильич.

...Как-то в конце февраля 1917 года Миха находит в своем почтовом ящике открытку. Быстро пробегает ее глазами, снова перечитывает ее необычное, великодушное содержание:

«Дорогой Миха, свершилось... прорвалось... поздравляю с революцией в России... Я готовлюсь в путь-дорогу. Укладываю чемоданы. Значит, едем? Ваш Ленин».

Забилось сердце, перехватило дыхание. Несколько минут Миха молча сидит на жесткой койке. Перебирается к столу. Набрасывает ответ Ильичу:

«Дорогой Ильич! Поздравляю также.

¹ Речь идет о мандате на Пятую (общероссийскую) конференцию РСДРП. По предложению Шаумяна, делегатом от большевиков Баку был избран Ленин.

Мои чемоданы уложены год назад. Вдвойне рад, что мой оптимизм оправдался. Конечно, едем. Ваш Миха».

«Мои чемоданы уложены год назад...» Тогда зимней ночью они прогуливались втроем — Владимир Ильич, Миха и Мелитон Филля — на набережной реки Арв в Женеве. Отвечая на вопрос Ильича: «Когда же прорвется, свершится?», Миха решительно объявляет: «Через год, ровно через год!»

Редко, очень редко предсказания сбываются с такой потрясающей точностью. Свершилось ровно через год!

Положение в России требует немедленного возвращения Ленина и его единомышленников на родину. Владимир Ильич уже покинул Цюрих. Он в Берне. Оттуда телеграфирует в Женеву Карпинскому: «Абсолютно невозможно задерживаться. Приезжайте без бумаг. Миха, Брендистен должны также непременно выехать из Берна 10.40 утра. Ульянов».

Вслед вторая телеграмма:

«Едем завтра в полдень. Приезжайте.

Справьтесь о разрешении почты Швейцарии. Михе оплатим поездку. Ульянов».

И третья телеграмма, разъясняющая смысл предыдущей:

«Читайте: разрешение на выезд из Швейцарии, вместо почты Швейцарии. Ульянов».

Они выехали вместе. В один и тот же час, в одном вагоне, в одном купе. Ленин и его друг Цхакая. Через Стокгольм в революционный Питер.

Дома, в России, бурливое людское море на площади у Финляндского вокзала. Рабочие, солдаты, матросы. Ленин поднимается на броневик.

Впервые за долгие-долгие годы профессиональный революционер Цхакая не должен скрываться. Живет легально, под собственной фамилией. В удостоверении, выданном Петроградским Советом, сказано исчерпывающе: «... действительно является Миха Цхакая». Ничего больше не требуется!

Впереди Октябрь...

Тариэл ЧАНТУРИА

СТРЕМЛЕНИЕ

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

Покорителям космоса

На бледном пире радуг —
Я редкий гость.
Десять солнц загораются сразу,
Десять солнц,
Как зажатых в горсть.
О таинственное небо —
Раскаленные параболы,
Голубой циферблат кометы
и мои часы поладили.
Я беседую ночь напролет
С Временем — единственным путником,
Мой собеседник на вечность плюет,
Да и мне века отпущены.
Но и здесь
Говорю я будто
С вами
сквозь этот мир,
Я страстям вашим буйным
Дал в жертву дыхание свое
и мысль —
Вот моя жизнь,
не доставшая века,
Со всеми страстями,
мыслями —
что ж! —
Вот она
шуршит,
как срезанная ветка,
И где-то там
без меня
ваш дождь.
И вмещает моя минута
и мысль,
и боль,
и крик цветов,
Дрожание линий,
сомнения мужества,
и отсутствие всех «потом»,
И желание познать —
кто я,
да что я?..

И все равно это небо — лучше,
Чем тихие сомнения улыбок...
В небо голубое,
колючее —
Звезды ныряют,
как рыбы.
На бледном пире радуг
Я — гость,
пожалуй, редкий,
Десять солнц загораются сразу —
Десять холодных сленков.
Зажигается Марс,
И шумнее ручей.
Кого удивит, дорогая, этот шелест?!
Река теплее среди ночей,
И твои плечи,
и твоя шея...
Стоишь — сомнительная
И надежная на редкость,
Как понтонный мост.
Качается мост...
Синим светом мерцает Имеретия,
И приходит темнота
Твоих волос.
Ты и послушна и нежна,
Как косуля голодная очень.
Будто кто-то призывает нас...
Река бывает теплее ночью.
Река бывает теплее ночью,
Согревает ее июль.
И твои руки теплее ночью.
Я жажду ночь — теплоту твою!
Но что делать —
Зовут дороги
И пространства мерцают,
Дробя деления,
И высота захватывает до дрожи,
И нет границ
Моему
Стремлению.

Перевод с грузинского Л. Халифа

МАЛЬСЕККО

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Ю. Нагибина

1

Они шли к берегу моря пальмовой аллеей, под их ногами хрустел морской песок.

— Вот уже сколько времени, как вы приехали, а ко мне не зашли, — нарушил он молчание. — Вы помните, Кетеван: «И я поеду туда, где пальмы, цветы и море... Самое небо над морем совсем другого цвета». — Он шел рядом с ней и глядел на ее профиль: правильный нос, продолговатый разрез глаз, маленький подбородок.

— Помню, Леван. Как быстро пролетели три года! — Она взглянула на него и неожиданно улыбнулась. — «Великолепны и потоки дождя, и любая непогода... Все прекрасно вокруг, когда глядишь на жизнь счастливыми глазами». — Она повернулась лицом к морю. — Я навсегда запомнила ваши слова и старалась на все глядеть... вашими глазами. Мне казалось, что вы все время были рядом со мной. Я верила даже вашему обещанию сделать меня королевой цитрусов...

— Этого обещания я выполнить не смог, — сказал Леван. — Королевы не должны столько работать. Я не хочу, чтобы вы убивали себя из-за моего дела...

— Теперь это не только ваше дело, Леван.

— Не будем говорить о делах, ведь сегодня наш первый свободный вечер, и вы мне его подарили...

— Смотрите, какое красное на закате солнце! — в невольном смущении прервала его Кетеван.

— Это к непогоде.

— А вы по-прежнему боитесь дождя? Помните, как вы вымокли из-за меня?

— А у вас волосы прилипли к щекам, вы были похожи на ребенка, попавшего в дождь...

— Как потемнело море, — опять прервала его Кетеван и покраснела. — И как оно спокойно...

— Путешественник Ламберти писал: из-за черноты туч нарекли это море Черным.

Солнце быстро погружалось в море. Иссиня-черные тучи горами громоздились друг на друга и медленно плыли к берегу.

Когда вошли во двор, Леван вынул связку ключей.

— Это и есть мой дом, Кетеван. Он построен по моему плану. Я видел такую виллу в Италии...

Поднялись на балкон; Леван откинул одну дверь, затем вторую, третью, четвертую — каждая комната была на замке.

— Вы что — живете за семью замками? — засмеялась Кетеван.

— У моей бабушки был сундук с семью замками. Вероятно, это перешло ко мне от нее.

Леван открыл последнюю дверь и взял из рук Кетеван плащ.

Гостиная, столовая, спальня были уставлены современной западной мебелью, поблескивали хру-

стальные и фарфоровые люстры, стены были увешаны картинами в позолоченных рамах.

Кетеван подошла к высокому стенному зеркалу, закинула руки и поправила волосы. На полочке перед зеркалом были разложены разные фарфоровые безделушки: собачки, кошки, слоники, обезьянки. Они были так смешны и уродливы, что Кетеван не смогла сдержать улыбки. Она взяла в руки одну из обезьянок и стала рассматривать ее.

— Японская, — сказал Леван. — Вам нравится эта зверюга? Я буду рад, если вы примете ее... на память.

Кетеван торопливо положила обезьянку обратно.

— А ведь вы ей тоже понравились, — сказал Леван и вложил ей в руку обезьянку. — Смотрите-ка, она улыбается вам! Как вы думаете, сколько ей лет? Четыреста! Я приобрел ее в Париже, в антикварном магазине.

— У вас все антикварное...

Левану польстило, что его квартира так понравилась Кетеван. Он накрыв стол скатертью, достал из холодильника шампанское и фрукты, из серванта — сладости, фарфоровые тарелочки, стаканы цветного хрусталя. Кетеван подошла к столу и стала помогать Левану.

— Вот так и живу, Кетеван. Стараюсь, чтобы мой очаг не походил на жилище старого, опустившегося холостяка... Не смейтесь надо мной! Просто, дом должен быть приспособлен для отдыха. Ведь мы живем, главным образом, для работы, нам неведом семейный уют...

— Неужели вы недовольны своей жизнью, работой, Леван? — удивленно взглянула на него Кетеван.

— Знаете, как говорится, иной раз и реке надо передохнуть...

Чтобы скрыть свое удивление, Кетеван подошла к креслу и села. Отсюда ей видна была спальня, у одной из стен промоздилась целая гора чехмоданов разного размера

и цвета, все они пестрели яркими наклейками.

— Как много стран объездиле вы за три года, Леван!

— А сколько еще я мог повидавать, если бы не дела!

— Так вот, значит, в чем дело...

— Что вы сказали?

— Это я так... Зато теперь вам уже ничто не помешает, ведь первая партия вашего «Урагана» готова...

— О да, и я так рад, что лимонную плантацию «Гамарджвеба» будете лечить именно вы!

— Мальсекко распространилось почти повсюду, Леван.

— Знаю. Кавтарадзе просил меня сегодня, чтобы я сам провел лечение на плантации «Гамарджвеба», но я отказался. Вот уже больше года лечу я своим «Ураганом» лимоны на участках института и совхоза. С меня довольно! Должен же я, наконец, защитить докторскую диссертацию. Москва торопит меня, в Тбилиси ждут, уже назначен день защиты...

Кетеван нервно вертела в пальцах фарфоровую обезьянку и смотрела на Левана. Ей не нравилась его самодовольная улыбка. Она заметила эту улыбку уже в первый день своего приезда, но старалась не замечать ее, не верить ей...

— У меня обычай, — он сел в кресло напротив Кетеван, — не говорить дома о делах. Плантация, совхоз, институт... Это — там. А здесь — вы и я. Давайте лучше послушаем веселую музыку.

Он придвинул кресло к приемнику, переключил его на короткие волны, быстро отыскал нужную станцию. Зазвучала джазовая музыка и на ее фоне — звуки иностранной речи, шарканье ног, звон посуды.

— Передают из ресторана, — сказал Леван, и на его четко очерченных губах показалась улыбка удовольствия. — Вот где умеют и отдыхать, и трудиться! Вы и не представляете себе, каков там рабочий день ученого...

— А мы, Леван, — разве мы не умеем работать?

— О, это мы умеем, да еще как! — горько отозвался Леван. — Вот, к примеру, директор нашего исследовательского института, Евгений Кавтарадзе. Что у него за жизнь! Все двадцать четыре часа он только и знает, что институт да плантации. Если же он не там — значит, в колхозе, в райкоме или в командировке. Удивляюсь, как это жена до сих пор его не бросила...

— А вы знакомы с женой Кавтарадзе, Леван?

— Конечно. Красивая, умная женщина.

— Нет, это неправда, — после некоторого молчания решительно заявила Кетеван.

— Что — неправда?

— Кавтарадзе — хороший человек, хороший и любящий свое дело ученый. И Нино любит своего мужа.

— Не знал, что вы знакомы с женой Евгения.

— Я видела ее всего только раз... Но я не верю вам, Леван, не хочу верить!

В окнах сверкнула молния, где-то вдаль прогремел гром. Леван выключил приемник. Совсем рядом с ним — любимое лицо, продолговатые прекрасные глаза, сейчас чуть прищуренные, непонятная, печальная улыбка.

— Кетеван, — восхищенно воскликнул Леван, — как вы прекрасны! Такой вы и должны оставаться всегда: правдивой, светлой, доброй. Ведь это сама молодость вошла ко мне с вами... — Он встал, обвел взглядом комнату. — Часто я думаю: для чего мне все это? Вот брошу все и...

— И поедете за границу, где умеют и трудиться, и отдыхать, — рассмеялась Кетеван.

— А хотя бы и за границу... Да, да, с близким человеком, которого я люблю и который меня немножко любит. — Он снова сел в кресло и взял в свои ладони руку Кетеван. — Вы почувствуете, вероятно, как изме-

нилось для меня все с вашим приездом.

Кетеван мягко высвободила свою руку.

— Моя жизнь приобрела какой-то новый смысл... Но почему вы отводите глаза, Кетеван? Ну поглядите же на меня! Три года я ждал этого дня... — и он внезапно с силой привлек ее к себе и поцеловал в губы.

Кетеван, поддавшись было, резко оттолкнула его, фарфоровая обезьянка упала на пол и разбилась. Она лежала головой кверху и противно смеялась. Леван нагнулся и поднял ее.

— Зачем так, Кетеван. Будьте смелее, правдивее...

— Правдивее? Хорошо, я буду правдивой... Мне казалось, что вы большой, настоящий, что мне надо подняться до вас... А теперь я вижу...

У нее закипели слезы, но она сдержалась, умолкла, решив, что не должна была так говорить, и все же была довольна, что высказалась.

Леван стоял перед ней, ошеломленный, не отрывая от нее глаз. Снова сверкнула молния, в ее резком свете лицо Кетеван показалось ему вдруг осунувшимся и бледным.

— Кетеван, — заговорил он тихо, — я знаю, что не имею на вас никаких прав. Знаю, что счастье приходит к человеку нелегко...

— Хозяин! — донесся со двора хриплый мужской голос.

Леван недовольно нахмурился и быстрым шагом пошел к двери, выходящей на балкон. Когда он скрылся за дверью, Кетеван подошла к окну и выглянула во двор.

У крыльца стоял пожилой, пружинный крестьянин, у него было круглое, одутловатое, нездоровое лицо, двойной подбородок. Рядом стояла женщина в темном платке, с худым, измученным лицом, одетая во все черное, — воплощение печали и горя. Тяжело опираясь на палку, она страдальчески глядела на Левана.

— Здравствуй, дорогой! — скинул шапку крестьянин.

— Добрый вечер, — приветствовал Левана женщина.

— Что вам угодно? — холодно отозвался Леван на их приветствия.

— Желаем тебе благополучия, сынок. Нам нужен тот человек, который изобрел ядохимикат от мальсекко, — сказал грузный крестьянин. У него, видимо, было большое сердце, он говорил с одышкой. — Да будет благословен...

— Рано вы явились, у нас пока еще нет ядохимиката от мальсекко.

— Чего уж рано, сынок, мы как в огне горим! — женщина в отчаянии ударила себя в грудь кулаком. — Во всем районе появилась эта болезнь. Уж лучше бы меня она поразила, проклятая! — добавила она горько.

— Если мальсекко заразит и наши лимоны, — сказал крестьянин, — нам придется закрыть наш колхоз. Мы только и живем этим благословенным новогрузинским лимоном. Три миллиона дает он нам в год...

— До вашей бухгалтерии мне дела нет... — начал было Леван, но женщина не дала ему договорить.

— Как так — дела нет, сынок? Это касается каждого, у кого есть душа и сердце. Если наш лимон выродится, то не одна только бухгалтерия Гайоза завертится обратно... — Она виновато улыбнулась. — И чего мы к тебе пристали — нам нужен тот золотой человек, который ядохимикат придумал. Он наш спаситель. Говорят, его никто не заставлял, он сам целых два года день и ночь искал это лекарство...

— Шеварднадзе его фамилия, нас сюда направили, — сказал крестьянин, он все еще стоял без шапки, лысую голову его хлестал дождь.

— Что же, — уклончиво отозвался Леван, — если новогрузинский у вас высохнет, разведете сорт «Мейер».

— Уж лучше алыча, чем мейеровский лимон, сынок, — возразила женщина и повернулась к своему

спутнику. — Да надень ты шапку, Гайоз... заболеешь!

— Я лучше вас знаю, что вам нужно, — рассердился Леван. Приходите осенью, раньше осени ядохимикат от мальсекко не будет готов!

С этими словами Леван оставил посетителей и вернулся в комнату.

— Почему вы скрыли от них, что Шеварднадзе — это вы? — резко сказала Кетеван, как только Леван закрыл за собой дверь. — Я знаю, почему: вам безразлично, что случится с плантацией этих колхозников! — Она хотела сдержать себя и не смогла. — Вам нет никакого дела ни до их «бухгалтерии», ни до их жизни! Может быть, вы и хороший ученый, Леван, но думаете только о себе...

— Хватит! Вы слишком много себе позволяете! Не забудьте, что «Ураган» создал я, я, Леван Шеварднадзе, и никто другой! Об этом знает вся Грузия! Мало ли шляется сюда всяких посетителей, у меня нет времени с каждым возиться...

— Вы их даже не пригласили в дом в такую непогоду, не ответили на их приветствие, не утешили...

— Не смейте так разговаривать со мной, девчонка! — Леван стукнул кулаком по столу. — Вы, вы...

Кетеван круто повернулась, убежала из комнаты, сняла с вешалки свой плащ, распахнула балконную дверь, и ее сразу же обступили мрак и непогода.

— Кетеван, Кетеван! — кричал вслед ей Леван, выйдя на балкон. Он сбежал с лестницы, но его обдало дождем, и он медленно и хмуро, недовольный собой и всем миром, вернулся обратно в дом.

2

Косой дождь хлестал Кетеван, как бичом, разметавшиеся мокрые волосы липли к лицу, к глазам. Ветер распахивал полы ее плаща, рвал его с тела, намокшее платье сковывало движения. Кетеван поч-

ти безотчетно бежала в ту сторону, где шумело и бурлило море. Она остановилась только в знакомой ей пальмовой аллее, чтобы перевести дух, и вдруг, в мгноvenном свете молнии, увидела гигантскую волну, взметнувшуюся над берегом. Волна перемахнула через пальмы и с ужасающим прохотом обрушилась на землю у самых ног Кетеван. Затем сразу же сбежала обратно, сметая в море песок и гравий...

Кетеван со страхом глядела на белеющую в свете молний аллею. Опромыные волны, одна за другой, набегали на дорогу, словно стремясь достичь того места, где стояла Кетеван. И тут, словно осознав, наконец, опасность, она повернулась спиной к морю и побежала. Частые вспышки ослепляли ее, волны яростно пнались за ней, но страх придавал ей силы, и она успела добежать почти до конца аллеи, когда промадная тяжелая волна сбила ее с ног и придавила к земле. Боль во всем теле не давала ей подняться, а на нее надвигалась уже новая волна. «Если меня захлестнет еще раз, я уже не встану». Она вскочила и побежала. Двадцать, тридцать, сорок шагов, и она будет в полной безопасности...

В конце аллеи Кетеван остановилась, привела себя в порядок и медленно двинулась к мосту: по ту сторону реки находилось общежитие исследовательского института. Идти было трудно, ноги не повиновались, отяжелели, все тело болело. «Леван... Как мог он так поступить! Как непохож он стал на того, прежнего Левана!»

...Тогда тоже шел дождь. В тот день Леван впервые явился в Научно-исследовательский институт чая и субтропических культур в качестве младшего научного сотрудника. Он рвался к работе, он ощущал в себе такие силы, что не знал, куда девать их. Ему хотелось петь, смеяться, шутить, сделать людям что-то хорошее, доброе...

Когда он выходил из института, его нагнала Кетеван. Она была

студенткой второго курса, Леван проводил в ее группе практические занятия. Девушка чувствовала, знала, что он уже приметил ее как «самую красивую», хотя не давал ей никакого повода так думать. Кетеван поздравила его с назначением, и вот они идут рядом по институтскому двору. Кругом полно студентов и студенток, и многие смотрят на них, кто с завистью, кто с любопытством. Кетеван рада этому, она гордится сейчас и собой, и своим спутником...

Вот они выходят на улицу. Им по пути, и хотя дождь уже накрапывает, они решают идти пешком.

— Какой вы счастливый, Леван!

— Счастливейший?

— Закончили аспирантуру, получили назначение... Море, цветы, пальмы, а главное — дело, которое вы любите!

— Вы правы, Кетеван. Это большое счастье — делать работу, которую любишь, которой живешь...

— А вы знаете, Леван, нашим девушкам очень нравится, как вы проводите практикум.

— И мне они очень нравятся...

— Все?

— Все четырнадцать, — рассмеялся Леван.

— Почему вы смеетесь? — Кетеван покраснела, она поняла вдруг, что равнодушна к Левану.

— Смотрите-ка, — уклонился Леван от ответа, — дождь все усиливается.

— И пусть...

Раздался первый удар прома, налетел прозовой ветер, взвихрил густую листву платанов, и она вмиг изменила свой цвет.

— Вы что, не любите дождь, Леван? — Кетеван раскрыла зонтик.

— Люблю — когда сижу у себя в комнате и работаю...

А дождь уже шумел в листьях платанов.

— В комнате тихо, — продолжал Леван, — дождевые капли сбегают по стеклу...

— Но они барабают по крыше.

— Нет, — усмехнулся Леван, — надо мной еще два этажа.

— Они стучат по асфальту...

— Я живу в Сабуртало, нашу улицу еще не асфальтировали.

Так, под зеленым зонтиком, вокруг которого серебрилась водная ткань дождя, шли Кетеван и Леван, отрезанные ливнем от всего мира.

— Но дождь барабанит по зонтику! — засмеялась Кетеван.

Прижавшись друг к другу плечами, молодые люди ступали по лужам, не разбирая дороги.

— Это хорошо, когда дождь барабанит по зонтику, — говорил Леван. — Особенно, если под зонтиком двое...

— А не четырнадцать?

— Двое... только двое... И одну зовут Кетеван, а другого — Леван.

Сверкнувшая молния осветила в раковине зонта два улыбающихся лица, как две жемчужины.

Кетеван повернула лицо к Левану и сразу же отвела глаза.

— Вы не сердитесь на меня?

— За что? — удивился Леван.

— Ну, за этот дождь...

— Что вы, Кетеван, это же прекрасно!

— Прекрасно?

— Ну да, прекрасен этот дождь, эти мощные потоки... все вокруг прекрасно, когда...

— А этим людям мы, наверное, кажемся сумасшедшими, — поспешно прервала его Кетеван, указывая на скользящие мимо них машины, она боялась, как бы у него не сорвалось: «когда любишь».

Сквозь иссеченные дождем стекла машин виднелись лица людей, обращенные в сторону влюбленных.

Потом они вслупили на мост и перепнулись через перила: вздувшаяся, вспененная Кура стремительно неслась на восток.

— Смотрите, Кетеван, — сказал Леван. — Кура в пене, как невеста в подвенечном наряде...

— А как ей идет подвенечный наряд! — подхватила, рассмеявшись, Кетеван. — Не хватает толь-

ко венца... Впрочем, вот и венчик! — она отвела зонтик и указала им на гигантскую радугу, выгнувшуюся вдаль над Курой.

Дождь жесткой щеткой сверху донизу прошелся по костюму Левана, и он в испуге ухватился за край зонтика.

— Смотрите на радугу! — крикнула Кетеван, закрыла зонтик, расхохоталась и побежала. Леван погнался за ней, пытаясь вырвать у нее зонтик.

— Кетеван! Кетеван!

Девушка остановилась, раскрыла зонтик, и когда Леван, подбежав, хотел сунуть под него голову, взмахнула зонтом и бросила его в Куру.

— Сумасшедшая! — с восторгом воскликнул Леван.

Струи дождя стекали по их лицам, они смотрели друг на друга и хохотали. Леван не мог оторвать взгляда от лица Кетеван, на которое упали лучи солнца, выглянувшего из-за туч, от ее ясных, чистых глаз, в которых дрожала радость. Кетеван отвернулась и взглянула на Куру: на вспененных волнах, покачиваясь и как бы играя, плыл раскрытый зеленый зонт.

— Если бы так же быстро пролетели три года... — сказала Кетеван мечтательно и улыбнулась своим мыслям.

— Годы пройдут быстро, Кетеван.

— Тогда и я уеду туда, где пальмы, цветы, море... Там и небо совсем другого цвета.

— «Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет...», — вспомнил Леван.

— Как прекрасно! Почему теперь так не пишут?..

— «Небеса грозят нам громом, я же молча им прожуж!» Разве плохо пишет наш Галактион?

Леван не отрывал глаз от девушки.

— Не смотрите на меня так! — рассердилась Кетеван, оправляя мокрое платье.

— Какая вы красивая, Кетеван!

— Я сумасшедшая, но по оконча-

нии института все же поеду туда, где пальмы, цветы, море, синее небо...

— Вы будете там королевой цитрусов, Кетеван... А пока что не простудитесь, вы же насквозь промокли!

— Что вы, такая жара...

...Как хорош был тогда Леван! Ах, почему он так изменился! И все же ей не хотелось плохо думать о нем. Если бы он снова стал таким же, каким был тогда, на Верийском мосту...

3

Кетеван быстрым шагом шла по узкой улочке, просквоженной осенним морским ветерком. Едва она миновала улочку и вышла на дорогу, мимо нее прошелестела новенькая, словно умытая, голубая «Волга». Кетеван была так утомлена, что не обратила на нее никакого внимания. Но когда услышала визг колес и тормозов, невольно посмотрела в сторону машины: из нее вышел Леван, как всегда элегантно одетый. Казалось, он стал еще красивее и моложе.

— Кетеван! — он быстрым шагом направился к девушке, крепко пожал ей руку. — Можете меня поздравить... Я нарочно ничего не сообщал вам, хотел сказать сам.

— Поздравляю, Леван, — сказала Кетеван и почувствовала, что слова ее прозвучали холодно. Но Леван, видимо, был так счастлив, что не обратил внимания на ее тон.

— Я так торопился к вам... Из Тбилиси ехал на машине.

— На новой...

— А теперь — длительный отдых. Мне обещали две путевки вокруг Европы...

Кетеван пристально смотрела на него. Но он не понял этого взгляда и беззаботно сдвинул набок свою модную фетровую шляпу с узкими полями.

— Я надеюсь, вы забыли нашу маленькую размолвку в тот вечер и не сердитесь на меня.

Кетеван отвела от него взгляд и ничего не сказала.

— Знаете, Кетеван, мою диссертацию приняли единогласно. Как жаль, что вас не было на защите! В актовом зале негде было иголке упасть...

— Леван, почему вы не спрашиваете меня о вашем «Урагане»?

— Да, да... Ну как плантация «Гамарджвеба»?.. Почему вы молчите, Кетеван? Что-нибудь случилось?..

— Пересохла плантация «Гамарджвеба».

— Не может этого быть!.. Почему вы не известили меня?

— А разве вы интересовались этим? — тихо сказала Кетеван.

— Нет, нет... это невозможно! Вероятно, завод виноват. Почему вы не проверили?

— Надеюсь, вы понимаете теперь, почему Кавтарадзе просил вас лично провести лечение зараженной плантации.

Кетеван, не прощаясь, перешла на другую сторону дороги. Проходя мимо машины, она увидела подвешенную у ветрового стекла миниатюрную фарфоровую обезьянку, которая в точности походила на ту, японскую. Она была так же безобразна и так же противно смеялась.

— Кетеван! — позвал Леван, но девушка не отозвалась и не повернулась, она с трудом сдерживала слезы.

«Почему он так изменился? Почему? А как хорошо могло все быть...»

— Кетеван!

Она еще больше ускорила шаг, она почти бежала теперь, закрыв лицо руками.

Алеко ШЕНГЕЛИА

ПОДОБНО ГИМНУ СОЛНЦА

Ну что еще так потрясет меня,
Как это испытание минувшим? —
Хранит страна от древнего огня
Святые искры в крепостях уснувших.

Я прикасался к их камням рукой —
Следы от пуль, как раны незажившие...
Такой в меня вселяли непокой
Седые плиты, время пережившие.

Подобно гимну, брошены в горах
То стойбища, то крепостные башни:
Они в захватчиков вселяли страх,
Они для нас — не только день вчерашний.

Здесь не бездельник, не отшельник жил
На неприступных кручах в поднебесье —
Здесь крепости народ давно сложил
В печальный день, когда умолкли песни.

И у врагов вставляли на пути
Сердца грузин и крепостные плиты...
Сегодня к башням трудно подойти —
Глухие тропки стерты и забыты.

Напоминаем прошлого стоят,
Хранят они сегодня день вчерашний...
О путник, удержи усталый взгляд.
О путник, погляди на эти башни!

Среди огней сегодняшнего дня,
Как тихая, заброшенная заводь,
Они устало смотрят и хранят
Жилища сельского покоя и память.

Я видел Грузию минувших дней —
Она идет тропой со мною рядом,
И за покой и мир ее камней
В родном селе я пью с друзьями рядом.

Отсюда видно, как невдалеке
В выси стоят сторожевые башни...
Ах, день вчерашний, трудный день
вчерашний.
Он к нам пришел, как путник, налегке.

Здесь в каждом доме есть мои друзья —
С вином тяжелым мне подносят роги...
На родине бываю счастлив я,
Но помню, помню тяжкие дороги.

Над башней старой вижу новый свет,
И в каждом доме — радостные лица...
О Родина, тебя дороже нет,
Твоей истории мне дороги страницы.

Страна моя, как древний звонкий стих
К горам, подобно Гимну Солнца, брошенный.
Живет трудом — тревожный ветер стих
И медом пахнут травы скошенные.

Перевод с грузинского В. Дробышева

Константин ЛОМИА

ГОРЫ И МОРЕ

Как будто жил всю жизнь на корабле,
как будто рос в семействе капитана —
хоть я и предан матери-земле,
я море вспоминаю постоянно.

В любое время — ночью или днем, —
в чужих краях иль у крыльца родного
я неустанно думаю о нем,
о нашей встрече вспоминаю снова.

Был знойный день. Полуденной порой
мы с гор сошли дорогой раскаленной,
и я увидел голубой прибой,
и с той поры я в эту синь влюбленный.

Ночуют звезды на вершинах гор,
но мы не только детища нагорья,
мы понимаем моря разговор,
Абхазия — страна большого моря.

Как девушку без зеркала нельзя
представить — так и море, очевидно,
без гор не существует, и стезя
единая их вяжет воедино.

Я, поднимаясь в горы, каждый раз
гляжу на них, увенчанных снегами,
вокруг меня раскинувшись, Кавказ
сияет голубыми ледниками.

И нити рек, ущельями блестя,
шумят, бегут к своей далекой цели,
и море пьет, как малое дитя,
грудное молоко земных ущелий.

Я говорю и не жалею слов,
но не сказал я самого простого:
мне повелела говорить любовь,
я все сказал и умолкаю снова.

Немногословен гордый мой народ,
Но глубоки его любви истоки.
Моя земля — моей любви оплот,
прими мои бесхитростные строки!

ВЕЧЕРНЯЯ ЗИМА

Небо мельницею стало —
сыплет белую мукой,
ветви свесились устало,
словно флаги, над землей.

Легкий ветер, как разведчик,
вести тайные несет,
у деревьев поседевших
тихо бороды трясет.

День уходит из-под крова,
убегает по снегам,
а мороз глядит сурово,
прибирая власть к рукам.

Вся природа в этот вечер
словно памятник стоит —
неоткрыт еще, и ветер
покрывалом шевелит.

МОЕ ДЕРЕВО

Осенья тенью целый двор,
дерево стоит и не стареет.
И зимой и летом с давних пор
ни один листок не пожелтеет.

Не бывает пестрого ковра
под его зеленою листвою,
и хозяйке моего двора
нет заботы хлопотать с метлою.

Ствол его и строен и высок.
Годы шли. Столетия пролетали..
Землю, где не старится листок,
родиной отцы мои избрали.

* * *

Двор опустел.

Семья спокойно спит.

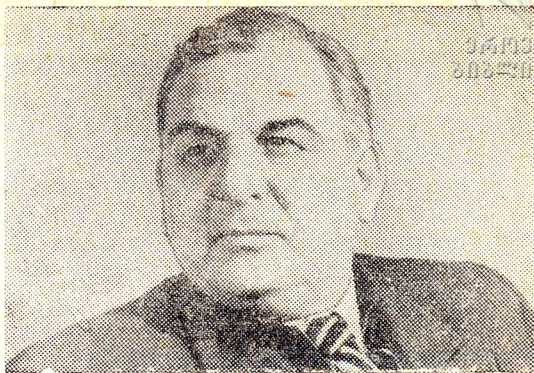
Над спящим домом лунный свет струится,
и где-то песнь поет ночная птица.
И лишь у матери окно горит.

Над материнским счастьем и трудом
не властвуют ни годы, ни усталость,
она опять похлопотать осталась,
наполнить дом уютom и теплом.

До полночи она не знает сна.
Давным-давно уже уснули дети.
Не гаснет свет в окне.

И на рассвете
никто не встанет раньше, чем она.

Перевод с абхазского С. Куняева

Народному поэту Грузии, академику Георгию Леонидзе, автору многих полюбившихся читателям поэм и стихов исполнилось 65 лет.

В день своего рождения, среди множества поздравительных телеграмм и открыток, грузинский поэт получил открытку из далекой Венесуэлы от известного поэта Августа Престе Леона: «Каждый настоящий поэт — ровестник истории своей страны. Сколько лет насчитывает эта история, столько же — поэту. Поэтому я имею полное право обнять тебя, не шестидесятипятилетнего, а юношу, вступившего в двадцатый век».

И действительно, поэт полон сил, энергии. Он уже закончил поэму «Шио Мгвимели», подходит к концу работа над поэмой «Пиросмани», написано много новых стихов.

А впереди — новые планы, замыслы...

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Т А М А Д А

П О В Е С Т Ь

Перевод с грузинского Э. Ананишвили

— *Посвящается Николаю Тихонову*

Глава первая

На второй день Нового года пришел к нам в Швлискури житель села Шатровани Таха и пригласил моего соседа Гвинджуа Потолашвили к себе в кумовья.

— Два мальчика у меня родились, двойня. Будь им крестным отцом!

Гвинджуа не стал уклоняться — детей крестить не отказываются, от купели отворачиваться нельзя. Только из вежливости сначала посоветовал поискать кого-нибудь попочтеннее, выбрать кумом более уважаемого человека.

— Ты для меня самый почтенный человек! Уж я искал, выбирал — вот тебя и выбрал. Соглашайся, миро крещальное не отталкивай! — упрашивал его Таха; потом, изловчившись, выдернул у него из чохи газырь и спрятал к себе в карман.

— А вот и залог! Нечего упрячиться! На крещение пожалуй ко мне в Шатровани, и побратаемся над купелью. День-то ведь праздничный, от дела не отстанешь!

— Ладно, будь по-твоему! — согласился Гвинджуа и, сдвинув из-под войлочную шапочку, почесал в затылке...

Оба были люди семейные, домовитые, степенные, уважаемые соседями, из сельских старейшин; и по достатку друг другу ровня: оба хлебопашцы и виноградари, обоим радовали высокие шелковые нивы и тесные ряды лоз, увешанных гроздьями...

Приглашением в кумовья Гвинджуа был в особенности обязан своей славе тамады. Во всей округе славилось его крестьянское красноречие. Были ему ведомы любые словесные крюки и извороты, для всякого слова, сладкого или горького, умел он найти время и место, а иной раз так глубоко метил и так метко попадал, что послушаешь, диву дашься! Важно говорил, с достоинством, не любил болтать пустяки, щекотать слух людям. Не источал меда и патоки — но и грохотом не оглушал. Не по душе ему были высокопарные речи и куцые, бескрылые мысли!

— Слово скажи такое, чтобы в жилах кровь заходила!

Не подумайте, что Гвинджуа был какой-нибудь темный человек — он знал наизуток много стихов Важа Пшавела! И самого Важа встречал — однажды в Тианети даже посидел с ним за чаркой в духане, чем немало гордился.

Ясно запечатлелся в моей памяти Гвинджуа. Рослый, по-медвежьи могучий, с заросшей волосами грудью, с густыми, толстыми усами, с крупным носом... Добродушный, не лукавый, смелый и прямой... Силы в плечах хоть отбавляй...

Но кроме красноречия было у Гвинджуа еще одно неценное свойство, из-за которого его особенно охотно приглашали в тамады: хмель его не брал, он никогда не упивался до потери разума.

Ни разу он не покинул поля битвы, не доведя ее с честью до победного конца, не встал из-за стола без прощальной, заключительной здравицы, которая обычно увенчивает пир и в которой призывают покровительство «всех святых». Это было его главное достоинство — и немалое! Сколько раз приходилось мне видеть, как слабосильный тамада в самый разгар веселья, скомжав порядок пира, поднимает гостей из-за стола, и все хлопоты и приготовления хозяев, их заботы и затраты оказываются все равно что выброшенными в воду! Нет, заполучить не пьянеющего тамаду — это большая удача, важное дело! Для этой последней заздравной чаши, «всесвятской», приберегал обычно Гвинджуа самые блестящие перлы своего застольного красноречия. Тут-то он и должен был блеснуть огненным своим словом, окончательно покорить гостей и хозяев и утвердить свою славу мудреца и златоуста.

Эту заключительную здравицу Гвинджуа любил превыше всего — и неизменно старался в ней отличиться. Речь свою он при этом строил хитро, замысловато, подходил к предмету издали, извилистыми стежками — и очень этими тостами гордился. Знал Таха, кого пригласить к себе в тамады, не ошибся!

Каждый новый пир под главенством Гвинджуа вплетал свежие лавры в венец его славы.

— Тот, кто в грузинском гнезде оперился, не должен вставать из-за стола без прощальной, «всесвятской» чаши. Такой у нас порядок, этим мы землю нашу почитаем! Кто дал нам право нарушать завет отцов и дедов? Не только сыновьям и внукам — самым дальним потомкам должны мы передать этот обычай!

Не столько само вино, как раздолье пира, шум и веселье любил Гвинджуа. Лишнего он никогда не пил.

— Вино в стакане — как цветок! Разве можно подливать воду в вино? Нельзя стакан встряхнуть, чтобы вино не испортилось! Тот, у кого нечистая душа, кто таит злобу в сердце, кто неверен дружбе, кто ест несправедный хлеб, недостоин пить вино! Бог дал нам, людям, вино для веселья, для раздолья, для дружбы, а не для ссор, не для драки и человекоубийства! Вино, как меч грузина, кривде не служит!

Искусство тамады Гвинджуа высоко ценил, считая его большим достоинством, украшением человека. «Этим я всему свету известен, за это меня всюду привечают!» — говаривал он.

— Столько лет мне жить, сколько я здравил с чашей в руках произнес! — гордился он собой.

Вот один из его тостов:

— С этим рогом в руке хочу от чистого сердца пожелать тебе долгой жизни! Живи до тех пор, пока в Кахетии будет струиться из давлен и бродить в кувшинах вино! Пока твердь земная у нас под ногами не изотрется так, что не сможет выдержать тяжесть наших шагов; пока не пересохнут все реки, моря и озера, и земля не будет сгорать от безводья! И еще скажу — видал, как, бывает, радуга перекинется мостом поперек небосвода и радуется взор своей игрой? Пусть же радуется и веселится твоя душа!

Никогда не померкнет над землей солнечный луч! И так же пусть никогда не погаснет для нас твое имя!

И пусть враги твои истекут кровью, как истечет вином до последней капли этот рог, когда я его осушу! Век тебе солнцем любоваться, живи тысячу лет! — И, осушив рог, переворачивал его со словами: — До капли! Так же сгинуть твоим врагам!

Так говорил с чашей в руке предводитель и военачальник рогов и чарок Гвинджуа — величаво, торжественно, горделиво.

— Хороший тамада чести дому прибавит! — думал Таха по пути к себе в Шатровани.

Новоявленный кум Гвинджуа Таха был крепкий, деятельный, бодрый человек с усами и бородой соломенного цвета. Нравом он обладал горячим — говорили, что жена ему попалась строптивая, жестокая, да он умягчил ее хворостиной...

Работящий был Таха крестьянин, хозяйственный, погреба у него ломились, амбары трещали. Имел, как поворотится, добро и достаток, на что прожить и чем пропитаться. В нынешнем году уродилось у него целое море вина — и так был дом полная чаша, а теперь стало всего через край! Соседи говорили, что Таха — счастливого рода: к его отцу будто бы даже прибегала из лесу ручная дойная лань!

Рачительный хозяин, Таха не был, однако, прижимист. Человек тароватый, он любил гостей и любого принимал с почетом и лаской, как родного отца. И уже ничего не жалел — угощал щедро, все ставил на стол, что только было в кладовой. Недаром жена то и дело бранилась с ним, твердила, что он готов пустить по миру семью ради своего хлебосольства. Любил Таха старинное застольство, любил, чтобы все было по обычаю и по чину — и потому выбору тамады придавал большое значение. Тамада ведь украшение стола!

— Слово у тамады должно быть меткое, борзое, налитое! — размышлял о будущем своем празднике Таха. — Золотые у него должны быть уста, и чтобы струился из них нектар, никогда не высыхая! Большой

спрос с тамады, много от него требуется умения! Должен он всех гладить по шерстке, избегать шершавого, поперечного слова, блюсти чин и приличия; в любую минуту должен быть готов развеять досаду, утешить, помешать пьяной сваре расстроить веселье, отравить сладость хлеба-соли, покрыть хозяина и гостей позором. Словом, от него зависит честь и добрая слава всего села, всей общины!

— Все тосты должен вспомнить, ни одной заздравной чаши не пропустить: «поминальную», «всемирную», «ведренную» и ту, завершение пира, «всесвятскую», ну, и прощальную, посошок на дорогу, «запорожную»... Пир должен довести до самого конца!

— Если тамада хорош, то и хозяин в лепешку на радостях расшибется!

— Ну, Гвинджуа — тамада отборный, лучший из лучших: серебряное горло, ума палата, правильный человек! Нет, право, удачный я сделал выбор! — заключил в мыслях довольный собою Таха.

Настал и праздник водосвятия. Ясный задался денек, настоящая «гостевая», «дружеская» погода.

Знаете, что такое гостевая погода?

Не знаете?

С утра повалит ленивыми хлопьями тихий, сонный снежок, тронет землю легко, ласково, безмятежно, забелит все вокруг; а потом прояснится, и если ты — деревенский житель, и урожай у тебя уже убран и размещен по закромам и погребам, что тебе делать дома, да еще в такой погожий день? И вспомнишь ты вдруг, что давно уже не виделся со своими, с близкими людьми — в летнюю и осеннюю страду не было минуты свободно вздохнуть, а теперь самая пора проведать родных, свойственников, друзей, провести с ними часок-другой за беседой. Подумал — сделал: соберешься, и в путь; навестишь, порадуешь друга и сам порадуешься. Вот что такое гостевая погода, день ласки-привета!

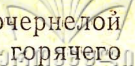
Гвинджуа нарядился по-праздничному: надел новый ахалух в крапинку и особенную, для таких случаев припасенную чоху, а поверх чохи закутался в овчинный тулуп, повязался башлыком, как чалмой, сунул под мышку крепкую кизилковую хворостину и пустился в путь-дорогу... Вскоре он уже подходил к дому своего новоприобретенного кума в Шатровани.

Вон во дворе дуплистый дуб, заснеженная смоковница... Девтора высыпала навстречу, поглядеть на крестного. Цепной пес в дальнем углу двора полаял, полаял и, поняв, что пришел свой человек, умолк.

Домочадцы Тахи тоже нарядились... Ребятишки были в пестрых ситчиках и бумазее. На голове у хозяйки развевалось девственно-свежее лечаки. Кое-где виднелись и линиялые лечаки соседок.

Вот Хатута — махровая роза в соку; вот изможденная вдова Бухрии, в трауре по брату, с распущенными волосами; вот румяная Тавтуха, пышнотелая, как взошедшее тесто; ясноглазая, веселая, как кумач на флаге, Татия, дочка Фурфуты Таш-Дарико, Назика — ославленная женщина, изжелта-бледная Нушо и еще другие, все — дочери Иори. Приглашенные гости или соседки, явившиеся на помощь хозяйке.

Одни накрывали на стол, другие несли от соседей одолженные стулья, чашки, тарелки и иную посуду. Хлопоты были в разгаре — дело нешуточное, устраивались крестины, кахетинское щедрое угощение, с яствами и разносолами, досыта и допьяна, гульба-пированье у доброго хозяина, которому никак нельзя лицом в грязь ударить!

Сам Таха крутился тут же поблизости, разделявая на почернелой колоде ошпаренную свиную тушу. Во дворе стоял крепкий дух горячего хлеба, поднимавшийся от врытой в земле печи — тонэ. Буйное пламя устроенного рядом очага рвалось к небесам. Большой черный котел на тагане клокотал, бурлил, неистовствовал; другие, поменьше, суженные кверху или подвесные, с дужкой, шипели, вздыхали, шептали и пели, желтая пена поднималась в них и переползала через края. В одних варились куски жирной свинины, в других — говяжьих лопатки, в третьих крупные, янтарные куры; даже широкогорлая глиняная крынка не стояла без дела: в ней булькала сдобренная орехами душистая похлебка.. Обе дворовые собаки валялись неподалеку от очага, разморенные, одуревшие от запаха мяса.

Крестного Гвинджуа встретили радушно, приветливо. По старинному обычаю повели его сначала в винный погреб — марани, где приятно пахло от больших корзин, доверху наполненных яблоками и айвой. С потолка свисали низки виноградных гроздьев, ветки с двумя кистями — «акидо», вязки лука и чеснока. Огромный давяльный ларь, долбленный из целой колоды, чернел в углу; он уже отслужил в этом году свою службу и был наполнен тыквами и картофелем. Под ногами виднелись обмазанные глиной крышки врытых в землю кувври, винных кувшинов, а у стены были прислонены скребки из древесной коры на шестах, для их мытья. В другом углу громоздились, словно поленища дров, брусья каменной соли.

Красное вино достали из кувшина перед приходом гостя; а теперь при нем распечатали другой кувшин, розового.

Вино в нем было — янтарь с лалом!

— Что это, на меду настояно? Нет, право — мед и молоко, вместе слитые, — одобрил его Гвинджуа, осушив чарочку на пробу.

Вскоре появился и второй крестный отец, богатырь с виду, огромный, как гора, топором тесанный, по прозванию Мгелхара. В косматой, надвинутой на лоб овчинной шапке, с аршинным кинжалом у пояса, он ввалился, сотрясая землю тяжелым шагом, в самом деле похожий на бугая. Гвинджуа и Мгелхара познакомились, протянули друг другу медвежьи свои лапы: с этого дня они становились крестными братьями.

— Это вот красное вино — что твое причастие! — сказал Мгелхара.

Тут же, в марани, на крышке ларя, расстелили на скорую руку голубую скатерть, сорвали с вертела куски дымящегося шашлыка, отхлебнули вина из чаши-братины в знак дружбы и любви. Недаром сказано — утренний завтрак душе утеха, желанней богатого приданого!

И Таха, и Гвинджуа, и Мгелхара были твердо убеждены, что в истоке времени бог сотворил крестное братство, кумовство. Так ведь оно и говорится:

Кумовьев и миро
Создал бог вначале.

Что ж, бог знал свое дело! Как же иначе? На чем бы держался белый свет, не будь между людьми кумовства, священного братства? Не пропадать же миру без божьей благодати! Вот почему так принимали Гвинджуа и Мгелхару, которые, как говорится, вносили миро в дом.

— Мирницей Мцхетской клянусь, пусть меня проклянут, как осквер-

нителя Светицховели¹, если я когда-нибудь тебе изменю! — клялся Гвиджуа новому куму.

— Свидетели мне бог и ангел очага, я тебе брат душой и сердцем! — побожился в свой черед Мгелхара.

— Отныне ваша удача и ваш прибыльок — радость для меня; честь и благодать вы принесли моему дому! — не остался в долгу хозяин.

Наскоро пожелав друг другу здоровья, они вышли из марани. Крестных отцов повели осматривать двор и усадьбу. Заглянули и в хлев, похвалили упитанную скотину, буйвола Мзеварду, буйволенка Ирему, корову Демфилу...

Во дворе у Тахи собирались гости. Родичи, друзья, приятели, свойственники, соседи, сотоварищи и доброхоты — все до единого явились поздравить его в счастливый день... Стол у щедрого хозяина ломился от изобилия хлеба, вина, мяса и всякой иной снеди; был здесь урожай года, плоды праведного труда, дары утучненной потом и кровью земли!

Накрывался стол, готовилось угощение, выстраивалась на скатерти рядами посуда... Все на свете имеет свой чин, устав и порядок — а тем более пир и праздник. Взять хотя бы свинопаса Хоталу, что помогал Тахе разделять тушу кабана — работяга, а дубина, бестолковый малый, все делает вкривь и вкось; не потому ли он остался неженатым, что не знал застольных порядков? Спросите женщин, они вам расскажут все, как было! Хотале не отдали сговоренную невесту затем, что он будто бы человек грубого нрава, неотесанный, не умеет себя на людях держать! Явился он в дом к своему будущему тестю смотреть невесту, а хозяева посадили его за стол. Подали вареную курицу, цельную, на блюде.

— Ну-ка, разрежь! — сказали жениху.

— А я не умею!

В самом деле — откуда было бедняге свинару знать, как полагается разрезать курицу? Тесть, добродушный старик, тоже свинопас, подсказал ему шепотом — дескать, сначала ножки отдели; но бестолковый Хотала не понял, что ему говорят, и сам не сообразил; так и не сумел с курицей управиться. Ну, в тот вечер его угостили честь честью и спать положили, а наутро объявили: «Нет, дружок, не отдадим тебе девушку, не про твою честь...»

Так осрамился Хотала, и поделом ему было. Экий ведь недотепа: сдашь ему с рук на руки пятерку гусей, а он умудрится полдюжины потерять! Поручи ему осла на привязи — и того не сумеет уберечь. Откуда ему было знать застольные обычаи?

Солнце уже склонялось к закату... Наконец, гости сели за стол — вернее сказать, чинно пожаловали к столу.

Во главе стола усадили родоначальника и старейшину семьи, дедушку Амирана, дремучего старика с белой и пушистой, как вата, бородой, обремененного годами, едва ли не перешагнувшего за столетие! Натрудился, намаялся за долгую жизнь усердный хлебопашец, радатель и заботник семьи, воспитатель детей, внуков и правнуков... Ныне дедушке Амирану впору было печься лишь о своей душе, и он жил на покое — только, пока хватало сил, возделывал крохотный «поминальный» виноградник, чтобы могли помянуть его после смерти, не попрекнув чаркой вина.

— Как живешь-можешь, дедушка? — спрашивали его, здороваясь, гости.

— Не тот уж я теперь, что раньше, ребятки, жидковат стал, колени

¹ Светицховели — древний храм во Мхета.

подгибаются и один глаз совсем плохо видит; эх, старость — не радость! Уж смерти жду, пригорюнясь — а все мир к себе тянет! — отвечал он, посасывая черешневый чубук.

Глянет старый дедушка на уставленный яствами стол, навсерегато избобилые благ земных, вспомнит о своей немощи, о беззубых своих деснах, и вздохнет: «Эх, вот беда — что в охоту, то неумогу!» — и размачивает кусочек хлеба в вине.

На тахте сидела недвижно и дремотно, как сова, супруга дедушки Амирана, мать девятирех детей и бабушка двенадцати внуков Марадия, ветхая, истаявшая, иссохшая от векового труда, состарившаяся вместе с мужем на одной подушке. На коленях у нее лежала мягкая думка. Едва хватало у нее силы сидеть за столом! Она казалась окаменевшей и незрячей, но на деле вряд ли что-нибудь в доме укрылось бы от ее всевидящего, острого взгляда. Со своей тахты она распорядилась столовыми хлопотами, наставляла хозяек, понукала снох.

Из задверного угла, нахохлясь, как старый голубь-дутьш, выглядывала другая, младшая бабушка, Танана — пасмурная, сумрачная... Слышали притчу: вернулось солнце к матери ввечеру — а мать спрашивает: «Кто на свете всех жалчей?»

— Девка вековуха в родительском доме, да теща у зятя!

Так оно и было...

«Зватый», собиратель гостей, всеобщий сельский бирюч Тлошиаури вчера с ног сбился, бегая по деревне, приглашая соседей на крестины. Впрочем, особенно упрашивать никого не пришлось!

Вот он, познакомьтесь — служитель брюха Тлошиаури: ненасытно-жадный любитель застольщины, охочий до угощенья, как ворон до падали! Словно муха на свежие потроха прилетит, появится откуда ни возьмись за любым столом, у кого и где угодно! Неизменный пробоващик и отведаватель чужих яств, сытый чужой хлеб-солью, толстый, разжиревший... О Тлошиаури говорили, что он вышел из материнской утробы со всеми зубами во рту!

— Утром, как пройдуся по улице, увижу — дым валит из труб, потяну носом и сразу по запаху определю, что у кого на обед, — хвастался прожорливый Тлошиаури.

Когда этот доброволец-рассыльный, вернувшись из обхода, перечислил по именам всех приглашенных, дедушка Амиран отдал приказ:

— Позовите Качу, мы с ним друг другу под стать! Жаль беднягу, живет взаперти, всеми позабытый!

И в самом деле, как не пожалеть Качу — одинокий человек, без роду-племени: всех схоронил.

Был у него сивый, шелудивый осел, чтобы в лес за хворостом сходить или на мельницу — да и тот свалился с обрыва; с тех пор остался у Качи только пес Ботвера, больше ни на кого не мог он рассчитывать на этом свете!

А Ботвера был пес свирепый; попадись только — не уйдешь от его голодных зубов!

Кача жил за деревней, на отшибе; хижина его стояла на самом гребне неприступного скалистого мыса. Отчасти из-за дальней дороги, отчасти из страха перед собакой те, кому была нужда в Каче, всякие сборщики и недоимщики, обегали его, и Кача, нищий, жалкий Кача, жил точно в независимом отдельном княжестве, один-одинешенек. Толстяку Тлошиаури до смерти не хотелось лезть на крутую гору к Каче, но дедушка Амиран бросил на него такой повелительный взгляд, что малодушный посыльный сразу позабыл все свои колебания и пустился

в путь за особо желанным гостем... Шел по узкой тропинке, колыхая выпяченным брюхом и спотыкаясь, Тлошиаури — а перед мысленным взором его стояли жирные свиные шашлыки, что ждали его на крестинах, и он бодрился, шагал без отдыха...

Вот уже и окрестили золотоволосых младенцев поп Охрохина и дьякон Азария... Благословили, осветили стол, — но сами недолго оставались: у священника были дома гости, а дьякон не посмел задержаться без начальства. Не беда — Таха послал им на дом целый хурджин снеди и вина и тем обеспечил себе спасение души!

Забыл сказать, что воду для крещения дедушка велел доставить особо из «Соколиного источника», чтобы дети выросли с соколиной удаley; одного мальчика назвали Гелой, другого — Арсеном! Впрочем, дедушка называл их ласково Гринчолой и Кокрочиной.

Кто только не был приглашен к Тахе!

Чуть ли не вся деревня была здесь. И все люди с прозвищами, вряд ли кто собственное крестное имя сумеет вспомнить!

— Дэвкажи — «Кремень-богатырь», Поладгула — «Стальное сердце», кум Мгелхара — «Волк-Бугай»...

Вот косой каменщик Хичала в кожаном переднике, вечно навеселе. Бывало, выведет стену доверху и вдруг закричит с нее: «Сторонись». И в самом деле, злополучная стена с грохотом рушится людям на голову или заваливается вбок...

Село, однако, уважало Хичалу: и на том, дескать, спасибо, от иных и того не дожدهшься!

Рядом с каменщиком сидел мрачный, как туча, Чанчуха, мелкий торговец, прогоревший, верно, от покупательского сглаза. Черная тоска глодала Чанчуху, время от времени он горестно вздыхал: «Ох, по миру пойду!..»

Пониже — деревенский цирюльник, надутый бахвал и пустозвон, о котором говорили: когда черти в аду варят шила-плов, он уж тут как тут, перцем посыпает!

Еще ниже: человек добра, всеобщий благожелатель, любого готовый уважить, чистый, как горный ключ — плугарь Тариман.

Виноградарь Джимшита — от которого не услышишь ни о ком худого слова.

Бердики — отменный косарь и жнец.

Греули — полевод, человек щепетильный и притом легкой руки, удачливый.

Трохия — лесовик, лесной объездчик, дубоватый, топором тесанный, сидит — подремывает, говорит — топчется, тянет.

Стекольщик Клико, покачивающий длинными усами, вкрадчивый, коварный и злокозненный, проведчик и подглядчик, враль и лжесвидетель, зеленоватый с лица — не человек, а паутина, говорили о нем.

Польщик или полевой сторож Круча, «Сонный язык», мямля, похожий на растопыренное дерево! Мшистый, кустобровый, глаза — щелки...

Тохитара — тщедушный человечек, в чем душа держится, без огня, без звезды, без крыл... И сколько еще других? Пожаловал к Тахе и «Надставной» — долговязый, тощий человек такой вышины, что казалось, на одного верзилу нарастили другого.

Ципруа — хлопотун, припрыга и торопыга, забитый и запуганный бедностью и свирепой женой!

Свинарь и телятник Бачхура.

Безязыкий и бессловесный Косине — дровосек в рваной чохе.

Не подумайте, однако, что у Тахи в гостях можно было встретить

кого попало! Нет, тут были отборные, степенные люди! Румбия, Хлартия, Боти, Банджура, Лачина, Клортя, Закута, Одоча, Пумпла, Клицо, Квишрапа, Гинтала, Батата, Хицва, Кбагия, Таракуча, Лопо, Шверикмазия, Литридзира!

И еще: Бачичаури, Титлия, Брацана, Цицлиба — куда уж причудливые прозвища! — гроза стола, знакомый уже нам Глошиаури, и Хотала — от него уж не отвертишься!

Ах да, и еще один, не помню точно, как его звали — Бохо, Хехе или Хохо! И наконец, какой-то забредший с заиорской стороны, выскочивший из дремучих лесов охотник, Годердзи... Ну, и наши деревенские парни, молодцы как на подбор, один к одному.

Понимающий человек, окинув взглядом стол, подумал бы словами песни: дэвов свесть, собрать не трудно, как их с миром развести? Взвоят волки целой стаей — недалеко до беды!

Радовались друзья кубка и рога, обладатели дюжих хребтов и плодовых лоз, полных по осени закровов и кувшинов в марани!

А в другом конце стола разместились гости поскромней — неимущие крестьяне, те, у кого ни добра, ни скота, ни скопов, ни прибытков, ни проку от трудов, ни в деле удачи; пришибленные нуждой бедняки в заношенных шинелях с солдатского плеча, в залатанных ахалухах, в синих бязевых шароварах и дырявых каламанах... Эх, по правде сказать, не место им было на таком пиршестве!

И они, сознавая это, смущались и робели. Живущим в скудости и недостатке, привязанным у дверей свирепого господина — голода, им было не по себе за этим ломающимся от снеди столом, где масло текло ручьями. Глядя на горы свежейиспеченного хлеба, наваленные на деревянных лотках — все эти длинные шоти, сложенные, как полотенца, тонкие лавашы, сдобные назуки — они вспоминали черствую ячменную краюху, что ждала их дома, и, подавленные этим изобилием, занятые мыслью о хлебе насущном, жалели своих полуголодных жен и детей.

Дедушка Амиран, человек минувших времен, но со свежей памятью, рассказывал стародавние были, которых сам был участником. Вспомнил он, как некогда Шамиль ворвался в Кахети и как горцы увели в полон дочерей Давида Чавчавадзе из Цинандали. За похитителями выслали погоню, и дедушка Амиран был в отряде. «Отчаянный я был, все к сабле тянулся», — говорил старик.

Рассказал он, как явился ему перед самым походом в Дагестанские горы дед его деда. Нет, не во сне это было, а наяву. Сидел дедушка Амиран в саду, прощался с любимым своим вековым орехом, думал — придется ли еще его увидеть? И вдруг стало как-то очень светло, разлилось среди дня яркое сияние.

— И вижу, идет ко мне статный, осанистый богатырь, ни молод, ни стар, ни худ, ни тучен, одет в бурюю чоху, шашка за ним по земле волочится; шагает — свет струит, а лицо суровое. Подошел, потряс ствол огромного ореха, потом встал передо мной и говорит: «Я твой прапрадед Терели, смотри, не осрами меня, парень! Доброе имя дороже богатства, раны и тяготы почетней гульбы и праздношатанья! Мы врагов отгоняли, с мечом в руках охраняли отчую землю! Не отступайтесь от Грузии! Поменьше речей, побольше дела!» И вдруг исчез, растаял, словно и не было его. С тех пор сердце у меня стало железное: ничего не боялся! Когда другие уже разувались, я тогда обувался!

— Расскажи, дедушка, как ты с Шамилем воевал? — спрашивали мечтавшие о бранной славе ядреные парни.

— На войне мне не пришлось сражаться, а вот в погоне бывал час-

генько. Как-то раз скакал я за разбойными людьми, а они отстреливались, и одна злодейка-пуля угодила мне в грудь — да застряла в газыре! Плоть у меня была точно заговоренная. Не брала пуля, давала только!

Простодушно, без прикрас рассказывал старый дедушка, приговаривая то и дело: «Дай бог тебе — долгой жизни, а мне — спасение души!».

— Скажи, дедушка, что-нибудь такое, чтобы нам послушать, поучиться! — упрашивали старика дюжие, ражие молодцы, в самом соку — хоть завтра женить!

— Правду, добро, милосердие — вот что в душе держите! Веселитесь вволю. Мы уйдем, другие останутся, только и возьмем от жизни, что порадоваться успеем! Ненасытный глаз с пути собьет. Будьте довольны честным куском; труд, пролитый пот, усердие — вот самое большое богатство! Не притрагивайтесь к хлебу, коли он чертом испечен!

Развеселившись при виде сытной, обильной еды, крестьяне перебрасывались шутками:

— Что это с тобой случилось, друг? Прежде ты был ростом невелик, а нынче вроде стал повыше! — говорил «Надставному» давно не встречавший его знакомец из соседней деревни.

— Да как ты не догадываешься? Это его черти растянули! Эх ты, неладный, нескладный! Эх ты, пустомеля!

— Ах ты, орясина, ах ты, поросячий хвост! — ласково перешучивались, толкая в бок и хлопая по спине друг друга, старинные приятели.

Тамадой выбрали единогласно Гвинджуа. Он не стал отказываться. Все понимали, что так оно и должно быть — не было ему ровни и соперника!

Душа заглянула в душу, сердце сердцу голос подало!

Пир начинался грузинский!

— Тишина и внимание!

Затаив дыхание, прислушивались к тамаде. Тихо было, точно в покинутом птицами лесу.

А тамада нанизывал слова-жемчужины! Пожелал счастья своим крестникам-близнецам и красно обрамил свою здравицу: хоть вы, мол, еще малыши, да ведь из крохотного желудя вырастает могучий дуб; призвал покровительство святынь Джварангелоси и Хатицховели и благословил заодно с крестниками всю землю грузинскую...

Один из близнецов все плакал, выпростав ручонки из свивальных пелен в колыбели. Мать жаловалась — слабенькое дитя, ледащенькое, ущербное. А другому сестра отца, Танушия, дала грудь: известно, если тетка младенца покормит, вырастет голосистым певцом.

Бабушка Марадия все дожидалась восхода луны; а когда пролилось на землю лунное серебро, приступила к сыну: «Вynesи ущербного на двор, крикни луне: месяц, месяц, если он твой, забери к себе, а нет — дай в тело войти, чтобы налился, как ты!»

Но Таха отказался: «Мы же не старозаветные, темные люди, простынет дитя на дворе, еще хуже ему станет!»

— Давайте лучше не ребеночка, а Ципруа, бедолагу, выведем на двор, может, его нарастит, округлит луна, а то ведь еле дышит — тощий, тщедушный, куда уж ущербней! — пошутил каменщик Хичала и насмешил женщин. А парни хотели уж схватить Ципруа, тащить его на улицу, да не смогли отыскать: залез под стол, затаился...

Завязалась беседа, выбежало слово на простор... Крепковейные, заскорузлые, ко всяким тяготам притерпевшиеся пахари, привычные взре-

зять кременно-твердую целину, братались за столом... Все тут стояли друг друга — и сидели бок о бок, в ряд, как товарищи... Хоть и был каждому первый и главный товарищ — труд!

— Уж и наработался я вчера — до того, что дух вон!

Бранили нынешний урожай:

— Зерно без наливу, нет в нем тяжести! Мха напала, да и весной морозец прижал — семя не проросло, не успела нива силы, соку набраться. Головня колос иссушила, хлеба в солому пошли...

— Заморозки лист придушили, спугнули цветок, обратно в завязь загнали! А летом даже облака в небе, и те пересохли!

А шатрованцы хвалились урожаем винограда — посуды, мол, не хватало, не знали, куда вино сливать!

Вздыхали, жаловались дети невзгод, пасынки судьбы:

— От бедности даже сна лишились!

Помянули недобрым словом царя — грех, мол, на нем! — осудили его суд и справедливость! Прокляли мучителей, мироедов с тугой мошной, опутавших деревню так, что не пошевелиться — самих бы их в кандалы! И заключили: ничего не поделаешь, бедность — от бога!

Всего у них было не вдоволь: хлеба и солнца, счастья и света!

— Господи, твоей милостью! — воскликнули алчущие света, жаждающие солнца и налегли на вино.

Пенилась в чашах кровь земли, солнцем пронизанная, добытая в поте лица — иорское вино, сок иорских струй!

С самого начала воцарились за столом душевность, ласка, любовь: речи текли, полные сладости, пересыпалось слово самого чистого отсева.

Умягчались, полнились медом сердца... Река с рекой сливается, душа — с душой...

— Эй, друг и брат, сердцем ко мне прилепись, в душу меня прими! — тянулись умиленные друг к другу.

— Сердце за сердце мне отдай, в грудь вложи!

— Друг другом живы будем!

Хлебосольная хозяйка цвела, сияла, радовалась душой. Резные ореховые лотки и блюда так и летали то в дверь, то из дверей... Чаши, кубки, чарки, роги, замысловатые кувшинчики смотрели с полок, ждали вызова тамады.

А тамада сидел степенный, важный, в сознании своей власти и своего долга... Избранный пиром, поставленный во главе стола, помазанный на царство, единый со своей паствой!

Золотоволосые младенцы смеялись, высвободив спеленутые руки из свивальников, тянулись к матери из колыбели.

Вдруг появилась за столом, сияя красотой, как радуга, молодая хозяйская сноха Дудгуба — жена младшего брата Тахи, который с прошлого лета отбывал в России воинскую повинность. Бабушка Марадия держала под подушкой письма своего младшенького, пришедшие с далекого севера, и орошала их слезами. А помнила ли о муже молодуха? Не знаю... А только женщины все шушукались: «Негодная!».

Невестка — майский день, смеющаяся весна! Хрусталь и лал! Лицо — кровь с молоком, очи, как темная ночь... Четыре толстые плети-косы — по самый пояс! Ступает как пава, то и дело зардеется, как маков цвет. Хороша и лицом, и станом, так и пышет — самому солнцу в сестры годится. И знает свою прелесть, чувствует свою силу! «Ну, кто со мной сравнится?» И платье светлое, розовое — под стать самой розе! Все радовались, глядя на нее: стройна, как взметнувшийся тополь, улыбнется — цветок из уст уронит; и стоит стыдливо, скромно... Как велит

крестьянская поговорка: «От бабы больше трех слов за день не требуется»... Поступь ее легкая, фазанья, всех сводила с ума. «Взор мой тебя дожидался!» — думали восхищенно, глядя на нее. Но никто, ни один человек не пожелал в душе ее поцелуя: «Всякая красotka — жене твоей сестра!» — этого никто не забывал!

Оправдал надежды хозяина Гвинджуа, славный тамада! Из уст его сыпалось чистое золото. Океан-море разлилось силой его речей, а через то море он словами мост перекинул и лестницу воздвиг, и запросто к ясному солнышку в небеса поднимался... И впрямь, несравненный был тамада, всем толумбашам толумбаш! Розы и жемчуга сыпались дождем на пиру у Тахи!

— Что весельем не разыграешь, дом, почтенных мужей полный? — громким голосом вскричал дедушка Амиран, окинув взглядом молчаливых, все еще скованных, стесненных гостей, занятых едой. Только-только наполнил Гвинджуа первую чашу, как... просунул голову в дверь Тлошиаури. Штаны на нем были разодраны, но его заботило другое: как бы не опоздать к началу пира, не лишиться первых, самых лучших кусков мяса! Он гордо показал хозяину и гостям окровавленную ногу: свирепый пес Ботвера вцепился ему в икры, выскочил навстречу из калитки, так и не впустил во двор; не сумел Тлошиаури достаться Качи — пустился наутек, прежде чем его услышали.

— Герой! Вот уж кого послал бы первым в бой царь Ираклий! — насмешливо молвил дедушка.

Мужчины всполошились, перевязали посланному ранку чистым лоскутком, приложив к ней паутину, и посадили Тлошиаури за стол посередине, поднесли ему чашу вина, полную до краев... Дорвался наконец до еды Тлошиаури! Распаленный долгим ожиданием, он остервенело набросился на жирную свинину. От сала у него блестели пальцы и губы. Долго сидел он, углубившись в еду—глотаю мякоть, разгрызая кости и, представьте себе, лицо у него заметно округлилось! Так, прильнув брюхом к столу, он дочиста прибрал, подчистил все, до чего сумел дотянуться, но никто и не заметил... Потом он пробрался на кухню; здесь, сидя на корточках у очага, он ворочал вертела с шашлыками над жаром и с наслаждением прислушивался к шипенью капелек растопленного сала, падавших на горячие уголья и возбуждавших в нем сызнова охоту к еде...

Вино текло рекой. Выпили уже за все, чем клянется крестьянин: за бога предвечного, за солнце в небе, за щедрую землю, лоно ее неиссякаемое, за колосющиеся нивы, за матушку-лозу, за урожай садовый, за хребет воловий, за колыбель резную, за мельничный жернов, за пчоток кукурузный, за барана с витыми рогами, за дары полей, за шелковичного червя, за ветроногого коня, за дедовский плуг и за меч предков... И кто знает, за сколько чего еще!

Гвинджуа наполнял чашу и, стукнув ею о кувшин, протягивал Тахе со словами:

— Повинуйся моей воле!

Таха покорно принимал чашу и отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

Со своей стороны, осушив чашу, он снова наполнял ее и передавал другому — «Алаверды к тебе!», — укреплял стол, поддерживал веселье.

— За счастье того сироты, что останется один в хозяйстве!

— Праху и костям наших опцов и дедов слава! — поднял тамада большой рог, и крестьяне загудели, заволновались: — Слава!

— За здравие сына орлиного царя! — снова возгласил тамада, и

все одобрили его, хоть никто и не знал, что это за орлиный царевич, и почему пьют за его здоровье; однако, орла в душе любил и почитал каждый...

Огонь трещал в камине, рассыпая искры... Пылал, как щеки молодки... Горели грабовые коряги... Вдруг Ципруа вскричал в изумлении: «Глядите, люди, огонь смеется! Ей-богу, своими глазами видел — лицо в пламени, смеется, как красавица какая-нибудь...»

Молодая невестка скромно опустила очи.

Все обрадовались счастливой примете.

Обрадованный Таха помешал кочергой в огне; из камина выпала раскаленная головешка, алая, как гранат! Таха отбросил ее ногой.

— Не подитися опонь ногами ворошить — на том свете в зубах тащить заставят! — заметила ему старуха-мать.

Сидела бабушка недвижно, точно одеревенев, так, что казалось — ничего не видит!

Тут показался в дверях щеголь — музыкант Цангала со своим бесценным чонгури, который был ему и вместо жены, и вместо детей, — рябой, с испещренным оспинками лицом, желтый вихор на лбу. Он был уже навеселе.

— Что ж ты, брат? Я тебе особое приглашение послал, а ты опаздываешь! — сказал ему с упреком хозяин.

— Что ж поделать — и то не лускали, насили ушел! — оправдывался Цангала.

Он уже успел усладиться у другого хозяина, в Сагареджо, за другим столом!

— Ах, чтоб тебе охрипнуть! — шутливо крикнули в один голос застольцы, привечая песенного пастуха.

— Эй, сорока-белобока, язык твой без мозолей — выкладывай, заливайся, не умолкая!

Тамада наложил на Цангалу штраф за опоздание — заставил выпить три чаши подряд, чтобы догнать остальных, а потом приказал:

— Ну, давай песен! Складывай и пой, восхваляя нас!

— Я простая певчая птица, пою, как поется, — улыбался хмельной улыбкой Цангала. — Что душа подскажет, то и в песню сложится, а хвалы вам выдумывать мне недосуг!

И вдруг с забившимся сердцем остановил взгляд на красавице молодке Дудгубе:

— Картинка моя, райский цветок! Вскипела в сердце сызнова первая любовь! Наконец-то путь мой с твоим скрестился! Так вот куда тебе замуж отдали — ох, и долго же я след твой искал!

— Смотри-ка, где он меня нашел, этот бродяжка-птицегон, — сердилась жестокая красотка. — Уж и тогда у меня голова болела от его стишков!

Цангала о каждом сложил, спел частушку-шайри — в сердцах терзал он длинную шейку чонгури:

— Обо всем скажу стихами, что б на свете ни случилось!

— Эх, стишок-другой продать бы, для чего мне, право, столько!

— Мне соперники — Акакий, брат его Важа Пшавела!

Но не могла полюбить стихотворца красавица молодка — скорей побелели бы ее черные дремучие ресницы!

Не пело, а стонало раненое сердце Цангалы, оплакивало растоптанную любовь.

Язык у него был подвешен на диво, всем угождал, всех увеселял, но все это краснбайство было лишь внешностью, лишь открытой для всех

стороной существа Цангалы; а в глубине крылось совсем другое: душа Цангалы была окутана тоской. Сердце ему терзали память о сиротливом, обездоленном детстве, любовь к безжалостной Дудгубе, обманутые надежды, неисполненные желания! И обиженный судьбой песенник подсылал рокочущие струны чонгури посредниками к наглухо замкнутому сердцу своей присухи.

— Хоть бы век не рассветало — ночка сладости полна!

— Молодецкое спой нам что-нибудь, про геройские, богатырские дела! — заказывали певцу со всех сторон.

Цангала собрался с мыслями и запел:

Если молодцу зевнется,
Значит, жажда одолела.
А потянет в бой — почувет:
Грудь заныла, заболела.

Охотник Годердзи ударил себя в грудь кулаком — и молодуху потянуло прислониться к этой широкой груди.

В нижнем конце стола, поближе к двери, сидел угрюмый, скучный столяр «Сумерки». Это был знаменитый мастер, золотые руки, и однако же бедняк; он никогда не брал работу в соседних деревнях, чтобы не отлучаться из дому, не оставлять одной свою пышногрудую жену по имени Татлаша. Муж и жена — одна плоть, и он боялся, как бы кто третий не впутался в это единство... Вечно он хмурился, ходил с опущенным носом, глядел тоскливо, никогда не улыбался... Напрасно упрашивал его Хичала:

— Ну, засмейся, улыбнись разок — барана на радостях зарежу, клянись памятью отца!

«Сумерки» в мыслях был дома, да и на деле уже раза два улизнул из-за стола, сходил к себе, чтобы проверить, что подельывает жена. Соседи знали его повадки и молчали — отчасти из уважения к нему, а отчасти и из сомнения: кто за женщину поручится, женщина ведь — чертов кошелек, кто из него таскает, где тратит, не разберешь! Когда столяр сбежал в третий раз, дедушка рассердился и сказал:

— Да что это, право... Хоть собаку, что ли, на его место привяжите! Хмель разбирает гостей.

Озорной Цангала изливал под ропот чонгури то, что нагорело да накипело у него в душе.

— Ух, сладость! Мед и сахар! — кричали ему со всех сторон.

— Так, так! Давай погорячей! — подзуживали певца убогатворенные застольники.

— За славой по гостям хожу, не ради еды и винопития! — хвалился Цангала так, чтобы слышно было его зазнобе; лицо его сияло, на душе у него было светло, он смотрел то на полную чашу, то на ясный месяц, лицо Дудгубы...

А молодка... не сводила своих черных, гишеровых глаз с охотника... Только он один, Годердзи, казался Дудгубе желанным. А простофиля-охотник, влюбленный в оленей и медведей, даже не замечал внимания молодухи.

Охотник Годердзи был молодец хоть куда — такой красавец, что, по слухам, женщины тайком разыгрывали его между собой по жребию: богатырские плечи, тонкий стан, большие, жгучие глаза, черные, густые кудри — и впрямь можно было залюбоваться искателем оленьих следов...

На кручи быстрее тура взлетал, взор за ним не мог угнаться!
— Бедняга! С туманами спать ложится в горах, один-одинешенек!
Жалела его молодуха, а того не знала, что, как говорится, кто на жердочке родился, рад на ней и смерть принять! Охотник с Черной горы рассказывал о своих охотничьих приключениях: о блужданиях в дремучем, нескончаемом лесу, о встречах с медведями; о том, как взбирался на кручи по неверным ступеням скалистых осыпей; как увидел на вершине стадо туров, озаренных сиянием рассвета; как спугнул в лощине оленей и уложил горячей пулей ветвисторогого самца...

Как будто бы не любил хвастаться охотник — а все же твердил: нет такого зверя в лесу, чтобы от меня ушел! Возбужденно тыкал пальцем в сторону окна и повторял со страстью:

— Вон, на Белую гору посмотри, там немало оставило следов мое ружье! А пеперь глянь сюда, на Черную гору — турьи пропы там в кровавых пятнах, столько настрелял я дичи!

Пригожая молодка так и тянулась к охотнику, глаза себе скосила, на него посматривая... А Цангала все глаза проглядел, на нее гляючи, и стихами возносил ее до небес, чтобы там сиять ей между звездами... Но Дудгуба не обращала никакого внимания на хвалы певца.

Распаленный любовью Цангала, перехватывая взгляды, что бросала на охотника Годердзи его зазноба, понемногу падал духом. Трудно было вырвать из сердца солнцеокую, досада жгла душу огнем, цвет лица у него стал, как налет ржавчины на раскаленном железе! И никто не похвалил его: «Молодец, соловьиный твой язык!», и песен у него больше не просили. Почувствовал Цангала небрежение и нахмурился.

— Слава богу, наконец-то перестала мельница молоть, можно передохнуть! — сказала молодуха так, чтобы слышно было охотнику; но Годердзи не слышал, да и не до того ему было. Ух, сколько уж времени гоняется он за белым оленем на Белой горе! Всего-то дважды его и видел. В первый раз даже растерялся — точно глаза ему застлало; при второй встрече выстрелил — да только рука онемела, промахнулся.

— Может, олень — святого Георгия? — спросил с сомнением дедушка.

— Наверно, черт в оленьем образе! — сказал решительно фуфуря-цирюльник, и каменщик Хичала поддакнул ему.

— Какое там! Разве может быть черт такой красивый? Ух, когда-то он попадет мне в руки? — возбужденно говорил охотник, и глаза его, зажженные мечтой, сверкали.

— Завтра чуть свет пойду на Белую гору! Возьму ушлого зверя!

«Не ходи, не надо! Без тебя ветерком развеюсь! В кудри твои вплетусь! Чоху бы тебе соткала, ворот ахалуха расшила, золотой водой ноги бы тебе обмывала!» — таяла Дудгуба, чуя огонь в жилах.

«Ах, осыпаться бы пылью с твоих бровей, запорошить твои ресницы!»

Захмелели гости...

— Брат любим пусть будет братом так, как Бадри был любим; со скалы свалился Бадри — бросился Усиб за ним! — вдруг, никем не прошенный, пропел надтреснутым старческим голосом дедушка... Когда-то, как говорили, он числил себя среди певунов!

Окончание следует

Бондо КЕШЕЛАВА

В ТЕНИ ЛИП

Ей-богу, я никак не ожидал
Тебя увидеть в этот полдень знойный!
Ты попрощалась и ушла спокойно,
А я стоял под липой и мечтал.

Охваченный и радостью, и болью,
Не мог забыть я этих чистых глаз!
Одна лишь встреча в жизнь мою внесла
Печаль и нежность, схожие с любовью.

В тот жаркий день, под сенью лип густых,
Мое воображенье потрясла ты.
Так всколыхнули душу мне когда-то
Хахульской богоматери¹ черты.

Но не ее неповторимый лик
Так много лет мне не дает покоя, —
Твое лицо стоит передо мною,
Твое лицо в тени кудрявых лип.

Воспоминанья солнечного дня
Всегда со мной. Надежд я не утратил...
Икона богоматери в Гелати,
А ты, как прежде, в сердце у меня.

Перевод с грузинского Г. Павловской

¹ Икона Хахульской богоматери находится в Гелатском монастыре.

საქართველოს
წიგნების კავშირი

Александр ГЛЕЗЕР

* * *

О Грузия, к себе меня прими,
Возьми меня на смуглые ладони.
Прозрачною и теплою Риони
Очисти, заколдуй и обними.

Пусть Ахал-Даба песенку споет
Про девочку по имени Натэла.
Про то, как осторожно и несмело
Впервые совершается полет.

И пусть Мтацминда в тайне тишины,
Когда готова ночь отдаться утру,
Откроет мне, как дед светло и мудро,
Искусство ожидания весны.

ИЩИ, ХУДОЖНИК...

Б. Гассу

Ищи, художник, волшебство
В цветах, расцветших на рассвете,
Ищи, художник, колдовство
В улыбке легкой, словно ветер.

Ищи настойчиво его
В ракетном дерзостном полете.
Вглядись, мелькает волшебство
В девичьем внешнем хороводе.

Ищи, художник, колдовство
В руках, что труд в себя вобрали.
Ищи, художник, волшебство
В потоках раскаленной стали.

На Ангаре, где яркий свет
В тайгу врзается тараном.
Но не ищи—его там нет,
В тобой придуманных туманах.

СЛЕЗА

Е. Винокурову

Возможно ль разложить слезу?
Когда бы мне вопрос задали,
То я б ответил, чтобы знали,
Что можно разложить слезу.

Она обычно солона,
Но это ничего не значит.
Не на солях стоит она —
На горе, боли и удаче.

Возьми, попробуй, разложи.
У каждой капли свой источник.

И всем известно очень точно —
Источник этот — только жизнь.

А как раскладывать слезу?
Я вам раскрою тайну эту.
Холодным тоненьким пинцетом
Не разложить никак слезу.

Ее раствором не проймешь,
На части явно не разрубишь...
И лишь тогда ее поймешь,
Разложишь, суть ее найдешь,
Когда того, кто плачет, любишь.

Пути и перепутья

Документальная повесть

Был март 1921 года. От батумской пристани поспешно отшвартовывался итальянский пароход «Ферен-Жозеф-Мирилли», до отказа переполненный людьми и вещами. Покинув бухту, выбрасывая из широкой трубы густые черные клубы дыма, он взял курс на Стамбул. Пока пассажиры укладывали и пересчитывали свою многочисленную кладь, скрылся вдаль порт и прилегающие к нему улицы маленького приморского городка. С каждой минутой он становился все дальше и дальше. Оставалась позади земля, которую они называли родиной. Ее изменившийся облик, суровый, исполненный решимости, пугал их, они не понимали больше ее — новую, поднявшуюся и потянувшуюся к свету, к жизни. И потому в страхе бежали...

Спустя всего несколько часов после их бегства над последним прибежищем меньшевистских правителей — городом Батуми — взвилось красное знамя. Теперь уже вся Грузия стала единой, большевистской, ленинской.

...А пассажиры итальянского парохода, пристав к чужим берегам, пытаются соблазнить своих иностранных хозяев планами нанесения ударов в спину советского народа.

Пока фраки и сюртуки главарей бывшего буржуазно-националистического правительства не обтерлись, перед ними еще открываются двери канцелярий министерств иностранных дел европейских государств. Но со временем это будет происходить все реже и реже. Все чаще эмигрантскую верхушку станут пропускать с черного хода в резиденции разведок; кассы разведывательных органов явятся единственным источником ее доходов.

Но и подачку нужно заработать! И главари грузинских меньшевиков, соревнуясь со своими коллегами — лидерами дашнаков и мусаватистов, будут предлагать иностранным разведкам свой «товар» — шпионов для тайных ходок в

Советский Союз. Провалится такой агент — не беда! Одним меньшевиком меньше. Зато легко откреститься: это, мол, эмигрант, у него свои счеты с СССР; при чем тут разведка?

И вот, отщепенец в шпионских доспехах по воле своих и иностранных хозяев вступает на тропу обреченных. Может быть, ему удастся пройти по ней незамеченным и, надев маску, раствориться среди людей, чтобы злобно, исподтишка наблюдать их новую, чужую и непонятную ему жизнь.

Возможно, иной из них и сможет навредить кое-где, что-то выведать, кого-то потянуть в свои темные дела...

Но бывает и по-другому...

...Ходит по городу человек. Город — это Рустави. А человека зовут Андреем Михайловичем Волквядзе. Сейчас ему можно дать около шестидесяти. Он широкоплеч, но немного сгорблен, под большим лбом — глубоко запавшие глаза, к которым сбежались густой сетью морщины. Слегка загорелое лицо гладко выбрито, над ушами и на затылке белые островки волос — следы былой шевелюры.

Ходит он по городу и вспоминает — как же это было, лет десять назад, когда только появился здесь. Шпионские доспехи были сняты уже за два десятка лет до этого.

Теперь в его кармане впервые лежал бережно обернутый в бумагу подлинный советский паспорт. Человек выбрал этот город, потому что здесь шла большая стройка, фактически города еще не существовало, но зато не было ни родственников, ни старых знакомых. Ему хотелось быть одному, а люди, которые теперь его окружали, должны были стать, пожалуй, самыми близкими для него на всем белом свете.

Целый день бродил он по городу, всматриваясь в контуры будущих улиц; они обещали стать широкими и красивыми.

В парке у берега Куры долго наблюдал, как играет детвора; он вслушивался в ее веселый гомон со смешанным чув-

В повести некоторые фамилии изменены.

ством радости и сожаления — ведь его жизнь прошла стороной от семейного счастья, ему неведомы отцовские чувства...

На следующий день человек сидел в отделе кадров завода. Против ожидания его не стали расспрашивать о прошлом, а узнав, что в далекие времена он слушал курс экономических наук, попросили зайти через несколько дней.

Кажется, самыми трудными во всей нелегкой, нескладной жизни его были именно эти дни. Сомнения терзали его. Беспощадная память поднимала со дна самые неприглядные картины прошлого. Поверят ли ему эти люди, помогут ли начать новую жизнь?

Но вот и «приговор»: его направили в цех завода на счетную работу в конторе, дали место в общежитии...

Потекли дни, столь обычные для окружающих, но такие необыкновенные во всех деталях для него. Его состояние в ту пору можно было сравнить разве что с состоянием человека, перенесшего смертельную болезнь: он уже прощался с жизнью, думал, что счеты с ней кончены, а тут вдруг все сначала — надо все узнать, понять и принять, быть принятым и крепко стать на ноги...

Но удержат ли они его, не подкосятся?

Иногда он ощущал почти невидимую поддержку чьих-то добрых рук. В его судьбе принимали участие, о нем заботились те, кого он продавал за франки, центы, иены и прочую звонкую монету.

В общежитии жили, в основном, молодые ребята, и Андро казалось сначала, что ему с ними будет тяжело. Но незаметно для себя он вошел в круг их интересов. Они заочно учились в техникуме, занимались спортом, по вечерам пели под гитару чудесные песни: старинные и новые, песни своей Родины. Как давно он их не слышал. Иногда он помогал им в занятиях по французскому языку; и тогда к ним приходила молодежь из других комнат; постепенно он стал чувствовать себя здесь полезным и нужным человеком. Так простые, бесхитростные ребята, сами того не ведая, помогли ему войти в новую жизнь.

Прошло еще несколько лет. И когда на пенсию ушел старый бухгалтер, ему предложили заменить его.

А город тем временем продолжал расти и благоустраиваться, появились новые большие дома, и в одном из них он получил квартиру. В этот же дом переселилась молодежь, жившая с ним вместе в общежитии.

Был период, когда освоение новой продукции нарушило привычный рабочий ритм. Завод лихорадило, отставало оформление финансовой документации. Многие инженеры сутками не покидали цехи, вместе с рабочими осваивая новую

технологии. Общее напряжение зарывало и «бухгалтерский цех». Беспрерывно звенели арифмометры, стучали костяшками счеты. Здесь тоже развернулось сражение за своевременное финансирование завода, за аккуратную выдачу зарплаты рабочим и служащим. Возвращаясь поздно вечером домой, Болквадзе замечал, что не чувствует себя усталым и измученным. В чем же дело? За долгие годы скитаний по свету он усвоил лишь одно нравственное правило: думай только о себе! И вдруг... Неужели ему стали дороги и близки интересы всего завода, всех людей, работающих на нем?..

Спустя некоторое время он пережил еще одно потрясение. На цеховом отчетно-выборном профсоюзном собрании кто-то выдвинул кандидатуру Андро Болквадзе в состав местного комитета. Это буквально ошеломило его, и он не способен был уже слушать внимательно. Вдруг раздался чей-то голос, назвавший это выдвижение несвоевременным, поспешным... Разве нет в коллективе более достойных людей? И тут поднялся страшный шум. Каждый кричал свое. Наконец один старый рабочий поддержал его кандидатуру; он сказал, что не видит причины смотреть человеку за спину. Важно, каков он сейчас.

Так его выбрали в местком. И снова дни побежали быстро, хлопотно, и не стало времени для мучительных раздумий и изнурительного копания в себе, в своем прошлом.

И вот настало время, когда Андро Болквадзе самому захотелось повидать своих родных, разыскать знакомых, побывать в городе, который он покинул так давно...

В Тбилиси жил его двоюродный брат — геолог с женой и двумя детьми. Они встретили его тепло и радушно, словно и не было его позорного прошлого. Он стал брать детей и бродить с ними по Ботаническому саду, по Комсомольской аллее, у берегов Тбилисского моря. Но особенно любил подниматься в парк на плато Мтацминда и оттуда подолгу смотреть на город...

Однажды он с трудом разыскал место на Набережной, где когда-то стоял старый деревянный дом; тут была явля нелегальной группой, в которой он состоял. Сейчас на этом месте сооружена станция канатной дороги. Он представил, как, расчищая территорию, бульдозер превратил ветхий домик в груды мусора и свалил его в овраг. Когда пыль рассеялась, Кура унесла с собой щепки, пропитанные ядом заблуждений и неверия, в силу Советов, в правду коммунистических идей. Как же он не почувствовал этого яда в тот роковой для него год?

После Октябрьской революции Болквадзе все больше сближался с органи-

защитой меньшевиков, называвших себя «молодыми марксистами». А его товарищ по гимназии — ныне крупный ученый-геолог, академик, горячо убеждал Андрю понять пагубность меньшевистских позиций.

— Нельзя отрывать борьбу нашего народа за свои политические и экономические права, — говорил он, — от той героической борьбы, которую ведет российский пролетариат во главе с Лениным. Меньшевистские главари Ной Жордания, Евгений Гегечкори, Ной Рамишвили, Акакий Чхенкели и их компания кричат о «самостоятельной демократической Грузии», но при первой же возможности полокнут ее к ногам иностранных империалистов.

Встретившись теперь с академиком, который и виду не подал, что знает его безрадостную историю, Андрю поразился, как уже тогда он, сын путевого обходчика, правильно предвидел направление бурно развивавшихся событий. В те годы они по-разному представляли будущее Грузии, и Андрю не соглашался с ним. Но позже он не раз задумывался над его словами.

И вот на склоне лет два бывших гимназиста ведут тихую беседу. Спорить им теперь уже не о чем — жизнь сама разрешила их давнишний спор...

Стояли теплые октябрьские дни 1958 года. Улицы, проспекты, набережные и площади столицы нашей республики щедро украшены флагами, транспарантами, живыми цветами. Никогда еще город не был так наряден и красив. Он праздновал 1500-летие своего существования.

Андрю Болквадзе шел по проспекту Руствавели и смотрел на радостные, возбужденные лица людей. Из репродукторов неслись строки Галактиона Табидзе:

...Здесь, где давностью пахнет и юным
Дымом строек, заводов, квартир,
Братья лирой пятнадцатиструнной
Славят дружбу, единство и мир.
Золотая расщедрилась осень!
И—что главное—столько друзей
Близких, дальних, не виданных вовсе
Прилетело на твой юбилей.
Сколько вас, и желанных, и милых!
Всех друзей я обнять не смогу.
А в бою повстречать эти силы
Пожелал бы я только врагу!

Враг!

Как молнией ударило его это слово. Но он не разрешил воспоминаниям овладеть его мыслями. С тем, что было с ним, покончено навсегда!

Людской поток внес его в оперный театр. Его пригласил на юбилейную сессию Тбилигорсовета академик.

...После праздничного концерта Андрю Болквадзе допоздна ходил по иллюминированным улицам, среди ликую-

щих людей. Он был глубоко взволнован и впервые за все годы, которые провел на родине, сначала в заключении, а потом на свободе, ему захотелось рассказать о пережитом.

И вот однажды он поведал обо всем, что видел и пережил.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Из впечатлений юности, проходившей в Поти, в моей памяти остался эпизод, о котором я хочу рассказать прежде всего.

Возвращаясь из гимназии домой, я любил вместе со своим другом — будущим академиком заглядывать в порт. Здесь часто стояли иностранные корабли, приходившие за члатурским марганцем; иногда на ближайшем к порту пустыре английские моряки играли в футбол, игру тогда еще малоизвестную, но быстро входившую в моду у потийцев.

Путь наш лежал мимо складов, через грязные портовые закоулки. Однажды наше внимание привлекла толпа грузчиков, стоявших у маленького бассейна. Они хохотали над чем-то до упаду. Мы подошли поближе и увидели: в воде барахтались несколько крыс. Спасти их можно было, лишь взобравшись на единственный кирпич, торчавший из воды посередине. Но он был так мал, что на нем могла поместиться только одна крыса.

Вокруг кирпича разгорелась яростная борьба. Пеня мутную воду, крысы кусали и грызли друг друга. Наконец, одна из них, самая крупная, выстояв в схватке, завладела кирпичом. Вся разодранная, окровавленная, она хищно поглядывала по сторонам.

Борьба за существование принесла ей победу, но выглядела она так омерзительно, что один из грузчиков толкнул кирпич палкой, и обессиленная крыса снова погрузилась в воду, разделив неизбежную судьбу своих товарищей.

Тогда мы просто посмеялись вместе с грузчиками над этой сценой и пошли дальше. Но позже она не раз приходила мне на память, ибо удивительно запомнилась все то, что пришлось испытать в эмиграции, на чужбине.

Мой отец содержал в Поти парикмахерский салон. Жили мы не богато, но и не бедно. Отец мечтал перевезти семью в Тбилиси и открыть там парикмахерскую в просторном помещении с большими зеркалами и заграничными креслами. Но ему всегда не хватало средств, и он из года в год откладывал осуществление своих планов. Забегая вперед, скажу, что этим надеждам так и не пришлось сбыться. Советская налоговая политика постепенно сужала его предпринимательские устремления, и в

конец концов он вовсе закрыл свое предприятие.

Я закончил гимназию, когда у власти находились меньшевики. Грузия стала «самостоятельной демократической республикой», но обещанные меньшевистскими лидерами блага запаздывали. Жизненный уровень населения ухудшался с каждым месяцем. С горечью смотрели мы, как из порта уходили иностранные корабли, груженные марганцевой рудой и не привозящие ничего взамен.

Продолжить образование я не смог. Пришлось искать работу, что было в то время тоже делом нелегким. Я занял скромный пост канцеляриста на местной бирже труда. Служба не отнимала много времени, так как биржа работу никому не предоставляла. Вообще работы становилось все меньше и меньше.

В организации «молодых марксистов», участником которой я тогда являлся, проходили жаркие дебаты о путях дальнейшего развития меньшевистской республики. Правда, многие уже сомневались в возможности достигнуть гармонии между всеми слоями грузинского общества. Но наши штатные ораторы, манипулируя возвышенными понятиями родины, патриотизма, демократии, доказывали нам, что мы переживаем лишь временные трудности, которые можно будет преодолеть с помощью западных держав.

Прошел год, другой. Временные трудности стали постоянными. Грузия превратилась в проходной двор для иностранных войск. В народе все большую популярность завоевывали большевистские лозунги. Они подымали массы на активную борьбу с меньшевистским правительством.

Уже теперь я прочитал роман Александра Кутатели «Лицом к лицу», правдиво рассказывающий о событиях тех лет. Сравнить себя с кем-либо из персонажей этой книги, конечно, не могу, но в поступках некоторых из них словно вижу себя — колеблющегося юнца, опытного националистическим угаром.

После победы Советской власти в Грузии я переехал в Тбилиси и усиленно занялся подготовкой к поступлению в университет. Решил больше не заниматься политикой и целиком посвятить себя учебе. Свободное от работы время проводил в библиотеках, прочел много книг по политической экономии и философии. В 1923 году был принят на экономический факультет.

Снимал я тогда у одной вдовы маленькую комнатушку. Потом хозяйка вселила ко мне молодого человека из Кутаиси — сына священника Геронтия Вашаломидзе; был он на несколько лет старше меня, высокий, худощавый; на бледном вытянутом лице выделялись черные глаза, увеличенные стеклами очков. Представляясь, он назвал себя ли-

тератором, хотя мне так и не довелось прочитать хоть что-нибудь из его произведений. Правда, писал он много по ночам, сначала таясь от меня, а потом открыто. Это были всевозможные воззвания, тезисы и листовки антисоветского характера. Геронтий состоял в ячейке меньшевиков, которая так же, как и остатки других буржуазно-националистических партий в Грузии, вела подпольную работу против Советской власти. Несколько раз он приглашал меня на заседания своей ячейки, но я под всякими благовидными предлогами уклонялся. Я ведь решил не отрываться от учебы!

Как-то в один из летних вечеров 1924 года, придя домой навеселе, Вашаломидзе доверительно сообщил мне, что назревают решающие события, перед лицом которых я должен ясно определить свои политические позиции.

— Отвечай, — приставал он ко мне, — будешь ты на стороне истинных патриотов Грузии, стремящихся освободить ее от опеки большевиков? Я не могу сообщить тебе всех подробностей, но если завтра ты пойдешь со мной на заседание ячейки, то поймешь, наконец, где сейчас твоё место...

Я ответил, что выезжаю на несколько дней в Поти, так как получил известие о болезни матери. Это была уловка. Я не хотел втягиваться в политику, но отказать приятелю тоже не мог и решил удрать от него.

Однако поездка в Поти не состоялась. На другой день я был арестован Чрезвычайной Комиссией. Мне предъявили обвинение в том, что я содействовал подрывной антинародной деятельности меньшевиков, и в частности группе Вашаломидзе. Эта группа была тоже арестована.

Несколько месяцев длилось следствие. Вначале я один занимал камеру предварительного заключения, но затем в нее поместили людей, которые оказались участниками августовской меньшевистской авантюры. Их рассказы объяснили мне смысл событий, на которые намекал Вашаломидзе. Уже после ареста в некоторых районах Грузии меньшевикам удалось сколотить несколько вооруженных отрядов и поднять их против Советской власти. Тбилиси, по плану заговорщиков, должен был взять отряд отъявленного головореза Какуцы Чолокашвили, который стоял в лесах возле Манглиси. Предполагалось, что по мере его продвижения к Тбилиси он «образует» сочувствующими и превратится в «освободительную армию». А дальше, мол, помогут западные державы, и меньшевистское правительство Ноя Жордания, которое отсиживалось в Париже, возвратится назад.

Но, во-первых, банде Чолокашвили, состоявшей из нескольких десятков кулаков, торговцев и бывших «народо-

Гвардейцев», удалось занять только одно село Приути, и никакими сочувствующими она не обросла. А, во-вторых, заверения Жордания об иностранной помощи оказались ложными. Никакой договоренности с западными державами на этот счет не существовало. Но об этом тогда никто не знал! Авантюра закончилась бесславно. Остатки банды, спасаясь от кары, вместе со своим главарем бежали в Турцию.

Как я узнал позже, известный меньшевик Ираклий Церетели, находившийся в оппозиции к правительству Н. Жордания, сказал по этому поводу: — Жаль, что итальянский пароход, вышедший из Ватуми с нашим правительством в 1921 году, тогда не затонул: меньше пакостей было бы сделано грузинскому народу...

...В середине ноября я был вызван на допрос к следователю Микадзе, который вел мое дело. Микадзе спросил у меня, как я намерен вести себя в том случае, если меня освободят из предварительного заключения. Я не ждал такого вопроса, так как мысленно подготовил себя к тому, что буду осужден, но очень искренне ответил, что продолжу учебу, если мне в этом не будет отказано.

— Намерения хорошие, — заметил следователь, — постарайтесь их исполнить. В случае с Вашаломидзе вы вели себя нечестно, прикрывали его преступные действия. И все же мы не считаем вас убежденным врагом Советской власти. Думаем, что на свободе вы пересмотрите свое отношение к вашим бывшим приятелям. — Потом Микадзе встал и торжественно произнес:

— В ознаменование седьмой годовщины Октябрьской революции Всегрузинский ЦИК объявил амнистию. Мы применяем ее к вам. Вы свободны.

Я тоже встал, потоптался в нерешительности, не зная, что сказать. И тогда заговорил Микадзе:

— Мой совет: не совершайте новых преступлений. Поцарды тогда не будет.

Признаться, тогда я не воспринял свое неожиданное освобождение как акт великодушия. Я полагал, что следствие просто не смогло доказать, что я действительно скрыл то, что было известно мне из деятельности Вашаломидзе.

Из-за ареста я потерял год учебы и потом усердно наверстывал все это. Летом ездил в Поти к родным.

Однажды, возвращаясь в Тбилиси, я вышел в Самтредиа на перрон и лицом к лицу столкнулся с Геронтием Вашаломидзе. У стойки станционного буфета мы распили в честь встречи по бутылке вина. Геронтий рассказал, что недавно возвратился из заключения и еще не определил места жительства.

— Я буду там, где больше всего понадобится делу и друзьям, — с пафо-

сом заявил он. — Я еще не выбил из седла!..

Геронтий пожелал проводить меня до станции Риони. Продолжая в субботу в тамбуре, он неоднократно отнесся к моему желанию закончить Тбилисский университет.

— Будущей Грузии потребуется много образованных людей, — сказал он, — но не с советским дипломом. Настоящие знания можно получить только в Европе, и ты должен стремиться попасть туда.

— Для этого нужны средства, — возразил я.

— Безусловно, — ответил Геронтий, — эти средства найдутся у нашего эмигрантского правительства, если оно сочтет нужным тебе помочь.

Расставаясь в Риони, Вашаломидзе сказал, что в Тбилиси у него есть дела, но пока он приехать не может.

— Я буду тебе признателен, если ты мне при случае поможешь, Андро.

— Что будет в моих силах, — ответил я, пожимая ему руку. Ведь мы выпили, и я был в бравом настроении.

Прошло несколько месяцев, и я уже стал забывать об этой встрече, как вдруг — телеграмма с просьбой прийти к батумскому поезду и принять посылку от одного крестьянина. Я пошел на вокзал и встретил крестьянина. Он извлек из хурджина небольшой, но очень тяжелый сверток и передал его вместе с маленькой запиской. Геронтий, извещая меня, что будет еще несколько оканий, просил сохранить посылку до его приезда. К концу месяца у меня на квартире хранилось уже три свертка. Все они содержали типографский шрифт.

Сам Геронтий не появлялся. Я уже стал беспокоиться, когда наконец, получил от него записку с просьбой явиться в Муштаид — так мы еще называли тогда Парк культуры и отдыха имени С. Орджоникидзе.

В назначенное время я встретился с ним. Он поблагодарил меня, назвав мою помощь большим патриотическим делом.

— Но дальше хранить у тебя шрифт опасно, — сказал он, — сам же я к тебе прийти не могу. Может быть, ты согласишься доставить его по указанному адресу?

Я согласился исполнить и эту просьбу...

Не знаю, почему этот человек действовал на меня так странно. Не было его, и я был занят только учебой. Появлялся он — и я шел за ним, как собака за своим хозяином.

Так привел он меня к ветхому дому на берегу Куры, в стенах которого собралась группа людей, озлобленных против Советской власти.

Вашаломидзе промком читал нивесть как доставаемые эмигрантские газеты

меньшевиков и социал-федералистов — «Брдзолис хма» и «Цнобис пурцели». В них писалось, что Советский Союз разваливается под бременем внутренних и внешних трудностей, что дни его сочтены. Мы верили глупым щелкоперам, находящимся далеко от родины, хотя на наших глазах происходило совсем обратное. В России вступила в строй Волховская электростанция, в Грузии загорелись огни ЗАГЭСа. Строились фабрики и заводы. В магазинах появилось больше продуктов. Настроение у людей становилось все лучше и лучше.

Помню, как однажды, после очередного нашего чтения, Геронтий, обычно экзальтированный, устало говорил нам, что работать становится труднее, появилось новое поколение молодежи, чуждое идеям «истинных патриотов» Грузии. Они, мол, готовы за ложку похлебки идти к большевикам, вместо того, чтобы бороться за нашу независимость.

В этот вечер, оставшись наедине, мы долго беседовали при мерцающем свете свечи. Геронтий посвятил меня в свое намерение выпустить листовки к меньшевистскому «Дню независимости» и просил меня взять на себя их распространение в университете. Не отказываясь от этого поручения, я задал вопрос о полезности таких действий. Я считал, что эффекта они не дадут и могут привести к провалу. Геронтий ответил, что не исключена и такая возможность, но пока он считает нужным вести подобную деятельность против большевиков, ибо это отвечает интересам национального движения и укрепляет положение руководителей эмиграции за рубежом. В случае же реальной опасности придется бежать за границу. Он уже предусмотрел это и предпринял некоторые практические шаги.

— Тебе же лучше! — убеждал Геронтий. — Сумеешь завершить свое образование во Франции.

Далее Геронтий назвал мне имя Леонида Скаржевского, бывшего музыканта армии Баратова, который знает безопасные пути через персидскую границу.

— Но это на всякий случай, — заметил Геронтий на прощанье.

Расставшись с ним уже под утро, я шел домой по пустынным улицам. Воздух был напоен ароматом цветущих акаций. Взошло солнце, и с его первыми лучами стал пробуждаться город. Прогрелись колеса первых трамвайных вагонов бельгийского образца. С окранных улиц мне навстречу двигались продавцы мацони и угля, появились люди в рабочих спецовках, девушки в красных косынках пробежали мимо меня на трамвайную остановку. Они лукаво поглядывали на мою помятую, лениво бредущую фигуру и что-то острили на мой счет. Как хорошо, до мельчайших

деталей запомнил я этот ранний рассвет на улицах любимого города!

Подходя к дому, еще издавна я заметил промелькнувшую в окне моей комнаты тень. Это насторожило меня, я зашел в соседний подъезд и с лестничной клетки стал наблюдать. Вскоре из-за угла вышли два молодых человека и, переговариваясь между собой, остановились невдалеке. За моей квартирой следят!

Я вышел в проходной двор и почти бегом, еле сдерживая себя, бросился неизвестно куда. В мыслях было только одно — скорее уйти подальше от дома! Но куда? Сначала я направился было к вокзалу. Но потом подумал — может быть, все это бред, плод моей воспаленной фантазии? Я просто ошибся, испугался. Надо проверить...

Берег Куры. Домик, который я покинул на рассвете. С возвышенности, на которую я взобрался, он хорошо виден. Сажу, наблюдаю. Выкурил полпачки папирос одну за другой. Нет, ничего подозрительного. Как же быть? И тут дверь дома открылась и из нее вышел Вашаломидзе в сопровождении трех человек. Один из них показался мне очень похожим на следователя Микадзе.

Сомнений не было. Мы провалились. Сразу вспомнилось, что сказал Микадзе — пощадь не будет!

Не раздумывая больше, я бросился к Леониду Скаржевскому.

ПОБЕГ И ПЕРВАЯ ХОДКА

— Вы появились вовремя, — сказал мне Скаржевский, когда я пришел к нему взволнованный и подавленный всем происшедшим, — завтра я ухожу.

Мы стали обсуждать план нашего побега, точнее, Скаржевский его излагал, а я слушал и соглашался, так как совершенно не был осведомлен о положении на государственной границе, которую мы собирались пересечь.

Смуцало меня и то, что в кармане моем оказалось очень мало денег и из ценностей только часы, которые Скаржевский посоветовал запрятать в кепку.

День прошел в сборах и обсуждениях, а утром на попутной машине мы добрались до железнодорожной станции Сандари и сели в ереванский поезд. Скаржевский знал, где можно было спрыгнуть с поезда на тихом ходу, куда пойти.

Через день мы уже были у реки Аракс, на линии государственной границы. Спрятавшись под вечер в кустах и выследив движение пограничного наряда, мы под покровом ночи бесшумно перебрались через реку.

Конечно, все это было небезопасно и

требовало большой осторожности, но граница в те годы не охранялась так тщательно, как потом.

Впервые в своей жизни я шел по чужой для меня земле. Мы уже не таились и двигались открыто. Ночь подошла к концу.

Что ожидало меня впереди? Как встретят здесь нас, беглецов из Советской Грузии? Воображение рисовало радужную и приветливую встречу. Я спросил у Скаржевского, что он думает об этом.

— Поначалу, может быть, и не будет ни объятий, ни радостных слез, — ответил он, — но у вас в Персии, наверное, найдутся друзья?

На рассвете у села нас встретили два солдата пограничной стражи. Они завели нас к старосте и принялись рьяно выворачивать наши карманы. Все наши деньги без остатка быстро перекочевали в их кошельки, после чего интерес к нам был потерян. Но двигаться нам не разрешалось, есть нам не давали. Когда я попросил старосту накормить нас, он знаками ответил, что за это нужно заплатить. Мы долго упрашивали солдат, прежде чем они выдали нам несколько наших же монет.

На утро следующего дня нас доставили на пограничный пост и посадили на гауптвахту. Потом несколько раз гоняли по постам, пока не привезли в Тавриз.

Все это было похоже на кошмар. Нас били, вновь выворачивали карманы, убедившись, что они пусты, требовали назвать друзей, способных их наполнить. Мои объяснения о том, что мы политические деятели и бежали от большевиков, впечатления не производили.

Особенно тяжело пришлось в Тавризе. Здесь нас содержали вместе с ворами и бродягами, облаченными в фантастические лохмотья и тряпье. В камере стоял невыносимый смрад, к тому же нас почти не кормили, и к концу третьего месяца мы еле держались на ногах. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы не извлеченные из кепки часы, за которые мы получали от стражника по куску хлеба и кружке чистой воды.

Наконец, нам объявили об освобождении и сказали, что мы можем жить в Тавризе, но без права выезда из этого города. Скаржевский быстро нашел какого-то знакомого по армии и скрылся из виду, а я отправился разыскивать кого-либо из грузин. Чужой, равнодушный восточный город и то положение, в котором я очутился, приводили меня в отчаяние. День я бродил по узким улочкам и переулкам, всматриваясь в лица прохожих, заглядывая в воюющие дворы. Наконец, наткнулся на портняжную мастерскую эмигранта-меньшевика, которого звали Васо. Он накормил меня и помог обрести мало-мальски приличный

вид. А потом ввел в круг своих друзей таких же эмигрантов-меньшевиков, бежавших из Грузии от Советской власти. Все они уже осели в Персии и были трудоустроены. Кое-кто работал на Джалуфатавризской железной дороге, а Виктор Джгаркава даже преуспевал в должности врача в местном госпитале. Я перешел к нему и некоторое время находился на его издвигении. Сколько это могло продолжаться? Работу я искал, но безуспешно. И потом мне ведь надо было во Францию, учиться!..

Однажды Виктор сказал мне, что ему еще по Грузии знаком один из руководителей грузинской эмиграции в Париже — Георгий Гвазава; может быть, стоит обратиться за помощью к нему? Я ухватился за эту идею, и мы составили письмо, в котором с подробностями и красочными преувеличениями нарисовали картины ужасной жизни грузинских эмигрантов в Персии. В конце письма я просил помочь мне выбраться из Тавриза. В ответ Гвазава прислал вырезку из журнала «Женев», издаваемого так называемой Лигой защиты личности. В журнале приводились выдержки из моего письма. «И это все? — подумал я. — Но, нет, я не отстану от него». И продолжал писать. В одном из ответов Гвазава, присланным окольными путями, оказалось письмо секретаря Загранбюро меньшевиков Сандро Менагаршвили. В нем говорилось о том, что надо найти связи с меньшевистским подпольем в Грузии. Автор письма указывал на крайнюю необходимость таких действий, так как Загранбюро в последние годы не имеет из Грузии никаких вестей. В случае успеха мне обещали помочь переехать в Париж и гарантировали стипендию для учебы в высшем учебном заведении.

Да, я теперь хорошо представлял, что такое установить связи с подпольем в Грузии. Меня уже знали там, в ЧК, и предупреждали, что пощады не будет. И все же блеснувшая снова надежда попасть в Париж, учиться там в университете заставила решиться на выполнение задания Загранбюро. Но как это сделать?

И тут появился новый беглец из Грузии — Илья Закарая. Назвав себя одним из руководителей подпольной организации меньшевиков, он заявил, что должен доложить Загранбюро о проделанной работе. Мы ему сообщили адрес Менагаршвили, и через некоторое время, получив из Парижа ответ, он собрал нас и повторил требования парижского руководства: связь, связь и связь!

— Необходимо, чтобы кто-либо из вас отправился вместе со мной в Тбилиси.

У всех нашелся предлог отказатьсь от этого предложения. Поскольку я один сидел молча, взоры обратились ко мне. Я сказал:

— Что ж, если надо — пойду!..

Мы перешли границу с помощью активного муссаватиста Мамеда Садыха, который, осев в Персии, руководил подрывной работой против Советского Азербайджана. Переправившись через Аракс возле Ордубада и простившись с проводником-персом Магарамом, мы добрались до Нахичевани. А на другой день уже сходили с поезда на станции Навтлуги.

Фазтон доставил нас в Тбилиси. Мы зашли в ресторан «Жизнь» и просидели здесь до вечера. Закарая иногда оставлял меня одного и куда-то исчезал.

В эти минуты мне так хотелось выйти из ресторана, увидеть свой город, по которому я сильно соскучился, подойти к дому, где я жил и мог бы жить и сейчас. Но я сидел, низко опустив голову и отворачиваясь от всех, чтоб меня никто не узнал. А когда стемнело, мы снова на фазтоне подъехали к Мухранской улице и зашли в квартиру, дверь которой отворил сам Закарая.

Все шло как по маслу. Мы хорошо выпались, не потревоженные никем, а наутро к нам явился молодой человек. Закарая представил его как члена нелегального ЦК меньшевиков, подпольная ключка которого Ариана.

Ариана оказался чрезвычайно понятливым и расторопным.

— Отчет для Джордания и Рамишвили? Завтра будет!..

На следующий день он пришел с большой провизионной сумкой, из которой торчали бутылки с вином, зажаренная курица и другие яства. Все это предназначалось для хорошей трапезы трех далеко не хилых мужчин.

— А это — для наших друзей в Париже, — сказал он, протягивая пакет. В знак доверия к нам он запечатан не был, и Ариана с каким-то многозначительным выражением лица вынул из него один документ.

— Постановление нашей вчерашней конференции, на которой присутствовали представители почти всех районов Грузии! Хотите, зачту?

Это была длинная, витиевато изложенная резолюция, из которой мне запомнилось несколько практических пунктов:

— Ираклий Церетели за оппозиционную деятельность снимается с должности представителя грузинских меньшевиков во Втором Интернационале и вместо него назначается Константин Гварджадзе.

— Объявляется строгий выговор Акакию Чхенкелли со снятием его с должности представителя меньшевиков при французском правительстве.

— Бывшему министру иностранных дел меньшевистского правительства Евгению Гегечкори ставится на вид за его блокирование с националистами.

Прочтя этот документ, Ариана запе-

чатал конверт и передал его мне. После этого мы начали подкрепляться.

— Прощу прощения за секундный стол! — начал Ариана свой тост. — Пожалуй, батрак моего отца имел на столе больше закусок, чем мы с вами, уважаемые люди Грузии. Но что поделаешь? Может быть, и для нас придут лучшие времена. Давайте выпьем за это!

Тосты следовали один за другим.

Изрядно захмелев, Закарая нечаянно назвал Ариана Давидом и, когда настала очередь выпить за его здоровье, я, поднявшись с места, сказал:

— Преклоняюсь перед вами, Датино, не только за вашу смелость, но и за организаторские способности. Только обладая такими качествами, можно было за короткий срок в условиях подполья провести конференцию и принять столько полезных решений.

Датино слушал меня, улыбаясь, но когда я кончил, лицо его вдруг стало серьезным и он сказал, что бороться за меньшевистские идеи в Грузии становится все труднее, так как народ от них давно отвернулся. Организации и ЦК разгромлены и надеяться можно только на вторжение иностранных армий.

— Что касается моих организаторских способностей, батано Андро, — закончил он, — то их скорее нужно называть литературными, так как над составлением переданных вам документов я корпел всю ночь. Никакой конференции, разумеется, не было...

Наступило неловкое молчание.

— Ну, тогда за тебя, Датино, — попытался я выйти из положения, — нужно выпить второй тост за твое изобретательство.

Но веселье и довольство уже покинули наш стол.

Возвращаясь на следующий день в Персию по тому же пути и вспоминая признание Ариана, я с досадой думал о том, что подвергаю свою жизнь опасности из-за пачки липовых бумаг. Однако они откроют мне путь в Париж!

ПРИЕМ У «ПРЕМЬЕРА»

Итак, первая ходка и возвращение с «ценным пакетом» подняли мой авторитет в глазах «общества» и помогли получить персидский паспорт, открывавший путь в Париж. Через Маку, Эрзерум, Трапезунд я направился в Стамбул. Здесь меня встретил представитель меньшевистского правительства. Он устроил мне место на французском пароходе, отправлявшемся в Марсель, вручил литер для проезда в Париж и 15 турецких лир.

В день отплытия он явился на пристань удрученным.

— Произошло несчастье, в Париже убит Ной Рамишвили.

— Кем, когда, при каких обстоятельствах? — не удержался я от вопросов.

— Подробности узнаешь в Париже. А пока я сам не знаю...

Дорога и сознание того, куда я еду, заставили меня вскоре забыть об этом известии и думать только о том, что меня ждет впереди.

Париж!.. Он являлся ко мне в снах с того самого часа, как Геронтий Вашатомидзе зародил во мне надежду жить и учиться там. То я видел себя в Сорбонне, в этом знаменитейшем учебном заведении мира. То сидел в кафе, небрежно почитывая «Пари суар» и вызывая восторг юных парижанок своим полным равнодушием к ним. То мерещились мне ночные огни города, таинственный полумрак улиц, локоть женщины.

Вот он, долгожданный Париж!.. Я выхожу на вокзал, погружаюсь в шумный, будничный, спешащий куда-то поток и ничего еще пока не вижу, ни о чем не думаю, никак не чувствую, что почти достиг пределов своей мечты...

Мне надо найти адрес: плац Трокадеро. Тушик Святых отцов. Тушик? Почему тушик? Ах, да... Здесь же находится грузинская легация-резиденция изгнанного из Грузии правительства меньшевиков. Тогда еще до меня не доходил весь трагикомизм этого тушикового адреса, его нечаянный символический смысл...

Моя первая встреча с Сандро Менагаришвили происходит в маленькой общепитательной комнатенке, вид которой является полный контраст с внешностью ее хозяина. Передо мной — интересный мужчина средних лет, спортивного сложения, в модном, хорошо сидящем костюме.

Устроившись поудобнее, я настраиваюсь на длительный разговор. Ведь я приехал с наветом, я только что был там, на родной земле!.. Но Менагаришвили не выражает абсолютно никаких эмоций; он куда-то спешит и поэтому слушает невнимательно, все время находя занятие своим холеным рукам — то спряхивает ворсинки с костюма, то перелистывает лежащие на столе газеты. И, наконец, извинившись, передает меня на попечение вошедшего к нему молодого человека, некоего Акакия.

— Вам сейчас следует отдохнуть, — любезно говорит он, — Акакий покажет отель, в котором вы остановитесь, а утром проведет на прием к Ною Жордания.

Пока мы добираемся до парижского пригорода Бийанкур, где расположен отель «Насиональ», наступает вечер; Акакий, оставив меня в гостинице, уходит, пообещав прийти на следующий день. Отдыхать мне не хочется. Я выхожу на залитые светом улицы, с любо-

пытством разглядываю людей, прислушиваюсь к незнакомому говору. Найдется ли среди них место для меня?

И мысли снова возвращаются к разговору с Менагаришвили. Почему он ни словом не обмолвился о том, что я остаюсь в Париже для завершения образования? Почему он вообще говорил со мной как с курьером, который что-то принес и должен поскорее уйти? Может быть, об этом неприлично разговаривать при первой встрече? Может быть, этика не позволяет говорить об этом до встречи с Жордания?

Если б я знал в ту пору, что представляет собой Менагаришвили! Некоторое время спустя случайно я зашел в Бийанкуре в один из гастрономических магазинов и вижу: этот политический деятель, именовавший себя социалистом, сидит в кассе и расточает медовые улыбки покупателям с толстым кошельком. Магазины были собственностью нашего расторопного Сандро! Руководя всей конспиративной работой Загранбюро, Менагаришвили, благодаря своему практическому уму, добивался прежде всего и всюду личных выгод. В то время, как иные грузины-эмигранты владели жалкое существование и еле сводили концы с концами, этот «партийный босс» изысканно одевался, был всегда благополучен и богат. Он знал, как заткнуть рот оппонентам, откряститься от своих же слов или тонко, незаметно бросить тень на человека, которому еще вчера выражал чувства горячей симпатии.

Менагаришвили был Бенкендорфом в миниатюре, меньшевистским шефом жандармов с той только разницей, что император Николай I восседал на реальном троне, а меньшевистская камарилья висела в зыбком безвоздушном пространстве...

Итак, наутро мне предстояла встреча с бывшим премьером. Акакий явился в назначенное время. Мы сели в трамвай и поехали. Никогда раньше не приходилось мне совершать такой продолжительной поездки в этом виде транспорта. Наконец, прибыв в загородный район Ля Курновье, Акакий подвел меня к двухэтажному особняку. Здесь жил Ной Жордания.

Через минуту молодой бородатый грузин отворил нам дверь и выпустил в переднюю. Я увидел кухню, в которой такие же дикие бородачи чистили картофель. Это были телохранители, постоянно жившие в доме и превратившиеся со временем в домашнюю прислугу. Акакий был из этой свиты.

Тем временем вышла жена Жордания, уже поблекшая дама со следами косметики на лице. Она поздоровалась со мной по-русски и пригласила в верхние комнаты, а сама, слегка отстав, крикнула бородачам:

— Пока не почистите весь картофель, те уходите! И зелень, зелень не забудьте как следует помыть.

Наверху я огляделся: обстановка богатая. Комнат много. Значит, дела идут хорошо. Супруга премьера прервала мои наблюдения:

— Ной Николаевич вас ждет.

Я прошел в открытую дверь и оказался в просторном кабинете. Худой старик с длинной белой бородой поднялся из-за письменного стола и, пересев в кресло, предложил мне место напротив. Ему шел тогда седьмой десяток, но выглядел он еще старше. Возможно, мне это показалось... В комнате было натоплено, а он был одет в теплые домашние туфли и укрыт женской шалью.

Я представился и протянул привезенный конверт. Не вскрывая его, Жордания положил пакет на край стола и приступил к рассказам о положении дел в Грузии. Он все хотел, чтобы я сказал ему, как относятся к нему на родине. «Хотят ли нас?» — этот вопрос, казалось, вот-вот сорвется с губ старика.

И я, кривя душой, излагал известные мне факты и события таким образом, чтобы угодить, чтоб подтвердить надежды на шаткость Советской власти в Грузии. Именно эта часть моего рассказа вызывала особое одобрение, он довольно лопирал руки и ерзал в кресле.

Рассказывая о группе Вашаломидзе и так называемой конференции, я, разумеется, умолчал о том признании, которое сделал мне Ариана. Это принизило бы мою миссию и не лишнюю опасность ходку в Тбилиси.

Выслушав меня, Жордания сказал:

— Надо, дорогой Андро, возвратиться в Грузию или, по крайней мере, в Персию... Тут задерживаться не следует. Я бы не хотел также, чтобы вы встречались здесь с эмигрантами, многие из которых утратили стойкость и шарахаются из стороны в сторону. Вы молодые, полны сил и сможете принести большую пользу нашему общему делу в Грузии...

— Недавно мы оплакивали кончину Рамишвили, — продолжал он, помолчав, — его убийство было подстроено большевиками, и нужно, чтобы об этом знали и там, на нашей земле.

И Жордания стал возбужденно говорить о «кознях» большевиков.

Рассеянно слушая его, я подыскивал подходящий момент, чтобы замолвить словцо о себе, о том, что мне обещали в награду за старания и что я вовсе не хочу покидать Париж.

Когда такой момент настал, он неодобрительно выслушал меня, медленно поднялся с кресла и, снова пересев за письменный стол, всем своим видом дал понять, что аудиенция окончена.

Меня проводил до трамвайной остановки все тот же Акакий, объяснил, где

нужно будет сойти, и сообщив, что я смогу в течение недели безвозмездно пользоваться номером в отеле.

Обратный путь показался мне еще более долгим. Оказавшись, наконец, в Бийанкуре, я не зашел в отель и медленно побрел по улице. На душе было тяжело. Не интересовал ни Париж, ни его люди...

Под стать настроению была и погода — хмурый декабрьский день с мелким дождем.

— Совсем как в Тбилиси, — подумал я, подымая воротник. — Но только в этом и сходство, а в остальном все бесконечно чужое.

Навстречу шли прохожие с раскрытыми зонтиками. Казалось, что людей нет, а только одни зонты, нескончаемое количество зонтов. Вот-вот острая спица одного из них вопьется в лицо, в глаза. Я невольно отодвигался от людей, а они равнодушно следовали дальше, им не было никакого дела до человека, нивесть зачем бредущего под дождем и не знающего, куда себя деть...

— Куда я попал? Зачем?.. Как я смел растерять все — мечты свои, своих близких и родных, свою родину?

Однако назад уже нет возврата.

КАК УБИЛИ НОЯ РАМИШВИЛИ

Как только в грузинской колонии распространилась весть о том, что в Париже «свежий» человек из Грузии, ко мне в отель стали приходить эмигранты, чтобы «из первых уст» услышать что-нибудь о близких и друзьях. В числе посетителей оказались и мои бывшие товарищи по гимназии. Я им рассказал о приеме у «премьера» и о том, что все-таки намерен остаться во Франции. Они одобрили это решение и обещали помочь. К одному из них, Исидору Манцкава, я перешел на временное жительство.

В канун Нового года к нему пришли друзья, до отказа заполнившие маленькую комнатку. Каждый со свертком или бутылкой вина, а одна супружеская пара принесла в судке сациви.

— Стол у нас комплектуется по-немецки, а вести его мы будем по-грузински, — шутя пояснил мне Манцкава.

— Друзья! — продолжал он, обращаясь ко всем. — Нашего полку прибыло. Перед вами — Андро Болквадзе. Пока часы не пробили двенадцать, можете пожелать у него интервью.

Посыпались вопросы. Притихнув, все стали слушать меня, и только шум из соседних квартир напомнил нам о наступлении Нового года.

Что принесет он этим оторванным от родины людям и мне, вступившему в их компанию? — думал я, поднимая свой бокал.

...Устроиться на учебу оказалось делом невозможным. Нелегко было полу-

чить и работу. Поэтому, когда меня зачислили на должность маляра в консорциуме «Синема», я праздновал победу. Однако радоваться пришлось недолго. Через полгода после моего приезда в Париж: я был уволен из-за того, что не имел для поступления на работу соответствующего разрешения. Начались новые поиски. Я просто бедствовал. Кто-то рассказал об этом председателю парижской секции меньшевиков Уротадзе, и он устроил меня в Левиле, небольшой деревушке в 26-ти километрах от Парижа по Орлеанской дороге. Здесь находилось поместье, купленное Жордания на золото, которое было вывезено из Грузии. В этом поместье проживала часть эмигрантов.

Мне выделили небольшой участок земли, и я стал работать, как простой крестьянин. Вместо Сорбонны пришлось учиться, как выращивать помидоры и цимматы.

С помощью Манцкава я стал входить в группу эмигрантской молодежи, настроенной оппозиционно по отношению к Жордания. Да, даже разочаровавшись в нем, мы были далеки от понимания обреченности меньшевизма как такового. Нам казалось, что его можно «подправить», если за него возьмутся молодые социал-демократы.

Выступая на собраниях против группы Жордания, мы постепенно стали приобретать сторонников. На их средства удалось выпустить несколько номеров газеты «Молодой социал-демократ». Тотчас группа жорданьевской молодежи начала издавать газету под таким же названием. А через некоторое время закрыли и ту и другую, потому что такая практика шла вразрез с французскими законами.

Борьба различных группировок в эмиграции особенно наглядно проявлялась на собраниях и конференциях, как они иногда громко именовались.

Чтобы дать хоть какое-то представление об этих сборищах, расскажу об одном.

Перед началом конференции на заседание мандатной комиссии явился Жордания и, выяснив, что его группа в меньшинстве, быстро ретировался: мол, его вызывают к заболевшему сыну Реджебу. Делегаты собрались, но без Жордания конференцию начинать нельзя. Его ждут, за ним посылают, пытаются заманить — ничего не получается. Болезнь сына, конечно, мнимая; «делегаты» возмущены, спорят, осуждают, ждут день, два. Ведь помещения для конференции снято у предпринимателя на определенный срок!

Наконец, на третий день хозяин-француз требует: — Освободите зал, пока я не пригласил полицейских!..

Не солоно хлебавши все расходятся по домам.

Самым знаменательным событием, взволновавшим в ту пору грузинскую эмиграцию, было убийство Ноя Рамишвили. Чего только не говорили о нем. В ходу были утверждения Жордания о том, что подстрекателями убийства являлись большевики. Подхватив эту версию, его окружение кричало о «руке Москвы». Другие эмигранты, знавшие убийцу, считали, что это по меньшей мере смешотворно.

С Парменом Чапуквадзе, убийцей Рамишвили, знаком я не был. К моему приезду в Париж он, уже арестованный, ждал суда. Рассказывали, что родом Пармен из села Шемокмеди в Гурии; при меньшевистском правительстве был начальником экспедиционного отряда и жестоко расправлялся с революционно настроенными крестьянами. С приходом Советской власти он перешел на нелегальное положение, а после краха меньшевистской авантюры в 1924 году бежал во Францию. Здесь он долго не мог найти себе применения, все больше впадал в нищету и окончательно озлобился.

Но дело, конечно, не в нем. Его фигура была самой маленькой, самой ничтожной во всей истории, которая возникла, как гнойный нарыв на худосочном, больном теле грузинской эмиграции.

Лидеры социал-демократов, — так именовали мы тогда меньшевиков, — тратили немало сил, чтобы создать видимость согласия в своем лагере. Этому же требовал от них польский генштаб, субсидированный звонким металлом Загранбюро. Но тщетными были все усилия. Прежде всего, мешали действия национал-демократов. Георгий Гвазава, Спиридон Кедия и Александр Асатиани создали в этой партии свои группы, которые вели борьбу и между собой, и с социал-демократами. К этой борьбе подключилась, и довольно активно, фашистская организация «Тетри-Георги», в которой руководил Лео Кереселидзе. Смысл соперничества сводился к борьбе за влияние на грузинских эмигрантов и за престиж перед лицом иностранных правительств и их разведок.

По мнению правых элементов, в первую очередь следовало победить социал-демократов, т. е. меньшевиков, занять их место, а потом уже начать борьбу против Советской власти. Главные атаки были направлены против «министра внутренних дел» Ноя Рамишвили как наиболее энергичного деятеля меньшевиков. При этом иногда открыто говорилось, что победа над ними будет возможна только тогда, когда исчезнет Ной Рамишвили.

Многие из членов самой меньшевистской партии тоже были в оппозиции к руководству, но наиболее активным противником Рамишвили в тот период ока-

зался, как ни странно, Евгений Гегечкори, давно шедший с ним в одной упряжке. Дело в том, что Гегечкори, помимо своей официальной деятельности в качестве члена эмигрантского правительства, занимался разными темными делами. Рамишвили упрекал Гегечкори в алчности и чрезмерной корысти. Но Гегечкори привык жить на широкую ногу, не мог существовать на скудное жалованье и поэтому вынужден был зарабатывать деньги другим путем. Такие заработки (и немалые!) Гегечкори получал главным образом от своего друга Аджамова, бывшего члена Государственной думы от дашнакской организации в Бану. Аджамов имел в Париже «Интернациональную юридическую контору», которая не гнушалась ничем. Гегечкори во всех этих делах принимал самое активное участие и, разумеется, защищал интересы дашнаков на политической арене. На этой почве разгорелись бурные дебаты, и между Гегечкори и Рамишвили дело чуть не дошло до драки. «Министров» разняли. Разгоряченный Гегечкори кричал, что Рамишвили следует убить.

Несмотря на то, что все участники заседания были предупреждены не разглашать инцидента, о нем рассказал сам Гегечкори. Слухи быстро распространились по всей грузинской колонии, особенно усердствовали тетригеоргиевцы. Все это делалось с определенной целью — убедить Пармена Чануквадзе совершить покушение.

Правда, Чануквадзе давно уже был готов на это. Его уволили с работы на заводе «Пежо», он бедствовал и виновником всех своих бед считал меньшевистскую верхушку и, особенно, Рамишвили. Однажды, встретившись с ним в Бийанкюре, Пармен набросился на него с бранью. Разъяренный Рамишвили замахнулся на него зонтом, и вдруг Чануквадзе пустился бежать. Он не мог простить себе такого позора и все думал, как отомстить... Используя все эти обстоятельства, Чануквадзе уговорили совершить убийство. Ему пообещали, что в случае ареста он будет иметь надежную защиту и на него посыпятся, как на освободителя, всяческие блага.

7 декабря Чануквадзе стоял в толпе у выхода из метро на площади Итали. С минуты на минуту должен был появиться Рамишвили. Тут же у входа, поблизости, находился один из подстрекателей, ярый тетригеоргиевец Михаил Кедия. Ему надо было убедиться, как все это произойдет.

И вот появилась «жертва». Рядом — преуспевающий Сандро Менагаршвили. Они уже в людском потоке, уже прошли мимо Чануквадзе, не заметив его. Неужели он струсит? Но вот он рывком устремился в толпу, вслед удаляющимся фигурам. Пистолет поднят, выстрел в

спину — и Ной Рамишвили валится беззвучно на асфальт.

Тут же его спутник оборачивается — выстрел, хватает убийцу... Полиция... и все.

Тетригеоргиевцы достигли своей цели. Додолнительно известно, что их вожаки принимали даже специальное постановление об этом убийстве. Тогда у них была еще та ранняя «романтическая» пора, когда делался вид, будто убийство Рамишвили — дело политической важности. А в колонии тотчас был распространен слух, что Чануквадзе подговорила агенты советской разведки. Эта версия устраивала всех. В том числе и меньшевиков.

На этом инцидент можно было считать исчерпанным, если б не одно обстоятельство, о котором мне рассказал племянник убитого — Шалва Беришвили. Он один не хотел мириться с тем, что истинные виновники убийства его дяди находятся рядом, встречаются и ведут себя так, как будто они не при чем.

Он выступил на заседании Заграницы и заявил, что не считает нужным скрывать настоящих убийц.

Что тут поднялось! Кое-кто из страха мести скрылся на время из Парижа, вновь разгорелись страсти, поднялась крысиная возня. За дело взялся сам Ной Жордания. Он пригласил взбунтовавшегося племянника и стал его убеждать:

— Не надо правды, не надо шуму, это будет вредно для всей эмиграции. Это нанесет урон всем и явится оскорблением памяти даже самого дяди!

Вот ведь как повернул лукаво мудрый старик!.. И племянник уступил, но при условии, что виновники убийства письменно выразят свое сожаление о случившемся и попросят прощения. И еще: что они не выступят на процессе в пользу исполнителя их воли — Чануквадзе.

Такая бумага была составлена. Тетригеоргиевцы «рыцарски» сдержали свое слово — не выступили на процессе, — и это осложнило задачу защиты, которую взяли на себя известные французские адвокаты — Анри Торес и Габриел Делатр.

Подавленный, обманутый своими подстрекателями, Чануквадзе покидал под охраной мрачного здания «Дворца правосудия». Он был отправлен в заключение на юг Франции, в Клермонферран.

Спрашивается, для чего понадобился весь этот шум? Что изменилось в жизни эмиграции? Кто и что кому доказал? Ровным счетом ничего. Побарахтались в мутном бассейне, кого-то утопили, кого-то спихнули с «кирпича» и снова стали кушать друг друга.

А финал этой истории таков.

Спустя несколько лет сын Ноя Рамишвили, Бено, получил через тюремного врача письмо от Чануквадзе на имя

его матери. Он раскаивался в своем поступке и просил похотатайствовать, чтобы его передопросили. Он, мол, скажет правду о тех, кто его послал на убийство. Однако, никто таких ходатайств не возбуждал. Тогда Чануквадзе впал в религиозный экстаз, отпустил бороду и часами молился, стоя на коленях в своей камере. Через год он умер.

СВАДЬБА «ПРИНЦА» МДИВАНИ

Дрязги и склоки раздирали грузинскую эмиграцию в Париже. Сначала подлинные причины такой неприглядной обстановки оставались непонятными для меня. Но по мере того, как я втягивался в жизнь эмигрантов, становилось ясным, что в конечном итоге драка происходит за возможность сорвать большой куш из тех поступлений, которые шли в кассу от буржуазных разведок. Чтобы эти поступления не прекращались, нужно было создавать хотя бы видимость активной и успешной деятельности Загранбюро на территории Советской Грузии. Лидеры корпели над планами шпионско-диверсионных забросок, предоставляя рядовым эмигрантам исполнять роль разменной монеты.

И все же денег все время не хватало. Настроение безысходности не покидало добровольных изгнанников родины.

Но вот однажды некое экстравагантное событие всполошило всю грузинскую колонию. Разнеслась весть о том, что ловкач Алексей Мдивани, разойдясь со своей первой женой, сватается к богатой американке Барбаре Хэттон. Сия девица подыскивала себе супруга-красавца из знатной семьи. Как будто бы все хорошо! Можно порадоваться удаче земляка и погулять на роскошной свадьбе! Но нашлись завистники, которые не замедлили предупредить папашу Хэттона, что жених-то вовсе не высокого происхождения, всего лишь паршивенький, мелкий дворянин и к тому же большой аферист. Брак чуть было не сорвался.

Мдивани и его родня бросились обрабатывать ближайшее окружение Ноя Жордания, пообещав за содействие в женитьбе выдать в кассу легации крупную сумму от приданого.

Евгений Гегечкори, большой мастер подобных дел, развивает бурную деятельность.

Прежде всего для Мдивани создается новая должность. Он становится вторым секретарем легации. В связи с этим его фамилия с приставкой «принц» появляется в справочнике дипломатического корпуса. Справочник этот контролирует Министерство иностранных дел Франции и, следовательно, «принц» узаконен.

Под руководством Гегечкори возникает и еще один убедительный документ. Одна из грамот царя Ираклия

Второго, оказавшаяся в архивах, вывезенных меньшевиками из Грузии, начиналась словами: «Князю Соломону Леонидзе — секретарю». По-грузински «секретарь» — «мдивани». Ну, как тут не словчить? Прямо сам бог велит! И старинная грамота с маленькой, совсем незначительной поправкой, в корне меняющей, однако, весь смысл, переводится сначала на русский язык. Теперь она выглядит так — «Князю Соломону Леонидовичу Мдивани». Текст подторяется в английский перевод, и фальшивка готова. А в грузинской геральдике появляются новые князья — прямые потомки мифического Соломона Мдивани.

И вот папаша Хэттон с дочкой прибывают в Париж. Жордания и его сподвижники волнуются так, будто предстоит обсуждение важнейших социальных проблем или путей развития их многострадальной родины. А на самом деле?

На самом деле все сидят перед надутым американским миллионером и по очереди доказывают княжеское происхождение Мдивани, которое берет начало, якобы, где-то в седом одиннадцатом веке.

— Да, отец жениха был в царское время военным министром, — говорит один. — Сам Алексей, благодаря своей блестящей эрудиции, занимает все эти годы в легации пост второго секретаря. — И грамоту, грамоту царя Ираклия не забудьте...

— Этот брак должен стать символом связи Грузии с Америкой!..

Папаша Хэттон никогда, наверно, не читавший басен, встает, растроганный до глубины души, и лобызает сначала бородатых старцев, а затем и самого жениха.

— Вы завоевали сердце моей дочери и мое расположение, — говорит он торжественно, обращаясь к нему.

После этого парижские газеты пестрят фотографиями Барбары Хэттон и Алексея Мдивани и сообщениями о свадьбе, которая состоится в Париже, в русском кафедральном соборе.

...В этот день на улице Дарю — тысячи зевак. Вокруг собора выстраивается полицейский кордон. Гостей пропускают только по пригласительным билетам. Одна за другой со стороны Елисейского проспекта подкатывают шикарные автомашины, щелкают затворы фотоаппаратов представителей парижских и иностранных газет.

На свадьбе присутствуют все «сливки» эмиграции во главе с Жордания, Гегечкори, Чхенкели. На них фраки, сшитые специально по этому поводу, выкупленные из ломбарда или взятые напрокат. От ворот до входа в собор расстелены ковры, по обе стороны выстроены почетный караул из отборных молодцов, выраженных в черески. В

самом деле, зрелище-то какое для парижан!

Венчает русский митрополит Евлогий в раззолоченном облачении. У него в помощниках грузинский священник Перадзе. Перед святейшим молодая пара — потомок царедворца и внучка американского «короля пятицентовых магазинов» в грузинском головном уборе «чихта-копи». Но вот что самое замечательное: за ними, на первом плане — фигура старца с белой бородой — бывшего «социалистического премьера Грузии».

Дан и Абрамович, наверно, где-то в толпе лопаются от зависти, полагая, что теперь-то грузинская социал-демократия разбогатеет и станет самой состоятельной секцией Второго Интернационала.

Но вот венчание окончено. Новобрачные покидают собор. Пора поднять бокалы в их честь. Все спешат на банкет. И здесь Жордания в числе первых ораторов окончательно утверждает за Мдивани княжеский титул. В присутствии представителей дипломатического корпуса и прессы он называет его «монсеньором», точно так, как в прошлом обращались к принцам и герцогам королевской крови.

Кирилл, именующий себя русским царем, присылает Мдивани приглашение посетить его.

Не остается в стороне и вождь тетригеоргиевцев Лео Кереселидзе, неизвестно кем произведенный в генералы. Ему обидно, что в жульнической махинации со свадьбой обошлись без него. А вдруг ничего не достанется от приданого невесты? Нужно наверстать упущенное. И

вся грузинская колония с изумлением узнает, что «генерал» Кереселидзе награждает «князя» Алексея Мдивани орденом царицы Тамар. За что? За особые заслуги его сиятельства перед отечеством!..

Люди спрашивают друг у друга, когда и где этот орден был учрежден. Ведь что-то никто не помнит такого. А, впрочем, бог с ним. В общей атмосфере приподнятости выхода Кереселидзе встречается благодушно. Главное, бизнес удался!

В грузинской эмиграции вот-вот начнут затягиваться раны, забывается склока. Люди, давно переставшие кланяться друг другу, снова здороваются и обсуждают радостное событие недавних дней. Каждый втайне надеется, что и ему что-нибудь перепадет.

Но... увы, увы и увы!

Мдивани едет в свадебное путешествие. Мдивани покидает Париж навсегда.

Охота ли ему печся о всем этом обтрепанном сброде, когда миллионы американского теста у него в кармане. В кассу легации выдается какая-то малая толика (все же старики поддерживали в трудную минуту!), Лео Кереселидзе е большой неохотой оплачена только стоимость ордена.

Подымаясь на самолет папаша. «принц» дает своим обескураженным землякам последний мудрый совет:

— Смотрите, чтобы, пока вы ждете золотого яйца, курочка не пропала.

И снова наступают мрачные будни. Люди перестают кланяться друг другу, колесо эмиграции скрипит по старой коле.

Окончание следует

Энтузиасты

Эпизод из прошлого

Эшелон с ранеными, среди которых был и я, направлялся с фронта через Ростов—Махачкалу—Баку в Грузию (железнодорожная линия Сочи—Сухуми тогда еще не действовала). Стояли спокойные солнечные дни сентября 1944 года. Но стоило нам доехать до Кавказа, как поднялся страшный ветер. И все же я был безмерно счастлив, ибо знал: еще немного — и я ступлю на родную землю... Действительно, вскоре состав остановился. Я выглянул в окно и увидел одинокое здание. Прочел надпись на нем — «Рустави», и сердце замерло от радости. Вот она, наконец, моя Грузия! А ветер продолжал неистовствовать, солнечные лучи едва пробивались сквозь тучи, было хмуро, холодно. Поезд тронулся. Рядом с ним побежали пустыри с выжженной травой. Резкий западный ветер катил по ним клубы песка и пыли. Вокруг все выглядело пустынно и уныло. Я подумал, как не похоже все это на мою цветущую солнечную родину! И все же это была она. «Что за чертовы места!» — в сердцах бросил наш врач. И хотя слушать это было горько, мне ничего не оставалось, как промолчать в ответ. Ведь я не знал еще тогда, что в этих «чертовых местах» строится новый металлургический гигант, а позже здесь вырастут предприятия большой химии республики.

Постоянный пропуск

Мне вспомнился этот эпизод ровно 20 лет спустя. Я снова, уже в который раз, иду по так хорошо знакомым мне сейчас широким и зеленым улицам Рустави, мимо новых высоких зданий. Вхожу в помещение парткома азотнотукового завода. В приемной светловолосая девушка что-то сосредоточенно печатает на машинке.

— Здравствуйте! Монцелидзе у себя?

— Здравствуйте! Он вышел, но скоро будет!

Я решил ждать. Сел на один из стульев в этой тесной комнатке.

Каков теперь Тенгиз Монцелидзе? Поче-

му-то кажется, что он не должен был измениться. Ведь почти весь процесс его роста и мужания проходил у меня на глазах. Я помню его еще инструктором горкома партии, заведующим отделом, слушателем партийной школы, потом в период работы в прокатном цехе, и вот уже восемь лет он секретарь партийного комитета азотнотукового завода. В Рустави Тенгиз давно. Сперва работал на строительстве, потом в горкомхозе комсомола...

Недавно я позвонил ему и предупредил, что на завод собираются наши писатели; просил встретить их получше.

— К сожалению, меня не будет, — сказал тогда Монцелидзе. — Я уйду в отпуск на десять дней. Но вы не беспокойтесь, все будет в порядке.

Позже я узнал, что Тенгиз брал отпуск для сдачи экзаменов — он учится на заочном отделении политехнического института.

Но вот и он сам. Энергично жмется мне руку и говорит: — Извините меня. Но я спешу на бюро горкома. Вас оставляю на попечение Бориса Цикоридзе.

Борис — председатель заводского комитета.

— Хорошо бы вам повидаться с Вардосанидзе, — задумчиво произносит он, — Вардосанидзе на заводе со дня основания... Он здесь знает все как свои пять пальцев...

Я верю Борису. Лаврентия Вардосанидзе я тоже хорошо знаю. Он возглавляет производственно-технический отдел, является заместителем главного инженера. Меня познакомил с ним тогдашний директор завода Николоз Чипавили. Еще тогда он пошутил, обращаясь к Лаврентию:

— Познакомь его (т. е. меня) хорошенько с производством, может, наконец, что-нибудь да напишут о нас не только в газетах...

Лаврентий же в ту пору был начальником цеха. И мы с ним обошли действительно весь завод, он все подробно объяснил мне. Правда, после этого я так ничего и не написал о заводе, но зато приобрел в лице Вардосанидзе хорошего друга.

Как я узнал, трудовую жизнь он начал на железной дороге. Одновременно учился на рабфаке. Позже, после окончания института, много лет проработал на Новомосковском химкомбинате. В Рустави с 1948 года...

Я уже было настроился на встречу со старым другом, но оказалось, что его сейчас нет на месте.

Борис виновато улыбается и говорит:

— Не везет вам сегодня. Мери Гугуцидзе тоже нет... А она на заводе давно и в курсе всех дел тут. К тому же редкий человек...

Но и это для меня не новость — я знаком и с Мери. (Она руководит на заводе техникубой.)

— Да, — говорю я, — хорошо бы иметь такого проводника... Но что поделаешь, у каждого свои дела...

Тут в комнату входит незнакомый мужчина.

— Познакомьтесь, инженер Георгий Баев, заместитель Вардосанидзе.

— Он вам поможет, — обрадовался Борис.

— А у вас есть пропуск? — спросил меня Баев.

— Нет.

— Тогда подождите немного...

Вскоре Баев возвратился и протянул мне постоянный пропуск на завод.

Первый чичероне

Когда мы вошли на территорию завода, старший инженер производственно-технического отдела инженер Галина Игнатьева спросила меня:

— С чего начнем?

— Вам виднее, — как можно любезнее ответил я.

Но, видимо, мой ответ не понравился Галине, и она снова спросила:

— Все же, что вас больше интересует?

— Завод и некоторые сведения о производстве. Но если можно — коротко и понятно. Ведь мои познания в химии ограничиваются школьной программой — к тому же изрядно позабытой.

— Коротко — трудно. Но постараюсь. Только с условием: что не поймете, обязательно переспрашивайте... Так вот, завод наш работает с 1956 года...

Почему-то я усомнился в этой дате, но Игнатьева уверенно продолжает:

— Первую партию аммиачной селитры мы получили в марте, а натрия — в апреле. С тех пор наши минеральные удобрения обеспечивают колхозные поля не только Грузии, но и других братских республик.

Тут я не утерпел и сказал все же:

— В 1955 году именно ваш начальник показал мне цех, где аммиачная селитра сыпалась, как желтая кукурзная мука из желоба электромельницы.

Моя собеседница, невысокая худенькая черноволосая женщина (хотя в наш век химии трудно судить о природном цвете

волос), несмотря на свою русскую фамилию, больше похожа на грузинку.

— Возможно, — отвечает она. — Но это было еще опытное производство. Перерабатывающие цехи были возведены раньше, так как их монтаж сравнительно легок, но производство газа и аммиака тогда налажено не было. Чтоб ускорить освоение всего процесса, основные цехи пустили на привозном аммиаке. Именно эту первую продукцию мы и выдали 22 апреля, к 85-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

— Газ шел с металлургического завода: его очищали от серы и производили конвертизацию — добавляли пар и воздух, обогащенный кислородом. Из катализатора, где температура достигает 500°, а давление — 320 атмосфер, выходила азотно-водородная смесь. Полученный таким путем аммиак, затем перерабатывался в окись азота и аммиачную селитру. Теперь завод работает на природном газе.

Я слушаю Галину, смотрю на корпуса завода, сотни сложных установок и стараюсь представить себе, какие процессы происходят в них. Но удается это мне с трудом. А между тем гул и шипение свидетельствуют о том, что все эти аппараты, за технологическими процессами которых следят юноши и девушки, что-то записывающие в журналы, — действуют.

Игнатьева все продолжает рассказывать. Время от времени она спрашивает:

— Понятно?

Я поспешно соглашаюсь, ибо мне хочется поскорее попасть на производство капролактама. Ведь фактически новое здесь именно капролактама.

Мой второй чичероне

Не так давно Демна Шенгелая попросил меня показать ему производство капролактама. С ним собирался приехать в Рустави и Серго Квднашвили.

Я обещал повести их на завод, но потом подумал, что прежде необходимо самому побывать там и как следует познакомиться с производством. И поэтому спешил скорее добраться до производства капролактама.

Игнатьеву уже сменила Марине Мчедlishvili — мой второй чичероне — и немедленно приступила к своим обязанностям.

— Здесь окисляют аммиак. Окисел азота поглощает вода. Получается слабая азотная кислота, — слышу я непонятные мне слова.

«Сам черт не разберет, что здесь к чему», — мысленно бурчу я. Мне кажется, что во всем, что здесь происходит, невозможно разобраться, тем более не специалисту, что ничего не стоит запутаться в этом лабиринте башен и труб...

«В металлургии, — думаю я, — легче понять, что к чему...»

А Марине тем временем продолжает объяснять:

— Взаимодействием аммиака и азотной кислоты получается раствор аммониевой се-

литры. Потом производят его двухступенчатую перегонку. Эту смесь переводят в грануляционную башню, где она превращается в зерна. Это удобрение, которое увеличивает урожай чая вчетверо, мандарин — впятеро и т. д.

Кажется, я начинаю уже что-то понимать.

В это время нам навстречу идут двое.

— Холин, — представляется один.

— Давитая, — говорит другой.

И тут же Марине спрашивает у него:

— Никоша, есть в лифте кто-нибудь, чтоб поднять нас?

— Я пойду с вами, — коротко отвечает Давитая.

Лифт поднимает нас вверх.

Марине снова объясняет мне, какие процессы происходят тут, потом обращается к Давитая:

— Где сейчас находится гранулятор?

— Он пока не закончен... Ничего интересного не представляет. Да и вообще посторонним не разрешается его показывать, — отвечает Никоша.

Я же начинаю подозревать, что этот гранулятор действительно штука прелюбопытная.

— Я знаю. — откликается Марине. — Но это не посторонний, это наш писатель. К тому же он все равно ничего не поймет. — И она смотрит на меня, лукаво и задорно улыбаясь.

— Что ж, тогда пойдем.

Как я узнал, грануляция — один из главных процессов, от которого зависит качество готовой продукции. Но пока существующие грануляторы не давали должного эффекта. И вот инженер Борис Холин — аспирант Харьковского политехнического института — изобрел новый гранулятор, дающий прекрасные результаты. Решением Московского научно-проектного института этот гранулятор впервые осваивается именно здесь, в Рустави. Потом его будут внедрять в других местах Советского Союза.

Ясно, что это очень почетное и ответственное дело. И коллектив цеха так и понял это. Новый гранулятор был построен в Рустави по чертежам Холина, который сам руководил внедрением в производство своего проекта.

Возвращаясь, мы много говорили с Марине о рабочих. Она тепло отзывалась о них, но все чаще в разговоре возвращалась к Давитая.

— Родился в 1930 году, — сообщала она. — В средней школе учился в Потн. Двенадцать лет назад окончил индустриальный техникум в Тбилиси. С 1956 года работает здесь, механиком цеха. Развитой парень, любит литературу...

— Вы что, — не выдерживаю я, — знаете наизусть биографию Давитая?

— Да, конечно — улыбается Марине. — А как же иначе — ведь он мой муж...

Цехи химического завода — это красивые

каменные корпуса, но они похожи друг на друга, как цыплята из инкубатора. Ни где никаких надписей. Поэтому посторонний легко может здесь заблудиться. Возможно, поэтому и я слишком поздно понял, что мы направляемся к выходу, а, уразумев это, невольно воскликнул:

— А капролактам?

— Капролактам не в моей зоне. Туда вас завтра проводит кто-нибудь другой.

Что поделаешь, пришлось подчиниться...

Диспетчерская

Вот уже сколько времени почти ежедневно я сажусь в автобус на площади перед редакцией и еду на завод. Бывал там и утром, и в полдень, а порой и вечером. Надо будет еще прийти к ночной смене...

Химическое производство — непрерывный процесс, и если хочешь что-нибудь понять в нем, следует заглянуть буквально во все его уголки, проследить за ним на всех этапах. Вот я все хожу и хожу на завод.

Присутствовал я уже и на заседании парткома, и на собрании профсоюзно-производственного актива, и на еженедельных совещаниях у директора, вновь обошел множество цехов и участков.

— Впечатления?

Предоставляю вам судить о них самим.

Диспетчерская. Здесь осуществляется ежедневное руководство производством. Обо всех своих нуждах и делах цехи сообщают сюда. Смотря по тому, какие это претензии и события, диспетчерская принимает меры сама или сообщает о них дирекции.

Каждое утро, в половине девятого, здесь собираются начальники цехов, руководящие работники завода. Начинается совещание. Скоро на заводе будет селектор (он уже должен был быть), и тогда директор или главный инженер смогут с места проводить совещания с цехами. (Мне не раз приходилось слушать, как проводил такие совещания по селектору директор Руставского металлургического завода, ныне председатель Совнархоза республики Н. Гомелаури. Это лет 12—13 назад было одним из признаков культуры производства, серьезного отношения к делу, к своим обязанностям.)

Пока же люди приходят в диспетчерскую, знакомятся с результатами работы, сделанной за прошедшие сутки, и намечают задачи на следующие.

В диспетчерской несколько телефонов. Часто можно услышать такие распоряжения:

— Я, как диспетчер завода, запрещаю вам это...

— Подождите до прихода директора!

— Почему вовремя не сообщили сведения? Должны были до половины девятого, а сейчас скоро девять. Почему не соблюдаете правила?

Это говорит небольшая, стриженная под мальчишку девушка. Да, видать, наш диспетчер человек строгий, с характером.

Здесь всегда полно народа. Начальники цехов, отделов. Идет выяснение самых разнообразных вопросов. То, что не могут решить сами, оставляют до прихода директора Автандила Сагареишвили. Когда он приходит, высокий, широкоплечий, то сразу же усаживается за общий стол и включается в оеседу. Автандил Сагареишвили был призван в армию до войны, в партию вступил на фронте, в тяжелом 1942 году, уже после войны окончил институт и вот уже тринадцать лет в Рустави. Он поддерживает связь с Руставским химико-металлургическим техникумом, является постоянным председателем его государственной экзаменационной комиссии.

Совещание продолжается. У начальника цеха капролактама целый список вопросов, которые надо разрешить.

Ведь капролактамы — дело новое у нас в Союзе. Понятно поэтому, что руставским специалистам приходится встречаться на своем пути со многими препятствиями. То, что первая продукция уже получена, еще ничего не означает.

Перед рабочими, инженерами техниками ежедневно встают все новые и новые задачи. Поэтому какие только вопросы не разбираются на этих совещаниях!

Каждый понедельник к химикам приезжает заместитель начальника Метхимпрома Совнархоза Николай Авалиани; этот спокойный, опытный человек здесь же на месте принимает необходимые меры. Но бывают случаи, когда требуется вмешательство руководства республиканского или союзного масштаба.

Звонок из Будапешта

Зазвонил телефон. Маленькая Нино схватила трубку. Но ничего не поняв, передала ее бабушке.

— Говорите с Будапештом! — услышала та повелительный голос телефонистки. — На проводе ваш сын.

— Гурами! — воскликнула старушка.

...Венгерская Народная Республика строит новую жизнь, налаживает свою промышленность и новые отрасли сельского хозяйства. В этом социалистическом строительстве ей помогает Советский Союз, советские люди.

Сильно развита в Венгрии химическая промышленность, но венгры не довольствуются достигнутым, они продолжают развивать ее, создавая новые отрасли.

В 200 километрах к северо-востоку от Будапешта находится промышленный центр Мишкольц — самый крупный после столицы Венгрии промышленный район в республике. А в 19 километрах от Мишкольца расположен город Казинцбарцика.

Его химики проходили производственную практику в Лисичанске и Новомосковске. После их возвращения на родину монтажники начали возводить здесь новый цех — конверсионный. Закончить эту сложную работу они попросили помочь советских специалистов.

Производство конверсии метана совсем чужое дело и в Советском Союзе. Надаже оно в Лисичанске, Новомосковске и в других городах. Но раньше ни производств метана конверсионным способом освоили в Рустави. Поэтому именно руставским химикам было предложено послать своих специалистов в Венгрию.

Цех конверсии метана — один из основных на Руставском азотнотуковом заводе. Он выпускает азотводородную смесь для получения аммиака. В цехе стоят также два агрегата для получения капролактама и аммиака.

Этот цех — один из первых в Союзе. Он вступил в строй в феврале 1956 года на базе коксового газа металлургического завода. Но вот уже несколько лет цех работает на природном газе, что вдвое увеличило показатели производства.

Цех был запроектирован Московским государственным отраслевым научно-исследовательским и проектным институтом. И так как был первым в нашей стране, в ходе его сооружения вносилось много изменений. Изменения эти были предложены работниками цеха.

Осуществляя техническое руководство цехом, Гурам Каландадзе вникал во все, что в нем происходило, — сам проверял каждый механизм, руководил монтажом.

Однажды в цех зашел директор завода.

— Когда заканчиваете конвертор? — поинтересовался он.

— Дней через пять.

— Придется поторопиться, — сказал он Гураму, — предстоит поездка в Венгрию...

* * *

— Сколько дней вам нужно, чтоб отдохнуть и познакомиться с Будапештом? — спросили венгерские товарищи, когда Гурам сошел с поезда.

— Я не устал, — ответил он. — Осмотреть Будапешт успею и после. А завтра с утра попрошу отвезти меня на завод.

Венгры не смогли скрыть своего удивления и радости...

А Гурам считал, что сюда, в Венгрию, он приехал как представитель Советского Союза и поэтому во всем должен быть примером. Кроме того, он все равно не успокоится, пока не увидит цеха, не разберется во всем, что там происходит и что ему предстоит делать.

И вот уже машина мчит его по шоссе. Гурам смотрит в окно и вспоминает родные края. Много общего находит он в природе Венгрии и Грузии. Вот хотя бы эти кристалльные ридники, леса да поля; а мелькающие вдали деревни напоминают уголки Грузии, Имеретии, Картли.

Старинный город Эгер. Его храм чем-то похож на наш Светицховели.

И гостеприимны венгры так же, как и грузины...

А вот наконец и завод. Когда осмотрели цех, директор Шуте Ласло сказал:

— Вы для нас не только советчик. Вы здесь теперь — старший. Я вам во всем буду помогать. Но мы хотим пустить цех к 19 ноября... В этот день открывается Восьмой съезд нашей партии.

То же повторил главный инженер завода.

— Конечно, я постараюсь, — ответил Гурам, — но точно я смогу назвать срок окончания работ дня через три-четыре, когда основательно ознакомлюсь с положением дел.

Но многое ему пришлось начинать сначала, многое переделывать...

Вот уже и октябрь, приближается день пуска цеха. Все с волнением ждут его. И больше всех, кажется, Гурам. Еще бы, а вдруг что-нибудь не получится, не сработает какой-либо агрегат? И хотя все уже множество раз проверено и перепроверено, как говорят, чем черт не шутит?!

Всю ночь не спал Гурам накануне пуска.

Утром на заводе собрались его руководители, представители Министерства тяжелой промышленности республики, города. Все в приподнятом настроении. Наконец, команда:

— Включить!

Зашумели агрегаты. Как будто все в порядке. И ритм знакомый, и технологический режим.

Но что это за продукция?! Конверторный газ на газ не похож!

— Выключить! Проверить все заново!

И снова Гурам не покидает завода ни днем, ни ночью. Пересматривает, рассчитывает. Все точно, а результат — не тот. Тогда он вносит предложение: остановить цех, произвести демонтаж мешалки; все заново проверить, детально пересмотреть проекты.

Наконец причина найдена — ошибка в проекте и в заводском изготовлении мешалки.

Гурам с облегчением вздохнул...

21 ноября, на третий день работы съезда, было доложено: в строй вступил новый цех. Президиум съезда на главе с Яношем Кадаром поздравил строителей, монтажников, весь коллектив завода, в том числе советского специалиста, с успехом. И пожелал новых достижений в работе.

Сейчас Гурам снова в Рустави. Он — начальник цеха конверсии метана азототукового завода.

Да, много здесь хороших людей. И не просто хороших, а настоящих энтузиастов своего дела. Обо всех, конечно, не расскажешь сразу. Но я не могу удержаться, чтобы хоть не назвать еще некоторых. Это — старший аппаратчик Валентина Верстакова, бригадир слесарей Василий Рибасов, машинист Тенгиз Лазарашвили, начальники смены Цира Порчхидзе, Валентина Курипка, заместитель начальника цеха Изольда Нариманшвили и много, много других, хороших специалистов, славных советских людей.

Юноши и девушки на заводе — как на подбор. Трудно даже выделить передовых. Недаром один из начальников цеха шутит:

— Чтоб назвать передовых, я должен представить список всего цеха.

И все же о некоторых я коротко расскажу.

Вот Гугули Гвелесиани. Его отец воевал в Крыму, погиб на Волге. Мать вырастила троих детей. Гугули окончил школу в Дзидула, отслужил в армии и с тех пор работает в Рустави. Без отрыва от производства учится в химико-металлургическом техникуме, уже на 5-м курсе.

Цех, в котором он работает, носит звание коллектива коммунистического труда. Когда в стране началось это движение, именно здесь первыми откликнулись на него ударники коммунистического труда — аппаратчики Лили Ибрагимова и Фируз Нануашвили. Потом ударной стала вся смена — как раз смена Гугули Гвелесиани. А два года назад почетное звание коллектива коммунистического труда было присвоено всему цеху.

Как я уже говорил, здесь отличная молодежь, но ведь ее специально не подбирали. Каждый пришел своим путем, занял свое место, потом все стали помогать друг другу...

Сколько бессонных ночей провели начальник цеха Элгуджа Бахтадзе, его заместитель Георгий Майсурадзе, инженеры, техники, рабочие, чтоб освоить производство перманганата калия и пустить его по «определенному руслу». Но эти слова означают всего лишь условное понятие и вовсе не подразумевают довольства достигнутым, стабилизацию, попытку двигаться легчайшим путем.

Судите сами.

Перманганат калия — химическое соединение магния. На вид это мелкие черные кристаллы. Их характеризует сильная окисляемость. Еще Мичурин заметил, что они обладают антисептическим свойством, служат стимуляторами роста. Благодаря этим своим качествам названное соединение широко применяется в химическом и пищевом производстве, при добыче золота, в медицине, а также в разных других отраслях народного хозяйства.

Между тем производство этой ценнейшей продукции в Советском Союзе дело фактически новое. И внедряется оно в производство впервые химиками Рустави.

Элгуджа показывает мне диаграммы, отражающие фактическое положение дел в этой области.

Положим (думаю, важны в данном случае на абсолютные цифры), стране необходимо столько-то тонн перманганата, а существующие ресурсы не дают и половины. Небольшое количество его мы ввозим из Германской Демократической Республики. И все же показатели дефицита занимают большое место.

Перманганат калия у нас, в Советском Союзе, выпускают в Саки (близ Евпато-

рии) и здесь, в Рустави. Сакский химический комбинат — ровесник руставского. В Рустави пока существует только один цех, да и то — опытный. Кроме того, технология у них разная. В Саки — немецкая, в Рустави — отечественная, разработанная академиком Рафаэлом Агладзе.

В цехе (здесь все патриоты пружинской технологии) утверждают, что руставский перманганат самый дешевый и экономный. Приводят доказательства этого. Очень скоро рядом с цехом перманганата вырастет целое производство, которое будет намного больше существующего. И тогда вы сами сможете убедиться, как широко раскроет свои крылья грузинский перманганат, родина которого наш любимый Рустави.

А судить о том, кто — Агладзе, Пурцеладзе, Бахтадзе или многие другие — внесут большую лепту в это нужное дело — трудно. Это станет очевидным в недалеком будущем...

Среди других я упомянул фамилию Бахтадзе, и вот почему.

Еще не познакомившись с ним лично, я знал уже, что он успешно руководит цехом, носящим звание коллектива коммунистического труда, заочно учится в аспирантуре, его цех всегда перевыполняет план; вместе с товарищами по работе он награжден грамотой Выставки Достижений Народного Хозяйства; в прессе не раз появлялись статьи о перманганате калия, подписанные Р. Агладзе и Э. Бахтадзе; и еще многое другое...

А ведь Элрудже Бахтадзе нет еще и тридцати и у него всего шестилетний стаж работы. Он лишен напыщенности, очень прямолинеен и ничего не делает напоказ. С большой любовью и теплотой всегда говорит о своих товарищах по работе.

Капролактам

Не так далеко от грузинской границы, на реке Ташири в Армении есть село Каллинино. Здесь и окончил школу Василий Иванов. Потом учился в Ереванском политехническом институте. Шесть лет проработал в Донбассе на различных должностях, но больше начальником смены и заместителем начальника цеха.

Но все стремился на Кавказ, где жили родители. Вот и попал в Рустави, где живет с 1961 года.

Василий и здесь на командном посту, требующем от человека твердого, решительного, но в то же время спокойного характера, умения разбираться в самых различных ситуациях, глубоких знаний в своей области, высокой культуры и такта. Очевидно, все это есть у Иванова, иначе откуда тот почет и авторитет, которыми он здесь пользуется!

Когда Иванов пришел на завод, из земли торчал только фундамент некоторых его

корпусов, у других, правда, уже были возведены стены.

Строительство продвигалось вперед крайне медленно до тех пор, пока за него не взялся ЦК Компартии Грузии. В гостях у химиков часто можно было встретить В. Мжаванадзе, Г. Чоговадзе, Н. Гомелаури, А. Лабахуа, Ш. Безарашвили, И. Кекелидзе, секретарей Руставского горкома партии — Т. Менгешавили, Р. Джанаридзе, О. Цверави.

Первый капролактам пошел 22 октября 1963 года. Через месяц была получена продукция, удовлетворяющая всем требованиям. Но это не означало, что теперь все кончено. Напротив — именно сейчас многое только начиналось.

Производство капролактама дело очень сложное, притом — новое. Еще в процессе строительства многое приходилось переделывать, вводить новшества. Поэтому никто не ожидал чуда в первые месяцы и даже не мечтал о выполнении плана. Все хорошо знали, что между мечтой и ее осуществлением — огромная дистанция.

К тому же в первые месяцы пуска из-за различных переделок цех не раз бездействовал.

Чья же это вина? Строителей?

Нет, их трудно обвинить в чем-либо. Просто новое всегда рождается мучительно, трудно. В проектах, планах все видится ясным, понятным. В ходе же их превращения в жизнь начинают возникать необходимые поправки, коррективы. А уж на практике порою становится очевидным, что и они — ошибочны... Так все и тянется, пока не будет найдено окончательное решение. Но для этого необходим опыт, он не дается сразу, на его приобретение нужно время...

А в цехе работает исключительно молодежь. Его коллектив был укомплектован, в основном, уже после пуска производства. Средний возраст рабочих здесь — 22-23 года.

И вы думаете, так только в цехе капролактама? Здесь везде, во всех цехах, трудится молодежь.

Но начальник цеха Иванов, несмотря на то, что скуп на похвалы, доволен ею. Он признает, что не имеет к рабочим претензий. В его устах это говорит о многом... Подтверждением его слов служит множество названных им передовиков. Их столько, что хоть целую книгу пиши. Я же назову пока некоторых из них и, думаю, другие на это не обидятся.

Если вы не знаете Джемала Лория, обязательно познакомьтесь с ним. Он — старший и к тому же лучший аппаратчик, радионализатор, иногда работает и мастером.

Учится Джемал в техникуме.

А вот и другие его товарищи: аппаратчики Нелли Ткач, Мурман Схвигоридзе, Робинзон Шошиашвили, мастера Демна Караулашвили, Гиви Хачидзе, начальник

смены Георгий Николайшвили, Арчил Швангирадзе...

Да, и еще: заместитель начальника Владимир Шавшердия, механик Джумбер Гогоберидзе, начальник участка Вартан Галустов...

Так можно перечислять без конца...

В создании капролактама, этой ценнейшей продукции, принимают участие очень многие. Взгляните только на его состав: аммиак, циклогексакон, аммиачная вода, гидроксиламинисульфат, химически очищенная вода, каустическая сода, сера и т. д.

Капролактан — сложное слово. Оно состоит из названий — капрон — т. е. своеобразное искусственное волокно, и лактам — обозначающее органическое соединение, внутримолекулярный ангидрид.

Лак — латинское слово; оно значит молоко. Лактация — выделение молока... Отсюда и лактам — т. е. соль молочной кислоты.

Теперь подытожим: капролактан означает органическое соединение, полученное из молокообразного вещества.

Кому интересно посмотреть на капролактаном, может пойти на, правда еще не достроенный, соседний Руставский завод синтетического волокна, где директором Георгий Барамидзе, а главным инженером Александр Шатиришвили (до этого оба работали на азотнотуковом).

Тут же следует отметить, что подобное кооперирование, когда рядом с капролактаном находится завод, перерабатывающий его, в Советском Союзе осуществляется впервые, и это, несомненно, принесет большую пользу, ибо капролактан не придется транспортировать на далекие расстояния; облегчится также и технологический процесс. Да и многие другие выгоды будут найдены.

Завод синтетического волокна вступит в строй в этом году, но для того, чтобы его будущие кадры своевременно освоили новое дело, создано опытное производство, на котором, так сказать, в миниатюре протекает процесс, который в дальнейшем будет иметь место на заводе.

Так вот, в химическом цехе опытного производства капролактан плавится, полимеризуется, промывается, сушится. Затем этот полимер вновь переплавляют, из него делают нити, скручивают их, промывают, высушивают, наматывают на катушки... Теперь из этой пряжи можно вязать все, что угодно — носки, платя, костюмы, пальто...

И это еще далеко не все!

Совсем недавно я узнал, что из капролактама получают еще одну новую продукцию — корд. Это — крученая нить, вернее, шнурок. Добывается он из искусственного

волокна и используется в резиновой промышленности, например, для изготовления покрышек (пусть радуется автолюбитель!) и других предметов. А из отходов капролактама получают сульфат аммония.

Но все сказанное выше — только капля в море из того полезного и нужного, что можно извлечь из капролактама...

Писать о химиках Рустави можно бесконечно, — ведь трудно, почти невозможно охватить все, перечислить всех, кто своим доблестным трудом приумножает славу нашей республике. А сколько среди них таких, кто по тем или иным причинам, а то и вовсе без них, остаются безвестными, хотя делают свое дело с истинной любовью.

Я не смог написать о многих, не упомянул, например, об Анзоре Абаидзе — делегате XXII съезда партии, Гургаме Тавдумадзе, Георгии Гоголадзе, Григоле Буачидзе, Юрии Мжаванадзе.

Ничего не сказал я о производстве аммиака, об электриках. Но трудно, повторяю, очень трудно, коснуться всего в одном очерке о Рустави. За рамками его остались социалистическое соревнование руставцев с химиками Сумгаита, Лисицанска и Кировакана.

Невольно обошел молчанием я и работу партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, их дела... А впрочем, фактически я рассказал уже и об этом; ведь там, где столько хороших людей, известных мастеров своего дела, такие успехи и достижения, надо полагать, что эти организации работают отлично.

...Я поднимаюсь на грануляционную башню (это на высоте 15-этажного дома). Отсюда все вокруг далеко и хорошо видно. И ТЭЦ, и мартены. Пар, дым, газ, облака — все перемешалось в небе над Рустави.

А в отдалении — Тбилисская ГРЭС, чуть ближе — цементный завод. Потом — подъемные краны, леса, трубы, жилые кварталы, новые улицы, зеленые массивы.

И снова предпринятия: металлургическое, азотнотуковое, цементное, синтетического волокна, строительное, механическое, сталелитейное, текстильное...

Даже дух захватывает, сколько всего прошло перед мной с высоты этой башни!

А еще больше видится мне мысленно. И прежде всего, будущее моего города, его счастливое завтра. Об этом же тихо шепчет мне Кура, протекающая через Рустави и соединяющая его с древней и вечно юной столицей нашей республики. Я слышу, эта река рассказывает мне о новых заводах и фабриках, о новых улицах. И о новых героях — героях наших дней!

Рустави, 1964 год

Героическая эпопея

Широкую картину государственного, экономического и культурного подъема древней Грузии нарисовал выдающийся грузинский писатель Константин Гамсахурдиа в тетралогии «Давид Строитель». Эта книга представляет собой наиболее масштабное произведение грузинской исторической романистики, она выделяется не только широтой и масштабностью художественного отображения исторической действительности, но и верностью в передаче эпохи, особенностей ее духовной и материальной культуры, ее движущих сил, глубинных процессов и тенденций, определяющих ее развитие. Появлению тетралогии предшествовал неустанный творческий труд писателя на протяжении четверти века. С первыми двумя книгами этой патриотической тетралогии читатели познакомились в годы Великой Отечественной войны. Они нашли живой отклик в сердцах советских людей, поднявшихся на героическую борьбу в защиту свободы и независимости нашей Родины от кровавых фашистских орд.

Главный герой эпопеи — Давид Строитель — величайший государственный деятель во всей многовековой истории Грузии. Он стоял во главе той истинно титанической борьбы, которую вел на рубеже XI и XII веков грузинский народ за освобождение своей страны от иноземных поработителей, за ее объединение и укрепление, за возрождение и экономическое упрочение ее положения, за развитие всех отраслей национальной культуры.

16-летним юношей взшел Давид на престол. Грузинское царство находилось тогда в чрезвычайно тяжелом положении. Большая часть страны, включая ее столицу Тбилиси, была под пятой турецких захватчиков. Их полчища совершали постоянные набеги на Грузию, разоряли и грабили население. Запуганное их кровавым разбоем, крестьянство вынуждено было искать спасение в горах и лесах. Как повествует летописец, «вся Картали предана была огню и мечу... Кро-

ме как в крепостях, нигде не встретишь хотя бы одного человека, не увидишь в деревнях не разрушенного строения. Страна обессилена оброком и данью, наложенными султаном турков-сельджуков».

Тяжелым положением государства пользовались в своих интересах крупные феодалы, могуществом и влиятельностью соперничавшие с царем. Они всеми средствами старались добиться права неограниченного господства в своих владениях и с этой целью не останавливались перед прямым предательством интересов родной страны и установлением непосредственного контакта с иноплемennыми захватчиками. Ко времени воцарения Давида Строителя Кахетинско-Эретское княжество было полностью отделено от Грузии и считалось независимым и самостоятельным царством. Больше того: его владельцы Агсартан и Квирике вели ожесточенную борьбу с грузинским царем. Опираясь на подстрекательство и поддержку турецко-сельджукских агрессоров, независимую государственную единицу представляло собой и Триалетско-Клдекарское эриванство, владельцы которого Вагуан-Орбелиан: враждовали и соперничали с династией Багратиони и не только не подчинялись им, но даже мечтали о захвате грузинского царского престола.

Внутренние неурядицы, взаимная вражда и зависть иссушали жизненные силы народа, разрушали и обессиливали страну. Все это уничтожало всякую возможность мирного труда, подрывало основы экономического развития страны, исключало созидательное и культурное творчество. К этому присовокупился и разрушительный разгул стихийных сил. Как раз в год восшествия на престол Давида Грузия претерпела землетрясение сокрушительной силы, которое повергло в прах множество крепостей и замков, унесло бесчисленное количество человеческих жизней и причинило населению огромный ущерб.

Таково было положение Грузинского царства в тот период, когда доведенный до отчаяния горестями и несчастьями, обрушившимися на страну, слабый и бездеятельный царь Георгий Вто-

Продолжаем публикацию статей о творчестве лауреатов премии имени Шота Руставели.

рой собственными руками возложил царственный венец на своего единственного отпрыска и престолонаследника — шестнадцатилетнего Давида.

Предводительствовал и правил своим царством Давид Строитель в течение 36 лет. За это время он сплотил вокруг себя и объединил всю Грузию, железной рукой пресек все попытки крупных феодалов к самостоятельности и разрозненности и подчинил их единой власти. Благодаря своему исключительному стратегическому дарованию, воинскому искусству и боевой отваге он сумел постепенно отвоевать у иноплеменных поработителей захваченные ими грузинские земли. Сначала Давид прекратил выплату дани сельджукскому султану и амирам, потом окончательно изгнал их с территории Грузии и освободил Тбилиси, которым в течение четырехсот лет владели турецко-сельджукские амиры. Таким образом он вернул стране ее столицу и «положил ее своим детям хранилищем оружия и себе домом навеки веков».

Давид Строитель выковал боевое могущество своей родины, создал многочисленное, отлично обученное и превосходно вооруженное регулярное войско, которого как огня боялись и предатели-феодалы, и чужеземные агрессоры. Для комплектования этого войска Давид привез 40 000 половцев и всадников, которых вместе с семьями, поселил в Грузии, обратил в христианскую веру, постепенно сблизил и породнил с местным населением и тем самым сильно помог укреплению и увеличению народонаселения страны, измученной длительными кровопролитными войнами. Дальновидный политик и государственный деятель, Давид внимательно наблюдал за ходом и развитием международных отношений, политической жизнью мира, и умело пользовался каждой возможностью для упрочения независимости и укрепления своего государства.

Смелые, радикальные реформы осуществил Давид Строитель в церковном и светском правлении. Он провел на известном Руисско-Урбинском церковном соборе постановление, согласно которому назначение на руководящие церковные должности следовало производить исключительно исходя из личных достоинств и заслуг, и тем самым ограничил силу и власть невежественных и безнравственных «духовных отцов», возвеличившихся лишь благодаря своему «благородному» происхождению. Так же решительно реформировал он и практику назначения на высокие государственные и военные должности, открыв и здесь широкую дорогу человеческим достоинствам, умственным и нравственным качествам, личным заслугам назначаемых.

Давид Строитель был одним из просвещеннейших монархов во всем средне-

вековом мире. Свою разностороннюю государственную и военную деятельность он сочетал с непрерывной и постоянной умственной работой. Летописцы сообщают, что даже во время охоты и военных походов он возил с собой свою богатейшую библиотеку, много читал, внимательно следил за всеми культурными достижениями своего времени и создал в своем государстве условия для широкого развития творческой мысли во всех областях духовной жизни — философии, науке, литературе, искусстве.

Гелатский монастырь со своей уникальной архитектурой и художественной росписью, возведенный по его указанию академия, основанная при этом монастыре, — только этого уже достаточно, чтобы понять, каких высот достигал в тот период Грузия во всех областях культурного строительства. О широте духовных горизонтов Давида свидетельствует тот факт, что он не только не изгнал из своего царства и не преследовал приверженцев магометанской религии, а даже сам присутствовал на мусульманских богослужениях и покровительствовал их суфиям и поэтам, так же, как и деятелям грузинской культуры. Один из выдающихся гуманистов своего времени, он постоянно неся о благосостоянии народа. «Царь сирых и убогих», он без усталости заботился о строительстве дорог и мостов, больниц и богаделен для больных и увечных, почему и заслужил имя царя — Строителя. Грузинские и иностранные истории с равным воодушевлением повествуют о его бессмертных деяниях. В памяти грузинского народа, в грузинской литературе и народном творчестве Давид Строитель живет как воплощение самоотверженной борьбы за целостность и единство родины, героизма и мужества, высокого интеллекта и благороднейших душевных качеств. Виднейший грузинский историк нашего времени Иван Дикавахишвили в своей «Истории грузинского народа» заканчивает повествование о жизни и деятельности этого великого государственного деятеля и военачальника такими словами: «Грузинский народ и история обессмертили достойное поклонения имя великого царя Давида, объединителя и строителя Грузии, творца ее политического и экономического могущества, борца за социальную справедливость. Народ Грузии сохраняет вечную память о Давиде Строителе в глубине своего сердца и славит его как создателя единства и могущества всей Грузии».

Начиная с известных творений поэтов-одоисцев XII века, в многочисленных ярких произведениях самых различных жанров выражала грузинская литература чувства глубокой благодарности, любви и уважения народа к этому величайшему герою своей национальной истории. Но ни в одном из них не находила столь

широкого и многостороннего отображения, глубокого осмысления, живого и впечатляющего воплощения эта «значительнейшая эпоха» истории грузинского народа, и в частности — величественная эпопея сражений и трудов Давида Строителя, как в тетралогии Константина Гамсахурдиа.

«Замечательный образ Давида Строителя привлекал меня на всем протяжении моей жизни, — пишет К. Гамсахурдиа в послесловии к первой книге грузинского издания тетралогии. — Помню те счастливые дни отрочества моего, когда моя любимая мама, первый человек, который внушил мне понятия блага и добродетели, водила меня, босоногого мальчика, в Гелати. С восторгом глядявался я в большие голубые глаза Давида, в его чуть поредевшую у подбородка бороду, смотрел на украшенную алмазами корону, красные кесарские сапожки, с волнением разглядывал его величественную фигуру, изображенную на фреске. Потом, вычитав в «Житии Грузии», что Давид Строитель давно уже умер, я безутешно плакал, и это был первый случай в моей жизни, когда написанное в книге исторгло слезы из глаз моих».

Как видно, эти глубокие переживания и незабываемые впечатления детских лет дали толчок вдохновению, которое долгие годы хранилось и вынашивалось в душе писателя и которое породило тетралогии «Давид Строитель». Это произведение — замечательное художественное полотно, большая патриотическая эпопея, проникнутая чувством законной национальной гордости, духом героизма и мужества, светлыми гуманистическими идеалами.

Необычайно широка географическая сфера действия романа. Исторические события, жизнь героев и история их взаимоотношений, о которых повествуется в романе, протекают в различных уголках Грузии, в Византии, в Палестине, в необозримой империи сельджуков или во владениях половцев. Да и невозможно было писателю, взявшемуся отобразить эпопею жизни и деятельности Давида Строителя, ограничиться исключительно рамками национальной истории Грузии. Невозможно было представить и осмыслить жизнь тогдашней Грузии и грузинского народа изолированной, оторванной от кардинальных всемирных процессов эпохи. Если на жизнь Грузии в те времена, на ее исторические судьбы оказывали непосредственное влияние соседние государства, обстановка, возникавшие в странах, дружественно или враждебно относившихся к Грузии, то, со своей стороны, большая и могущественная феодальная монархия, созданная Давидом, простирающаяся от Никопсии до Дербента, тоже играла немалую роль в политической жизни христианского

Востока, Передней Азии, а следовательно — и в политической жизни всего тогдашнего мира.

В специальной литературе установлено и окончательно доказано, что героическая борьба грузинского народа, возглавляемого Давидом Строителем, спасла народы Кавказа от насильственного обращения в мусульманство и физического уничтожения, что тогдашняя могущественная Грузия была главным форпостом христианства и непреодолимым барьером в Передней Азии и, следовательно, объективно играла чрезвычайно важную роль в той решающей битве между христианством и магометанством, которая была одним из решающих, определяющих моментов мировой истории средних веков. Именно поэтому вполне оправдано, что жизнь Грузии в романе изображена в аспекте международных отношений того времени, в связи с теми великими историческими конфликтами, которые сотрясали и волновали тогдашний мир и оказывали определяющее воздействие на положение Грузии.

Писатель рассказывает об истории крестовых походов, движения, важнейшего для мировой истории средних веков, о различных этапах его развития, рисует три главные державы, непосредственно связанные с Грузией: Византию, империю сельджуков и страну половцев-кипчаков, повествует об обстановке в этих странах, о быте их народов, о перипетиях их политической жизни. Перед глазами читателя проходят многочисленные картины: смерть великого султана турков-сельджуков Малик-шаха, восстание против византийского кесаря и его подавление, государственный строй кипчаков, характерные особенности их военных и бытовых обычаев. Описание многочисленных исторических событий органически вводит в роман большое количество персонажей разных национальностей, разных характеров и обычаев. Мало можно назвать художественных произведений, в которых действие происходило бы на столь широком географическом пространстве, произведений, в которых взаимодействовало бы такое множество различных по своим национальным, социальным и классовым признакам людей.

Если, с одной стороны, такое обилие и многообразие исторического материала, столь широкий горизонт и масштабность охвата действительности, обширное поле разрываемого действия составляют большое достоинство этого произведения, то с другой — благодаря всему этому возникают и значительные трудности для писателя, серьезно усложняется его творческая задача. Автору понадобилось приложить много усилий для изучения столь обширного исторического

материала, который заключен в рамках повествования, тем более, что многие исторические события, о которых повествуется в этом романе, не были соответствующим образом изучены и освещены до того даже в специальной литературе. Естественно, что писателю пришлось провести большую историко-исследовательскую работу, изучить множество первоисточников, существующих на различных языках, осмыслить и обобщить их. Но еще большую трудность, можно сказать, трудность почти непреодолимую, составляла задача художественного воплощения всего этого материала, воссоздания большого количества исторических личностей, связанных с описываемыми событиями, в художественно полнокровных человеческих характерах. Писатель явно сознавал всю сложность и трудность своих творческих предначертаний. В «репликах от автора» К. Гамсахурдиа писал по этому поводу:

«Ни один писатель, если только он относится к своему делу с должным чувством ответственности, не может с легкостью пересекать границы своей страны, или же лепить и изображать характеры, находящиеся вне его национального темперамента. Не думаю, что Стендаль мог бы с тем же успехом воссоздать Джалаледина или Тамерлана, как это ему удалось в том случае, когда он имел дело с темпераментом Наполеона. И Данте вряд ли сумел бы нарисовать Джейхун или Евфрат с такой же живостью, с какой показал он нам Рону и Тибр... Сложнейшей задачей для меня было создание как образов византийцев и крестоносцев, так и картин быта исламского мира и, тем более, жизни половцев, картин, пусть даже и фрагментарных. Особенно потому, что об этих последних сохранились весьма скудные сведения — мне удалось распознать обрывки таких сведений лишь после многолетних разысканий».

Именно поэтому многочисленный «зарубежный», внегрузинский материал порою представлен в романе скорее в виде исторических хроник, перечисления событий, чем в виде художественных картин и описаний. При повествовании о крестовых походах, о борьбе престолонаследников Малик-шаха за власть, о народных восстаниях в Византийской империи появляется множество исторических лиц. Ясно, что весьма трудно было изобразить каждого из них как типический человеческий образ, как живой человеческий характер. Большинство из них всего только упомянуто, «присутствует» в романе, а не художественно воплощено в нем.

Зато писатель демонстрирует большую силу живописного изображения и талант в художественном воскрешении собственно грузинской исторической дей-

тельности, в изображении происходивших в грузинском царстве битв и строев, жизни и быта народа, грузинской природы, в воплощении тех исторических личностей или тех созданных фантазией художника типических образов людей, которые составляли непосредственное окружение Давида Строителя или в том или ином виде, как соратники или противники, были связаны с большими военными и строительными свершениями, проводившимися в Грузии под руководством царя Давида. Именно в этой сфере во всей своей мощи и привлекательности обнаруживается исключительный талант писателя, умеющего создавать пластические, яркие пейзажи, жанровые картины, батальные сцены, эпизоды бытовых и личных взаимоотношений людей то с живописной красочностью, то со скульптурной точностью и выразительностью, талант изображения живых человеческих образов во плоти и крови, таких образов, в мыслях и чувствах, словах и делах которых находят воплощение те или иные тенденции эпохи, интересы и устремления тех или иных социальных слоев.

В центре всей этой сложной и многосторонней сюжетной композиции находится монументальный образ Давида Строителя, который как бы собирает вокруг себя, приводит в движение и направляет все бесчисленное количество исторических событий и человеческих образов, обрисованных в романе. Развитие его характера, история его личных связей представляет собой тот фокус, в котором сходятся и объединяются все фабульные ситуации и сюжетные мотивы романа и в соотношении с которым соизмеряются и оцениваются роль и значительность всех исторических явлений и всех исторических деятелей.

Тетралогия начинается с описания первого боевого похода юного царевича — 15-летнего Давида, его первой героической и отважной попытки оказать сопротивление турецким захватчикам, его первой военной кампании, и заканчивается «последней битвой» испытанного и закаленного во множестве сражений, всемирно прославленного царя, повелителя могущественной и объединенной благодаря его неустанным стараниям, раскинувшейся от Никонсии до Дербента, могучей Грузии, «битвой», в которой всемогущая и всеокрушающая смерть оказывается победительницей в единоборстве с непобедимым Давидом.

Уже с первого появления главного героя на страницах романа писатель несколькими штрихами, но живо и впечатляюще рисует определяющие качества его благородного характера. Юный царевич впервые отправляется в поход, чтобы прийти на помощь своему отцу Георгию Второму, который воевал с ца-

рем Кахетии Агсартаном, переметнувшимся на сторону турецких агрессоров.

«На рассвете затрубили рога. Зазвучали медные кимвалы, заржали лошади. Собачий лай примешался к разноголосному шуму лагеря.

Георгий Чкондидели втихомолку наблюдал за царевичем: не волнуется ли перед походом? Но лицо царевича было спокойным, и поступки его не выдавали волнения.

Царевич отказался от золоченого панциря Баграта Куропалата и надел простые серые, багратовы же, оплечья, бахтерец, наручи и поножи.

Оружичий подал ему меч, который не раз вдымали против сельджуков отец царевича Георгий II и дед его Баграт IV.

Благословив царевича, Чкондидели пропоясал его дедовским мечом».

Здесь уже начинает вырисовываться обладатель «бесстрашного и непоколебимого сердца» Давид Строитель, который в наследии, полученном от своих предков, ценит прежде всего их героические боевые традиции, а не жалованные византийскими кесарями титулы и сопутствующие этим титулам внешние блестящие регалии.

Во время своего первого похода Давид лицом к лицу сталкивается с турецкими полчищами, разбойничаящими по Грузии во главе с Мухаммедом Долгвязым, которого подкунил свергнутый кахетинский царь Агсарган. И первое же боевое крещение молодого царевича, правда, описанное скухими, лаконичными изобразительными средствами, но предельно ярко характеризует его рыцарскую природу, полководческое искусство, героический характер.

«Махара, присев на корточки, держал в руке зажженный факел, царевич читал стихи псалма:

«...Господи, неверные восстали на меня, и сонмища сильные искали погибели души моей...»

В этот миг послышался снаружи топот копыт, звон оружия и доспехов, крики стражей.

Царевич вскочил с ложа, надел шлем, схватил одной рукой меч, в другой так и остался псалтырь. В шатре появилось трое сельджуков. Длиннобородый великан, с черным кинжалом у пояса, шел впереди.

Махара узнал Мухаммеда Долгвязого и швырнул ему в лицо горящий факел. Великан успел отклониться в сторону, замахнулся мечом на царевича, но задержанный подпорным столбом шатра, клинок лишь рассыпал искры по шлему Давида.

Тогда взмахнул мечом царевич, и покатила по земле обвитая чалмой голова.

Двое остальных обратились в бегство. Их встретили снаружи люди Ниании;

одного поразил мечом сам Бакуриани, другого пронзило чье-то копьё.

Царевич не пожелал сесть на кинжал подведенного ему Нианией.

— Лучше биться пеншии против конных, — сказал он, — чтобы легче было отлчить врагов от друзей».

Таков был первый шаг молодого военачальника на боевом поприще, на котором он в результате многочисленных победоносно завершившихся войн и сражений заслужил имя легендарного героя и непобедимого полководца, обретя для своей страны могущество и славу. Поднявшийся против Мухаммеда Аттавиля, который коварно и неожиданно напал на него, Давид держал в одной руке меч, а в другой — псалтырь. Эта картина выражает единство, цельность физического и духовного могущества Давида Строителя, нераздельность силы десницы и разума, что отличало его среди всех монархов в тогдашнем мире. В этом начальном боевом эпизоде рядом с Давидом мы видим Георгия Чкондидели, Махару, Нианна Бакуриани, которые в дальнейшем занимают видное место в ряду основных героев романа и принимают активное участие в описываемых событиях. Каждый из них представлен в произведении как законченный человеческий образ со сложной биографией и ярко выраженным индивидуальным характером.

Георгий Чкондидели — воспитатель Давида, спасалар грузинского войска, первый царский vizирь, большой ученый и книжник. Это самоотверженный в служении родине, посевший в непрерывных трудах и битвах старец, предстаег перед нами живым воплощением беззаветного патриотизма и мудрости. Он с непоколебимой верностью и любовью стоит рядом со своим воспитанником и с неиссякаемой энергией поддерживает его в осуществлении всех его великих замыслов и планов. Совершенно иным выведен образ Махары. Он — незаконный отпрыск Баграта Куропалата. С целью исключить из числа претендентов на трон отца, его в детстве отправили в Константинополь, где он воспитывался при дворе византийского кесаря. Он участвовал во многих походах, завоевал себе почет и славу, но неустойчивый характер и моральная распущенность его вызвали гнев византийского императора. И в конце концов, осконленный за неисправимую безнравственность и большой, возвращается он в Грузию.

Во дворце Георгия Второго он как царский брат, хотя и не пользующийся всеми правами, имел все же определенные привилегии и влияние. Благодаря своему остроумию, прямоте, красноречию он завоевал любовь среди преданных сторонников царя, а у феодалов — изменников и отщепенцев — заслужил ненависть и вражду. Этот старик с изуродованной внешностью и неуживчивым

характером, но беззаветно преданный интересам государства, с восхищением наблюдал за восходящей звездой грузинского героя. А сам Давид относился к нему с доверием и любовью.

Нианиа Бакуриани — один из ближайших соратников и любимейших друзей царевича. Наделенный ясным умом, рыцарской отвагой, веселым характером, жизнелюбием, самоотверженной преданностью родине, Нианиа Бакуриани вместе с Шергилом Липартиани и Джоңдо Эристави представляет в романе то молодое поколение государственных и военных деятелей, на которое опирался Давид Строитель в своих политических и боевых планах. Эти персонажи, выведенные уже в первых, экспозиционных главах романа, демонстрируют редкий талант и умение писателя создавать живые человеческие образы со своеобразными и неповторимыми характерами. Ни одно из основных действующих лиц романа не напоминает и не повторяет другое. Даже когда два или несколько персонажей романа представляют аналогичные социальные типы и выполняют адекватные идейно-эстетические функции, писателю удается найти для каждого из них отличительные детали внешнего и духовного портрета и этим путем вдохнуть в них жизнь. Следует отметить, что живого и яркого живописания индивидуализированных человеческих образов писатель достигает не специальной обрисовкой внешности персонажей, подробной характеристикой их духовного мира или подчеркиванием и обыгрыванием своеобразия их языка. Главные герои «Давида Строителя» проявляют свою человеческую характерность прежде всего в действии, активно участвуя в развитии сюжета. Каждый из них по-своему, оригинально включен в острые общественные или личные и бытовые конфликты, нашедшие отражение в романе, и в зависимости от того, как проявляют они себя, как взаимодействуют с другими персонажами романа, у них создается представление о всех качествах и особенностях их духовного мира. Подобный способ обрисовки человеческих образов представляет собой одну из характернейших особенностей художественного стиля Константина Гамсахурдиа, одно из главных и бесспорных достоинств его поэтики.

По совету Георгия Чкондидели царевич ведет свое войско к Вежинской крепости, оплоту кахетинского царя Агсаргана и его союзников-сельджуков, через Триалетское эриставство. Это тот сюжетный ход, при помощи которого писатель сразу вводит нас в атмосферу жестоких сражений, проводимых Давидом Строителем за объединение Грузии и составляющих основное содержание первых лет государственной деятельности Давида. Триалетские эриставы Багуаш-

Орбелиани уже давно — то открыто, то тайно — враждовали с грузинскими царями. Поэтому сам факт прохождения отрядов молодого царевича через Триалетское эриставство должен был явиться своего рода предупреждением для коварного и двуличного Липарита Орбелиани. Кроме того, сердце Давида влекло его от Триалети к Клддарской крепости еще и потому, что там он надеялся встретить раннюю любовь своих юношеских лет — дочь Липарита — прекрасную Дедисимеди.

История любви Давида и Дедисимеди является одним из главных сюжетных мотивов тетралогии, который сопутствует развитию романа на всем протяжении от начала до конца и органически вплетается в многосложную сюжетную композицию, отражающую в данном произведении государственные, религиозные и социальные конфликты эпохального значения.

При создании и разработке этого сюжетного мотива проявилось своеобразие концепции Константина Гамсахурдиа, его точка зрения на взаимосвязь реальных фактов и фантазии писателя в историческом романе, которая вызвала в свое время оживленную полемику в грузинской литературной критике. В грузинских летописях, и вообще в исторических источниках ничего не говорится о любви Давида и дочери Липарита Орбелиани — Дедисимеди и о его намерении жениться на ней, ставшем, якобы, причиной его расставания со своей первой женой — армянкой Русудан. Не подтверждено исторически и то, что до женитьбы Давида на дочери половецкого предводителя Атрами Шараганисдзе — Гурандухи, у него была жена Русудан, с которой он разошелся. Но упоминание об этом содержится в сочинении одного армянского историка — Матэ Урахеласа. Кроме того, сам Давид Строитель в «Песнях сожаления» исповедуется в каком-то проступке юности, признается в каком-то прегрешении, связанном с областью бракосочетания и супружеских отношений. Царь так сожалел об этой своей ошибке, что в завещании, оставленном послушникам одного из монастырей, просил их молиться о том, чтобы господь простил «Давиду прегрешения его молодости и искушения». И вот, основываясь на крупинках этих двух исторических свидетельств, писатель взрастил сложную, преисполненную глубокого драматизма историю любовных взаимоотношений Давида и Дедисимеди. Согласно версии романа, Давид, в годы ранней молодости безумно влюбленным в Дедисимеди, заставляет по какому-то государственному соображению взять в жены Русудан, которая была некрасива, да и старше него. Этот подневольный брак не смог подавить в душе юноши чистое и пылкое чувство любви к прекрас-

ной дочери эристава. И вот посещение Клекарской крепости с новой силой пробуждает в нем эту неугасимую страсть.

Все описание пребывания Давида и его свиты в Клекарской крепости красноречиво доказывает, что эриставство Багуаш-Орбелиани по богатству и могуществу действительно соперничало с царской династией Багратиони. Убранство и украшения замка и дворца Липарита ничем не уступали, а кое в чем даже и превосходили владения царей Грузии. Иниани Бакуриани, бывавший гостем и участником величественных пиров и празднеств во дворце византийского кесаря, удивлен и поражен великолепием гостевого зала эристава Липарита. Даже во дворце Хоротриелона и Буколеона не приходилось ему видеть такой драгоценной посуды, которая стояла на столе, подготовленном эриставом Липаритом для приема Давида и его приближенных. Все описание пребывания царевича со свитой в Клекарской крепости предстает не только привлекающей, колоритной и живописной картиной, имеющей самодовлеющее значение, а вещным, предметным выражением того соотношения сил, которое существовало в годы, предшествовавшие восшествию Давида на престол, между грузинскими царями и некоторыми крупными феодалами. Наличие определенной авторской мысли, исторического содержания в описании пейзажей, убранства замков и дворцов или жанровых, бытовых картин — характерно для высокого искусства художественного письма, примеры которого столь обильно представлены в «Давиде Строителе».

Последующие встречи с Дедисимеди еще более укрепили и углубили чувство Давида к дочери эристава. Уже взойдя на царский престол, Давид твердо решает разойтись с царицей Русудан и взять в жены прекрасную Дедисимеди. Пораженная до глубины души царица принимает решение постричься в монахини. Сцена пострижения Русудан, ее уход из дворца, прощание со светской жизнью, расставание со своим единственным сыном — маленьким Деметре — описываются в романе с силой, потрясающей читателя до глубины души. Эта сцена, так же как и эпизод из первой книги тетралогии, в которой повествуется о посещении ослепшим эриставом Шаманом друга своего детства — царя Георгия, написана эмоционально напряженно и являет собой великолепный пример умения писателя проникнуть в самые затаенные уголки сердца своего героя и искренне, непосредственно и волнующе описать тончайшие переживания человека.

После пострижения Русудан, отправившейся в Иерусалим, влюбленным друг в друга Давиду и Дедисимеди при-

шлось столкнуться с новым серьезным препятствием. Липарит Орбелиани и его сын Рати не переставали строить враждебные козни царю, продолжали поддерживать предательский союз с иеземитскими захватчиками и предавать интересы своей страны. Оба были избалованы Георгием Вторым, который пытался привлечь к себе изменников-феодалов при помощи ласк и благодеяний, а в ответ на измену и коварство вконец разнудавшихся князей и феодалов щедро одарял их. Совершенно иным был Давид Строитель. К врагам и предателям родины он был суров и непримирим. Ни пылкая любовь к Дедисимеди, ни слезы и мольбы горячо любимой женщины не могли смягчить сердце царя. Дважды пленял и заточал он в темницу непокорного Липарита, а затем, убедившись, что это наказание не образумило упрямого феодала, изгнал его из страны, а замки и крепости Багуаш-Орбелиани, все их владения и состояние передал в государственную казну. Все это сильно усложняло личную жизнь Давида, его отношения с Дедисимеди. Но самым сильным и неодолимым препятствием на этом пути оказалось решительное намерение Давида создать сильное и регулярное царское войско. Предводитель полковцев Атрака Шарганисдзе согласился передать Грузии 40 000 воинов и их семьи при условии, что Давид возьмет себе в жены его дочь Гурандухт.

Писатель и в данном случае дал волю своей поэтической фантазии и в определенной степени нарушил историческую фактологию. Из летописных источников известно, что ко времени привлечения кипчакских воинов в Грузию Давид был уже женат на Гурандухт. Но подобная «вольность» вовсе не нарушила историческую правду, не только не ослабила силу характера Давида, величие его личности, а наоборот, придала большую глубину и жизненность картине суровой эпохи, изображенной в романе, показала нам, как решительно и без колебаний ставил Давид Строитель интересы своей родины превыше всего на свете — личных желаний и стремлений, как своих, так и приближенных. А созданная и претворенная писательской волей, эта ситуация намного углубила драматическое звучание произведения и усилила его эмоциональное воздействие.

Приглашение половецких воинов представляло жизненно важный вопрос для Грузии, которая стояла перед перспективой решающего столкновения с неисчислимыми военными силами могущественной магометанской коалиции. Мог ли Давид Строитель в подобных обстоятельствах уступить своим чувствам и желаниям и поставить тем самым под угрозу дело свободы и независимости его горячо любимой родины? Царь ответил согласием на предложение пред-

водителя половцев, но тем самым навсегда лишился своей Дедисимеди, он собственными руками убивал свою любовь и надежду на личное счастье. Впавшая в отчаяние, лишившаяся всех надежд, Дедисимеди тайком покидает дворец и исчезает бесследно. Тщетно искал ее Давид по всему своему царству и в зарубежных странах. Но и Давид, и Дедисимеди на всю жизнь сохранили в сокровенных уголках своих сердец искреннее и глубокое чувство друг к другу. И когда, по прошествии десятилетий, лежавшего уже на смертном одре царя Давида посетила на несколько минут постаревшая в монастыре Дедисимеди, чтобы еще хоть раз напоследок взглянуть на своего обожаемого и всю жизнь любимого Давида, умирающий царь сказал ей: «Прости меня, сестра, за то, что счастье твое — да и свое тоже — принес я на алтарь отчизны нашей...» В последние минуты жизни, до последнего вздоха вспоминал Давид двух женщин — Дедисимеди и Гванцу. Гванца — прекрасная дочь эристава Шамана — тоже пожертвовала свою жизнь безнадежной любви к Давиду и оставила неизгладимый след в духовной жизни царя. Образ Дедисимеди является значительным творческим достижением писателя, подлинным украшением и блестящим венцом тетралогии. Она — живое воплощение внешней красоты и душевного благородства, доброты и великодушия, женственности, обаяния и скромности, но в то же время это не отвлеченное, бесплотное существо, а подлинно человеческий образ, отмеченный искренней теплотой, жизнелюбием, живым дыханием и глубокими страстями. Если мы захотим во что бы то ни стало найти аналогию этому образу в современной литературе, то перед нами вновь возникает персонаж, созданный К. Гамсахурдиа, — Шорена, героиня «Десницы великого мастера».

Среди основных персонажей тетралогии живым и жизненно-правдивым художественным воплощением выделяется привлекательный образ царицы Мариам, дочери Баграта Куропалата, родной сестры Георгия Второго. Она была женой двух византийских кесарей, впоследствии разведенная с обоими. По всей империи гремела слава о ее исключительной красоте, уме и привлекательности. Она имела большое влияние на жизнь Византийского государства, на действия кесарей и правящих кругов страны. Царица Мариам пользовалась всеобщей любовью и уважением и в Грузии. Давид был искренне привязан к сестре своего отца, которая с пониманием относилась к чувству, связавшему ее царственного племянника с Дедисимеди. История жизни царицы Мариам живо воплощает ту тесную взаимосвязь, которая существовала между семьями грузинского царя и

византийского кесаря, а следовательно и между этими двумя единоверными государствами. В зрелые уже годы Мариам испытала еще одно сильное увлечение. Она полюбила одного из ближайших друзей и сподвижников Давида — Нианию Бакуриани, который отвечал царице столь же горячим чувством. Но и этой горячей любви не суждено было иметь благополучную развязку. Подобно Давиду, и его любимейший друг Ниания пожертвовал личным счастьем ради блага Грузии, ради своего государственного долга и верности Давиду. Потерпевшая неудачу в своем последнем увлечении, Мариам окончила свои дни в монастыре, в одиночестве и неизбежном горе. Так безжалостно подавляло суровое средневековое благородное человеческие страсти и чувства, которые пробуждались уже и со все возрастающей мощью проявлялись под влиянием первых живописных лучей приближающегося Ренессанса. Именно этот великий исторический конфликт эпохи и воплощает повествование о жизни царицы Мариам, чья божественная красота вдохновила живописца, расписывавшего Гелатский монастырь, на создание иконы божьей матери и чей портрет, выполненный неизвестным высокоталантливым художником, и по сей день хранится в музее Ватикана.

Множество художественных образов широкого обобщающего значения, нарисованных ярко и жизненно, мы найдем на страницах «Давида Строителя». Каждый из них имеет свою, порою весьма сложную, жизненную историю, и потому каждый из них дополняет разветвленную композицию тетралогии самобытным притоком. Среди действующих лиц романа немало представителей трудового народа. Пахарь и погонщик быков Габриел Харуаи с сыновьями и внуками, птичница Теона, русский коваль Николай, дьякон-расстрига Хахутаи, воины, многочисленные дворцовые служители разных рангов и т. д. Все они в этом романе непосредственно представляют народ и воплощают его трудолюбие, благородство, правдивость, верность и любовь к родине. Впрочем, следует отметить и то, что эти персонажи не имеют сколько-нибудь значительной функции в сюжетном развитии романа. В «Давиде Строителе» главным образом и по преимуществу повествуется о жизни царя и его приближенных, государственных, церковных и военных деятелей, представителей аристократии. С этой точки зрения не лишены были основания претензии, которые в свое время выставлялись в адрес романа в грузинской (да и не только в грузинской) литературной критике.

Фабульные мотивы, отображающие личные и повседневные взаимоотношения главных героев романа, органиче-

ски сопряжены с развитием магистральной сюжетной линии, которую движут, главным образом, пассажи, связанные с большими историческими событиями. Художественно выразительно, неизгладимо впечатляюще воскрешены и воспроизведены такие эпизоды исторической действительности тогдашней Грузии, как венчание Давида на царство, Руисско-Урбнисский церковный собор, возведение храма в Гелати, создание регулярного царского войска и его укрепление, победоносное проведенное Давидом Эрцусское сражение, обращение в бегство турок у армянского города Ани, подавление эриставов Липарита и Рати, освобождение Тбилиси от иноземных поработителей и т. д.

Следует отметить, что описанная в четвертой книге тетралогии Дидгорская битва, величайшее сражение из всех, проведенных Давидом, когда грузинский народ смог одолеть и отбросить трехсоттысячную армию магометанской коалиции, и особенно картина освобождения Тбилиси от многолетнего владычества сельджуков, по жизненной правдивости и живости описаний не стоят на высоте лучших и наиболее ярких пассажей тетралогии.

Весь ход действия романа, описания героических боевых подвигов, составляющие величественную эпопею, психологически подготавливают читателя к той большой радости и удовлетворению, которые должно доставить ему известие об освобождении столицы Грузии и ее возвращении в лоно родной страны, ибо именно это было мечтой и целью всей жизни Давида. Еще юным царевичем, до вступления на царский трон, Давид говорил своей матери: «Я не успокоюсь, пока не назову Тбилиси нашим! И знайте, матушка, если бы даже тремя жизнями наградили вы меня, все три отдал бы я ради этой цели».

Ожидание претворения в жизнь этой заветной мечты Давида неотступно и непрерывно сопровождает читателя на всем протяжении романа. Но сама картина освобождения Тбилиси по своему эстетическим достоинствам в определенной мере меньше, чем эмоциональное напряжение, нагнетенное этим ожиданием. Писатель посвящает столько энергии, времени и места выполнению задачи всеобъемлющего отображения исторических событий мирового, эпохального значения, что в результате этого многие, бесспорно важные и значительные факты истории не нашли в должной степени живого и впечатляющего воплощения в тетралогии. Данное обстоятельство, по всей вероятности, можно объяснить и тем, что, поскольку это значительное и

обширное художественное полотно создавалось на протяжении четверти века, безусловно трудно и почти невозможно было развивать его по единому, заранее намеченному сюжетному плану и в связи с этим рационально распределить художественную энергию и изобразительные краски для всего обильного и многообразного жизненного материала, который нашел отражение в романе.

Мы должны судить о художественном произведении, основываясь не на том, чего в нем нет, а исходя из того, что воссоздано и достигнуто в данном творении искусства. В «Давиде Строителе» же столько отобразено языком подлинно высокого искусства слова, с большой художественной силой, производящей поистине неизгладимое впечатление, что даже простое поименное перечисление, схематическое описание всего этого богатства представляет собою весьма трудную задачу.

В финале тетралогии описываются последние минуты жизни Давида, его последний поединок, «последняя битва». Поверженному неизлечимой болезнью, лежащему на смертном ложе царю пришло в голову, что к нему прибыл гонец на черном коне, опоясанный черной цепью, наряженный в черные латы. И этот вестник доложил ему, будто к Таоскари подступило турецкое войско:

«К Тао-Кларджети подступили турки! Давид торопливо отпер стеной шкаф, достал из него латы, но надеть на себя не смог. Дотянулся он и до кольчуги, но даже ее тяжесть не смогло вынести столь привычное к богатырским доспехам богатырское тело. Нарукавники и набедренники оказались ему не впору. Тогда схватил он испытанный в боях меч Багратидов — меч вырвался у него из рук и тяжело упал на пол, издав зловещий звон...

В бреду вспоминал он Дедисимеди и Иванцу. До самого рассвета бился он в ожесточенном единоборстве, на последнем рубеже между жизнью и смертью...

А в зверинце рычал львенок...

На заре в палату вошел царь Деметре. Осенив себя крестом, он опустился на колени перед смертным одром и благоговейно приложился губами к деснице обожаемого отца.

Так победила всеограшающая Смерть неодолимого в битвах царя Давида.

И это была его последняя битва...

Не только наши современники в Грузии и за ее пределами, но и последующие поколения с искренним волнением и сочувствием прочтут эту книгу как яркую художественную летопись, достойную величия и могущества Грузии.

День рождения критика

Мне кажется, писать статью или рецензию на новый сборник или монографическое исследование критика особенно трудно. Трудности эта заключается отнюдь не в опасности коллегиального взаимопрощения или внутрицехового либерализма. Вовсе нет. Главная сложность состоит в том, чтобы воспринимать аргументы и утверждения критика, отвлекшись от абстрактной схоластики вторичного литературного спора, когда первоисточник дискуссии, самый предмет критики как бы забывается и остается в стороне, а аргументами служат лишь цитаты из разбираемой статьи и умозрительные возражения типа: «А я считаю, что все обстоит наоборот!» Проще говоря, сложность в том, чтобы критику воспринимать и анализировать как литературу, как ее специфический вид, материалом которого служит литературное же произведение. Именно это умение разглядеть за произведением литературы, за художественным словом — жизнь и рождает критика.

Слово и жизнь — так сформулировал тему своей книги Гиви Вардосанидзе. Как видим, эта формула уже знаменует собой обращение критика к кардинальным проблемам исследования литературы. Правда, можно усомниться в закономерности именно такой последовательности слагаемых. Но ведь путь критического анализа от слова к жизни — т. е. путь собственно литературного анализа — следует признать столь же правомочным, как и анализ, идущий от жизни к произведению искусства, своеобразную литературно-критическую публицистику, что ли.

Ознакомление со статьями, включенными в книгу «Слово и жизнь», очевидно доказывает, что Г. Вардосанидзе верен декларированному в заглавии методу литературного анализа художественных произведений. Пристальное внимание к предмету статьи, к ее материалу, способ исследования «изнутри» с последующим выводом, подготовленным и логически вытекающим из предыдущей системы доказательств, когда читатель как бы соучаствует в процессе размышления над книгой — это, по моему убеждению, сильная сторона книги Гиви

Вардосанидзе. Отмечу здесь же еще одно качество его «почерка» — это стремление браться за темы или произведения, в грузинской литературной критике по тем или иным причинам не нашедшие должного отражения.

Вот статья о произведениях Иосифа Гришашвили для детей. Наряду с точным и умным анализом стихотворений здесь можно обнаружить замечания и наблюдения, немаловажные для исследователя грузинской детской литературы вообще (для исследователя, которого, к сожалению, еще нет). Эти наблюдения не выделяются, не подчеркиваются автором, но свидетельствуют о том, что даже обращаясь к частной теме автор много и серьезно поработал над проблемой в целом. Это же можно сказать и о статье, посвященной поэме Ираклия Абашидзе «От чего спасся Тбилиси». Правда, отмечу здесь же, что эта статья, как и некоторые другие в сборнике, оставляет впечатление некоторой поспешности в части аргументации, беглости собственно литературного анализа. Много объясняет дата под статьей — 1951 год. Но, если с одной стороны, соседствуя с более поздними и солидными статьями, она свидетельствует о несомненном росте мастерства критика, с другой стороны, все же не может не зародиться вопрос о целесообразности включения ее (и некоторых ей подобных) в сборник. Это, конечно, частное замечание, но, по-моему, и такие, пользуясь устоявшимся рецензентским определением, «отдельные недочеты», тоже влияют на общее впечатление читателя.

Вернувшись к тем статьям, в которых Гиви Вардосанидзе проявляет себя «первопроходцем» грузинской критики, отмечу чрезвычайно интересную, на мой взгляд, статью «Действительность и очерк».

Прежде всего, конечно, читатель заметит, что здесь «расстановка» заглавных слагаемых несколько изменена: к очерку критик подходит с точки зрения от действительности, от жизни. Очевидно, такой ход диктовался критику самой спецификой жанра. Эта статья привлекает солидностью, масштабностью раз-

говора, широтой и убедительностью аргументации, проблемностью поставленных вопросов. Автор широко привлекает материал из других литератур, причем, на мой взгляд, особенно интересны и оригинальны (даже по сравнению с русской критикой) его наблюдения над очерками Овечкина, Калинина, Тендрякова. Убедительными и аргументированными представляются мне замечания в адрес литераторов, сужавших специфическую сферу этого жанра (в частности — в адрес авторов «Краткого словаря литературоведческих терминов»).

Учитывая, как мало внимания уделялось жанру очерка в грузинской критике, мне кажется, автору стоит подумать о продолжении разработки этой темы в дальнейшем. Тогда, разумеется, им будут учтены интересные последние работы русских критиков, посвятивших свои гряды этому жанру. И еще, пожалуй, главное замечание: отсутствие в этой статье материала, почерпнутого из практики грузинских очеркистов, снижает практическое значение статьи для дальнейшего развития этого жанра у нас.

Умение чутко и внимательно анализировать проявил Г. Вардосанидзе и в подробном разговоре о драматургии Поликарпа Какабадзе. В статье «Смех с мыслью» также много положений, выходящих за рамки конкретного разговора о творчестве драматурга и имеющих общее значение в разработке категории комического в грузинской литературной теории и эстетике. Конкретность и доказательность таких положений, аргументированность их примерами из драматургии Поликарпа Какабадзе делают их особенно интересными. Пожалуй, только иногда увлеченность материалом заставляет критика давать некоторые преувеличенные оценки.

Наибольшей удачей сборника представляется мне статья «Жизнь литературы». Тема этой статьи весьма значительна и актуальна — определение национальной специфики литературы и установление роли языка в ряду ее художественных средств.

Запутанность этой проблемы в недавнем прошлом хорошо известна. Об актуальности ее свидетельствует целый ряд дискуссий, проведенных нашими печатными органами, и отдельные статьи. Однако до подлинно научного разрешения данной проблемы все еще далеко.

Статья Гиви Вардосанидзе, не претендуя на вынесение окончательных приговоров, в то же время является достойным вниманием голосом в этом многоголосом хоре... Определив неравноценность понятий национальной формы литературы и национального литературного языка, критик очень убедительно опровергает взгляды сторонников подобной вульгарной идентификации, в частности — утверждения М. Пархоменко. Столь же неверной представляется критику и вторая крайность, совершенно разъединяющая эти взаимозависимые понятия (подобная тенденция, по мнению Г. Вардосанидзе, проявилась в статье Б. Кнейчера в «Дружбе народов»).

Сопоставляя такие сходные по идейно-тематическим признакам произведения, как «Поднятая целина» М. Шолохова и «Заря Колхиды» К. Лордкипанидзе, критик обнаруживает важнейшие признаки национальной специфики литературы. Язык в ряду этих признаков занимает весьма важное место. И потому уделяет столь большое место Г. Вардосанидзе анализу языка литературных произведений.

Смело, на равных началах включаясь в общесоюзный разговор представителей нашей многонациональной литературы, свободно оперируя необходимым материалом, Гиви Вардосанидзе демонстрирует профессиональное владение всем арсеналом средств литературной критики. Правда, эрудиция сама по себе вовсе не такое уж достоинство критика, просто — это один из необходимых видов его оружия. Но в данном случае мы имеем дело не с самоцельной демонстрацией эрудированности, а с характерной стороной творческого облика критика.

Итак, мне кажется, читатель имеет основания для суждения о творческом облике Гиви Вардосанидзе. Читая его критические статьи и рецензии в газетах и журналах, так сказать — врозь, мы наблюдали лишь отдельные черты этого облика. Теперь они соединены воедино, собраны под одним переплетом. Не всегда день рождения новой книги свидетельствует о рождении новой творческой индивидуальности. К счастью, на этот раз мы являемся свидетелями не только появления нового сборника литературно-критических статей, а появления новой боеспособной единицы в грузинской критике.

Оружием сатиры

Грузинская сатирическая графика всегда находилась на должной высоте и стояла на радикальных прогрессивных позициях как в сфере бытовой карикатуры, так и политической, служила острым обличительным оружием в борьбе рабочего класса. Такие художники, как Г. Зазиашвили, О. Шмерлинг, Ротер, Ал. Шаншиашвили, Ш. Кикодзе, Г. Гриневский, М. Чиаурели и другие всегда являлись выразителями передовой, прогрессивной мысли.

Работы старшего, среднего и молодого поколений грузинских художников-сатириков отличаются большой художественной выразительностью и глубиной мысли. Грузинская советская сатирическая графика откликается на все актуальные темы, не проходит мимо важных событий как в области внешней политики, так и внутренней жизни страны.

Высокохудожественная сатирическая графика сохраняет свою действенную силу долгие годы, и поэтому ее изучение является неотложной задачей искусствоведения.

К сожалению, история развития грузинской сатирической графики совершенно не изучена. В опубликованных искусствоведческих трудах обзорного характера, касающихся изучения грузинского изобразительного искусства, этому вопросу не уделялось должного внимания. Более того, на страницах этих работ можно встретить в ряде случаев ссылку на художников, вообще никогда не работавших в области сатирической графики, каковыми, например, являются А. Гогиашвили, А. Берадзе и другие, в то время, как даже не упоминаются имена художников, действительно много сделавших в области сатирической графики, как, к примеру, Г. Зазиашвили, Ротер и другие.

С аналогичным положением мы сталкиваемся и в вводной статье Игоря Урушадзе к книге-альбому А. Канделаки «В шутку и кроме шуток» (Издательство «Литература да хеловнеба»). Она посвящена творчеству одного из заслуженных представителей грузинской

сатирической графики Андро Канделаки. (Вызывает лишь удивление, что ни на суперобложке, ни на самой обложке, ни на титульном листе не указано имя художника и даны лишь инициалы. Между тем, необходимо было хотя в одном месте полностью отметить имя художника.)

Андрей (Андро) Валерьянович Канделаки пришел в ряды грузинских художников-сатириков не из стен художественного училища, а, как говорится, прямо из жизни. Хотя, по словам самого художника, в его становлении и развитии большую роль сыграл отец, а также известный грузинский художник Г. Месхи и профессор И. Шарлемань, так много сделавший для грузинского изобразительного искусства.

Специальное образование А. Канделаки получил в Тбилиском институте инженеров железнодорожного транспорта. Именно здесь, в студенческой газете-многотиражке, он и выступил впервые как художник-сатирик.

Но грузинская общественность познакомилась с ним как с художником-сатириком на страницах журнала «Нианги» в 1935 году.

Во вступительной статье, к сожалению, точно не указывается эта дата, столь значительная не только для творческой биографии художника, но также для обрисовки общей картины развития грузинской советской сатирической графики. К этому времени она насчитывала уже двенадцать, если не больше, лет своего существования. И ссылка на вышеуказанную дату помогла бы четче выявить роль А. Канделаки в развитии грузинской графики.

Несмотря на то, что рост и формирование А. Канделаки как художника происходили рядом с другими грузинскими мастерами кисти, он смог найти свой индивидуальный художественный почерк, свои индивидуальные средства выражения.

В основу своего творчества А. Канделаки положил согласованность, син-

УДК 73.01
ББК 85.001.01

хронность словесно-литературных и пластических средств выразительности.

Игорь Урушадзе верно указывает на творческую продуктивность художника. Но нельзя согласиться с ним, когда он пишет о так называемом «любовом», прямом подходе художника к сатирическим сюжетам, якобы вызванном требованиями времени идти по горячему следу, молниеносно создавать характеры, образы. Именно основываясь на этих требованиях, никак нельзя сделать скидку художнику. Наоборот, газетно-журнальная графика наряду с ясностью замысла, законченностью требует от художника большой находчивости, искусства выдумки, богатства воображения. А Канделаки обладает всеми этими качествами, и свидетельством тому — рецензируемый альбом.

Мне кажется, что во вступительной статье следовало бы уделить больше внимания освещению грузинской советской сатирической графики и не обходиться молчанием имени грузинских художников-сатириков, представителей грузинской сатирической графики (стр. 8).

Знакомство же с альбомом А. Канделаки убеждает нас, что художник в своем творчестве, решая задачу в плане композиционном, словесном и пластическом, развивает и обогащает именно истинно национальные традиции грузинской советской сатирической графики.

Графика А. Канделаки в альбоме представлена в основном в двояком плане. В первом случае острие пера художника направлено против всего реакционного, антидемократического, антигуманного, против всего, что мешает строить светлое настоящее и будущее. Тут рисунки художника полны уничтожающего сарказма.

Во втором случае глаз художника обращен к нетипичным, но все же встречающимся еще явлениям в нашей повседневной жизни, в быту. Тут он публично бичует, высмеивает различные пережитки прошлого и призывает к бдительности. Во всех случаях художник прибегает к выразительной, высокохудожественной форме.

Трудно согласиться с утверждением И. Урушадзе, будто самым излюбленным сатирическим приемом А. Канделаки является шутка, во-первых, потому, что она вообще не является приемом сатиры, а больше сфера юмора, во-вторых, даже бытовые карикатуры Канделаки — это не шутки, а рисунки с ярко выраженным сатирическим смыслом.

Но несмотря на вышесказанное, в оценке явлений художником можно наметить два аспекта (и это отражено даже в названии книги). Один из них, действительно, шутка; тут она является ре-

зультатом положительного отношения художника к явлению и выдвигается на передний план.

Подобные композиции А. Канделаки — своеобразная пропаганда смысла великих достижений нашей эпохи. Таковы — «Уж полночь близится, а Германа все нет», «Последнее пристанище кинто», «Две сенсации», «Цветы», «И так бывает», «Цель оправдывает средства», «Случай на охоте» и др.

Необходимо упомянуть и шутки художника, содержащие так называемое «осуждение в лицо», что служит средством осуждения пережитков прошлого, все еще встречающихся в нашей жизни. К ним относятся — «Жертва любознательности», «Крестная мать», «Годы и моды», «Справили 8 марта», «Вокруг здоровья», «У кинотеатра», «На экране и в жизни», «Без слов», «Когда вода испарилась», «Абстракционист на работе» и другие.

Отдел альбома «В шутку» интересен не только художественным визуальным выражением сути тех или иных явлений, слиянием изобразительного решения со словесным материалом, но и смыслом этих композиций, если можно так сказать, с моральной точки зрения. Эти рисунки выражают моральные позиции А. Канделаки в понимании нашей действительности, утверждают все передовое и общественно значимое.

Художник достигает этого с помощью некоторой метафоризации изобразительных средств, т. е. использования пластической формы в виде эпитета. Конкретная деталь, характерный колорит всегда используются художником, как средства обобщения. Композициям А. Канделаки присуща также и гиперболизация. Все это призвано служить единой цели: рисунок должен сохранять свою обличительную действенную силу. Интересны в этом смысле «Головокружение от чужих успехов», «Случай, когда от перемены мест слагаемых сумма изменяется», «Страшная картина в рамке НАТО», «Спокойно сэр, это только тренировка», «Атомный флирт», «Почти стремительно», «Вкусный кусок», «Опасная дружба», «Куриная слепота» и др.

Правдивое и художественное изображение характеров и ситуаций, богатство выразительных средств, актуальность и действенность всего творчества А. Канделаки делают его интересным и активным художником.

Издание сатирического альбома Андро Канделаки, бесспорно, можно признать делом нужным и полезным. Но один этот альбом погоды не делает. Это должны помнить все, кто призван служить пропаганде грузинского изобразительного искусства.

Эдмон КАРИ

Диалектика перевода

Эдмон Кари — видный французский теоретик перевода, автор известных книг «Перевод в современном мире» (1956), «Великие французские переводчики» (1963) и ряда важных работ и статей по общей теории перевода.

Э. Кари один из основателей Международной федерации переводчиков (ФИТ) и руководитель ее литературной секции, один из руководителей официального органа Федерации «Вавилон» (выходит ежеквартально с 1955 г.).

Знаток многих языков, и в частности русского, Э. Кари уделяет большое внимание советским авторам, работающим в области теории общего и художественного перевода, и высоко ценит советскую школу перевода. Ознакомившись на русском языке с авторефератом докторской диссертации грузинского литературоведа и переводчика Гиви Ражденевича Гачечиладзе «Проблема реалистического перевода», Э. Кари опубликовал в журнале «Вавилон» (№ 1, 1964 год) статью о данной работе и о связанных с нею вопросах. Несмотря на очевидную спорность некоторых положений Э. Кари, мы публикуем эту статью с незначительными сокращениями в порядке обсуждения вопросов теории и практики художественного перевода.

В 1957 году в журнале «Вавилон» мы посвятили «Советским теориям перевода» этюд, поневоле слишком обобщенный. В заключение мы положительно расценивали явление, которое, как нам казалось, с полным правом заслуживает определения советской школы перевода. Но как бы велики ни были наш оптимизм и наше доверие, мы далеко еще не предвидели последовавшего вскоре в СССР большого и весьма разностороннего расцвета переводческого дела. Советский Союз на протяжении ряда лет остается самой крупной страной в мире в области перевода.

Уже в марте 1959 года нам представилась возможность приветствовать новое, переработанное издание фундаментальной книги А. В. Федорова (появившейся в марте 1958 г.) и год спустя первый сборник серии «Мастерство перевода» (1959). Второй сборник серии датирован 1962 годом; мы не имели также случая сообщить об антологии, появившейся в 1960 году под названием «Русские писатели о переводе»: антология эта составлена А. В. Федоровым и Ю. Д. Левиным; кроме того, последние принадлежат две статьи исторического характера, напечатанные в сборниках Академии наук СССР: «Связи и взаимоотношения литератур и история перевода» (1961) и «Об исторической

эволюции принципов перевода» (1963). Мы постараемся опубликовать при первой возможности отчет об этих работах. Коснемся также плодотворной деятельности Ефима Эткинда, который ис-следует взаимоотношения перевода и стилистики и недавно опубликовал книгу, озаглавленную «Поэзия и перевод». Для полноты картины следовало бы перечислить также многочисленные учебники и пособия по преподаванию и практике перевода. Впрочем, мы надеемся услышать на страницах «Вавилона» голос переводчиков СССР. А пока что ограничимся отчетом о труде Гиви Ражденевича Гачечиладзе.

* * *

Семь лет назад, разбирая первый вариант книги Федорова (1953), мы выражали сожаление по поводу того, что автор подходил, на наш взгляд, упрощенчески к многочисленным противоречиям, присущим переводу. «Ведь марксистский метод, к которому постоянно взывает автор, — отмечали мы, — содержит фундаментальный принцип диалектики, превосходным образом применимый к изучению процесса перевода. Вместо того, чтобы безоговорочно утверждать, что в выдвинутом тезисе (возможность перевода) все бело и что в антитезисе (невозможность перевода)

все черно и ограничиться этим, не следовало ли рискнуть сделать прыжок в сторону синтеза и показать, что стоящий перевод опирается на это основное противоречие для того, чтобы, преодолев его, взлететь над ним?»

Эта мысль относительно диалектического решения вопроса о противоположностях лежит в основе исследования Г. Р. Гачечиладзе; развитая методично и смело, она и в самом деле предстает перед нами исключительно плодотворной.

С первой же главы, посвященной «проблеме художественного перевода в мире от античности до наших дней», автор намечает целую гамму антиномий, бытующих в самой практике перевода и в теоретической мысли переводчиков. Например, начиная от древнего Рима, сталиваются, с одной стороны, желание поэтов обогатить свою национальную литературу обращением к великим писателям других народов и, с другой стороны, стремление полностью сохранить малейшие детали почерка этих мастеров (вплоть до невыразимой оригинальности божественного по своей красоте текста); поколения мыслителей анализируют отношения между формой и содержанием и констатируют в любой культуре, в любом языке, в любой индивидуальной психологии и средствах выражения наличие собственных, невосстановимых элементов, и тем не менее приходят к выводу о возможности подлинного общения между индивидуумами, между языками, между культурами.

Вторая глава содержит обзор эволюции этой же проблемы в России, а третья — в Грузии, стране, расположенной на стыке нескольких культурных миров. Желательно было бы видеть более подробную картину действительного вклада, внесенного через посредство перевода различными соседними цивилизациями.

Начиная со средневековья, Грузия избрала христианство (и страдала за него), и перевод религиозных текстов, естественно, дает повод для в высшей степени интересных размышлений. Вклад мусульманских стран оцудим во всей светской литературе, и этот факт, возможно, недостаточно подчеркнут и не проследен до конца. Начиная с XVIII века, Грузия поворачивается спиной к Востоку с тем, чтобы, с одной стороны, окунуться в свою собственную традицию и, с другой — чтобы сблизиться с русской и западной культурой. Эта эволюция... тоже очерчена слишком общо. А ведь данная глава вызывает исключительный интерес, обусловленный и самим объектом изучения, и особым положением страны на протяжении ряда последовательных этапов ее истории: маленькая страна, раздираемая двумя враждующими между собой великанами, пожирающими другие народы, страна, вынужденная бес-

престанно бороться за свое существование и за свою индивидуальность, за свои обычаи, веру, язык, страна, которая с этой точки зрения может во многих отношениях служить образцом для десятка других стран.

Краткой представляется нам также часть, посвященная советскому периоду Грузии. Верно ли утверждать, что «переводы первых лет советской Грузии отмечены стилистической целостностью», в то время как в том же абзаце речь идет о неизжитых еще «декадентских» тенденциях и о беспорядочных поисках новых форм, поисках, которые лишь постепенно приводят к общему правилу?

То же замечание приходит на ум при чтении четвертой главы («Классики марксизма-ленинизма и перевод»). Цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина подобраны тщательно. Очевидно, было бы полезно в этом месте коснуться такие дискуссий, развернувшихся до войны 1914 года вокруг лингвистических проблем и вызванных, в частности, многонациональным характером австро-венгерской монархии. Идет ли человечество к одному общему языку? Следует ли поддерживать все языки различных лингвистических групп, оформившихся или неформившихся в определенные и сознающие свою индивидуальность нации, которые находятся на различных ступенях культурного развития? Нетрудно понять, сколь важны будут ответы, предложенные переводчиком, для открывающихся перед ним перспектив и для самого содержания его теоретической мысли...

Более широкий и решительно вмешивающийся в современную жизнь анализ сделал бы эту работу значительно более ценной. Никогда еще в такой степени, как в наши дни, не вставали перед всеми народами цекотливые проблемы коммуникации, обмена между языками, перевода на всех ступенях и во всех областях.

Какую помощь может оказать в этом деле марксизм-ленинизм? Богатый советский опыт не поддается механическому переводу всюду и во всех случаях... Советские переводчики спасли киргизскую эпопею «Манас». Как обстоит дело с уйгурским или тибетским народным достоянием? Как обстоит дело с переводом научных и технических трудов, учитывая осложняющее обстоятельство традиционного идеографического написания?..

* * *

К сущности своего изложения Гачечиладзе приступает в пятой главе своей работы («Проблема реалистического перевода»). Как в свое время Ж. Мунен (в «Прекрасных изменницах»), он с самого начала ставит основные вопросы.

Что такое перевод? Возможен ли перевод? Правда, он уточняет: художественный вид перевода, который он намерен рассматривать; на это недвусмысленно указывает заглавие его книги. Тем не менее его рассуждение проникает в глубь вещей... и приобретает общее значение... Вся эта глава является ценным вкладом не только в теорию художественного перевода во всех его видах, но и в общую теорию перевода.

В самом деле, на этих страницах автор прислупает к рассмотрению основных понятий. Свое рассуждение он начинает с анализа отношений, существующих между реальностью и ее отображением. Еще раз на свет вынесена противоречивая пара, требующая диалектического подхода, открытого признания той истины (о которой напомнил Ж. Мулен), что перевод не есть оригинал, что нельзя выйти из этого противоречия, прибегая к компромиссу или к различным уверткам.

...Гачечиладзе весьма разумно отмечает, например, что переводчик не имеет дела непосредственно с «действительностью»: оригинал сам является отражением объективной действительности. Так что переводчик оперирует вторичной действительностью (вот, — уточнили бы мы, — что, между прочим, уже отличает перевод от оригинального творчества).

Констатация, которую делает Гачечиладзе, естественно вызывает два замечания. В первую очередь, поскольку нам постоянно повторяют: «художественный перевод», — не возникает ли искушение задаться вопросом, как в этом отношении обстоит дело с другими видами перевода? Чрезмерная предосторожность может вызвать искусственное противопоставление жанров «художественных», стремящихся лишь к транспозиции вторичной действительности и жанров перевода, которые имеют дело с чисто информационными текстами и стремятся к точной и исчерпывающей передаче данных, представляющих документальный интерес. Не ближе ли к действительности второй вид перевода? Не передается ли строго объективная реальность при переводе содержания теоремы по геометрии или описания машины? Не противостоит ли прагматический перевод переводу художественному, в первую очередь, потому, что он призван сообщить элементы действительности, объективно содержащиеся в подлиннике, а не субъективное описание какой-то предположительной реальности?

Из скромности, из желания строго придерживаться своей области, Гачечиладзе, возможно, ввергнет нас в совершенно ненужное замешательство в такой области, в которой и без того нет недостатка в противоречиях. Таким обра-

зом, коррективы следует искать в замечании, которое учитывало бы основательный характер анализа и общее значение выводов этого пассажа. В самом деле, вопрос здесь заключается не в том, чтобы знать, как следует «художественно» отразить оригинал, который, со своей стороны, дал определенное «художественное» отражение действительности. Любое выражение, любое послание, переданное языком, воспринятое мыслью, чувствуемое и желаемое индивидуумом, есть уже отражение действительности и должно отличаться от действительности. В этом отношении «дважды два — четыре» так же удаленно от действительности, как и любое стихотворение. И в одном, и другом случае переводчик дает свою версию одновременно и этой «действительности», которой является для него оригинал, и «действительности», которая, по его мнению, должна находиться у истоков этого оригинала. Он не может ограничиться какой-либо одной из этих двух задач. Это и подразумевает здравый смысл, когда он наивно советует переводчику всегда спрашивать себя, «что хотел сказать автор». Проверка легко осуществима в случае «дважды два — четыре». Она требует более активного вмешательства переводчика...

Часто говорят также, что переводить — значит писать так, как это сделал бы какой-то автор, если бы он писал непосредственно на языке переводчика. Соблазнительная, но обманчивая формулировка. Повторяем, перевод не есть оригинал, Достоевский — не француз, а если бы он был французом, не написал бы того, что написал, и так, как он это написал; он попросту не был бы Достоевским. Однако переводчик должен переводить Достоевского, а не его «действительность», как если бы писатель не был самим собой. Переводчик не должен обнаружить фиктивную «действительность» (выдумав ее), подставленную на место подлинной действительности своего иностранного оригинала. Но не менее ошибочно думать, что достаточно заинтересоваться тем отражением действительности, которое дают нам слова и фразы, заниматься лишь тем, «как» видит автор. Каждый знает, чего стоят переводы, заигнотизированные построением фраз или звучанием слов и никогда не пытающиеся направить это звучание, эти слова и мысли на ту сокровенную реальность, которую они, якобы, выражают.

Только что сформулированное нами положение существует в зародышевом состоянии и в книге Гачечиладзе. Кроме того, это понятие двойной проверки, как нам кажется, содержится в самом выборе терминов, которыми пользуется наш автор. Критикуя распространенное в СССР выражение «адекватного» пере-

вода, он защищает понятие «реалистического» перевода.

Разумеется, речь идет не о формулировке, калькированной с выражения, распространенного в литературе. Совет, данный переводчику, заключается не в том, чтобы он писал как писатель-«реалист», в то время как ему предстоит переводить романтиков или символистов. Специфически литературоведческая терминология в данном случае неприменима (и опасность путаницы здесь тоже увеличивается чисто литературной ориентацией исследования). Нам остается напомнить по этому поводу различие, которое мы проводили в работе «Перевод в современном мире»; между творчеством писателя и творчеством переводчика существует различие в самой природе: «В то время как писатель работает над словами, идеями, образами... переводчик работает над тем, чтобы установить отношения эквивалентности между словами, идеями, образами и т. д. То, что он утверждает, то, под чем он ставит свою подпись, не есть текст, который он не оспаривает у автора, но преимущественно определенная эквивалентность...» И именно потому, что по самой природе переводческой деятельности его делом является установить отношение, диалектический метод столь плодотворен в области перевода.

Проявив пристрастие, можно сказать, что понятие «реалистического» перевода, расширенное в такой степени, как у Гаччиладзе, в конце концов сливается с понятием «хорошего» перевода, украшенного всеми теми качествами, которые только пожелают ему приписать. Однако страницы, посвященные обсуждению понятия реального по отношению к переводу, с одной стороны, и к оригиналу, с другой, а также к тому, что переводчик законом может попытаться передать, доказывают, что этот термин должен быть понят в философском смысле. Лишь тогда будет достигнут более углубленный анализ, а также законным и необходимым представится обращение к смежным и параллельным дисциплинам: семантике, теории информации, коммуникации, психологии (не говоря о лингвистике, интересы которой уже не нуждаются в защите). Ограничение же областью собственно литературных сфер, когда взор не осмеливается выйти за их пределы, становится здесь стесняющим обстоятельством и слабостью; достоверность выводов рискует на каждом шагу быть опровергнутой.

Впрочем, автор прекрасно почувствовал необходимость более насыщенного развертывания своей мысли. Оставаясь в предписанных самому себе пределах, он попытался это сделать при рассмотрении различных «ступеней значения» оригинала (слова, фразы... целое произ-

ведение и т. д.). При этом он удачно осветил необходимость подчинения деталей единству произведения и, кроме того, противопоставил чисто лингвистическое приближение приближению «художественному». Некоторым упрощением является его утверждение, что «художественное соответствие начинается там, где кончается поле поисков лингвистических соответствий». По нашему мнению, здесь вовсе не переход к более высокой ступени, но гамма более тонких отношений, по природе своей противоречивых, и отношений, которые могут разрешаться весьма различным образом в зависимости от каждого отдельного случая: в соответствии с назначением перевода (даже в пределах художественного перевода: подумайте о пьесе, переведенной для сцены, и о пьесе великого классика, в которой у каждой запытой своя история), в соответствии с отношениями, существующими или существовавшими между двумя языками, двумя культурами, и рядом других обстоятельств.

В намеренном перед собой направлении автор затем обзоревает различные манеры перевода (или методы, или «школы»). Описав «романтическую» и «натуралистическую» манеры, он упоминает о «немком модернистском методе, который навязывает оригиналу исключительно субъективный стиль переводчика, свойственные ему образы, произвольно меняя идею произведения и т. д.». Нужно ли говорить, что в этом пункте желательно видеть несколько более суровую строгость мысли?

Манера перевода, которая соответствовала бы данному описанию, не была бы «модернистской»: она попросту была бы плохой. Во всяком случае, трудно представить себе подобную манеру, возведенную в «школу». Можно, с другой стороны, вспомнить «Прекрасных женщин» века Людовика XIV и «приятные» русские переводы XVIII века: даже переводчики, стремившиеся к рабской верности, не могли воздержаться от искажения. Г-жа Дасье, написавшая убедительные страницы о своем полном и безусловном уважении к Гомеру, не решаясь поставить слово «осел» там, где у автора стоял «осел», пыталась доказать соответствие «Илиады» христианскому учению. Систематическое искажение не является достоинством «модернизма», равно как и какой-либо прошедшей эпохи. Впрочем, это вопрос довольно щекотливый. Какова может быть в лоне культуры, нормы которой приняты как необходимые путеводные идеи, судьба писателей, коренным образом чуждых этим нормам, писателей, задающих эти нормы? Альфред Курелла (в «Мастерстве перевода», 1959, стр. 422) резко разрешал эту дилемму: такие писатели не стоят того, чтобы их переводили. Но если их все-таки пере-

вести? Ничего не выигрываешь, заявив, что их «нужно» переводить «такими, какие они есть». Кто будет судить о том, какие они есть, если уши глухи к некоторым нотам, глаза слепы к некоторым нюансам? С. Маршак перевел «Сонеты» Шекспира. Но в его глазах (и в глазах советских читателей) сущность «Сонетов» заключается не в том, в чем ее чувствует французский или английский читатель. Пьер-Жан Жув, со своей стороны переведший «Сонеты», признается, что его очаровала облекающая их туманность, «тайна», «секрет»... Маршак не хочет видеть в Шекспире ни «смутных страстей», ни «придворной галантности»: он преподносит читателям «Шекспира, которого мы все любим: искреннего, чистого и возвышенного...» (Аникст. Предисловие к «Избранным переводам» С. Маршака, 1959). Дискуссия роковым образом переносится на проблему основательности той или иной интерпретации шекспировского мира и его личной жизни. Соперники успешно смогут обрушивать друг на друга упреки в «субъективизме». Кто их рассудит?

Очевидно, заслуживает быть отмеченным то, что Гачечиладзе торжественно подчеркивает: любой перевод неизбежно является и должен быть «тенденциозным». Переводчик является и должен быть человеком своего времени и своей страны, работающим для своей публики и придерживающимся двойной верности: произведению и читателю. Снова противоречие, на первый взгляд, неразрешимое, и которое разрешается диалектически, не путем компромисса, а благодаря творческому синтезу.

Перевод не есть оригинал. Для того, чтобы быть стоящим, перевод должен основывать свои ценности на определенном толковании произведения (то есть, отказываться от другого толкования) и предоставить почву, на которой сможет осуществиться контакт между умершим писателем и живым читателем благодаря магическому присутствию переводчика...

Роковым образом любой перевод обречен на старение. Этьен Паскье говорил об этом еще в XVI веке; но случается это не потому, как ему казалось, что язык основательно меняется каждые сто лет, делая необходимыми новые переводы, в то время как предыдущие остаются «погрешными в сумерках далекой давности». Б. Пастернак внезапно открыл все то живое, чего не замечали в «Фаусте» Гете. Его перевод архиспорный, он просуществует недолго, но он явился событием. До того в России не имели права сказать: «Фауст» переведен.

Если в один прекрасный день русская литература предоставит права на существование непристойной речи, необычайный перевод Рабле, только что

опубликованный Н. Любимовым, покажется недостаточным: найдутся люди, которые будут смеяться над ним и видеть в нем измену оригиналу. (Беседа Дасье не осмеливалась писать «сонеты».) А пока что мы говорим о шедевре.

Вот, если хотите, еще одна из тех антиномий, которые мы вынуждены признать и которым должны смотреть в лицо. Не стареют оригиналы. Но разве не в этом красота и величие работы переводчика? Перевод — это жизнь и, как таковой, он эфемерен. Великие писатели всегда остаются молодыми. Перевод возвращает их к жизни, возвращает к нам, к нашей жизни, преходящей и уязвимой и, конечно, отличной от их вечности. Но разве мы все не эфемерные создания? Даже когда мы читаем произведение в подлиннике, его читаем мы, и мы различаем большую неопределенную тень от него на стене нашей пещеры, тень, очевидно, весьма отличную от той, которую могли или думали уловить различные, следовавшие друг за другом прохожие, побывавшие здесь до нас. Перевод зажигает свой факел и отбрасывает от этого произведения тень внезапную и четкую, видимую для всех скитающихся людей, собравшихся в данный момент в пещере. Вот мы и вернулись к нашему первоначальному размышлению о действительности произведения и о том, что может составлять «действительность» перевода.

Глава заканчивается рядом значительных замечаний. Перечисляя различные позиции советских теоретиков, а также различные противоречивые понятия, требующие «творческого синтеза», Гачечиладзе узаконивает существование как «общей» теории перевода, так и «частных» теорий, приуроченных к определенным жанрам.

Согласно его мысли, замечание это не выходит за пределы художественного перевода. Фактически оно намного шире. В «Перевод в современном мире» (1956), затем более подробно в серии бесед, переданных Международным радиофоническим университетом в 1958 году, и особенно в «Диогене» мы пытались поставить эту проблему. До сих пор, отмечалось нами, мы имеем дело лишь с частными теориями: думая, что они говорят о переводе вообще, мыслители огородились в различных областях и пришли к противоречащим друг другу выводам. Чтобы избежать этих противоречий, они чаще всего пытались произвольно провозглашать положение, по которому перевод «вообще» сводится к интересующему их узкому предмету (перевод на французский язык латинских авторов, или перевод поэтов, или, напротив, любой перевод, кроме перевода поэтов, или же перевод художественный, но не технический и т. д. и т. п.), а остальное не существует и не идет в

счет. Или же они пытались пойти на компромисс: допуская, что существуют различные жанры, они закрывали глаза на то, что в этих жанрах противоречиво, чтобы вывить «общий знаменатель» (например, лингвистический), и затем канонизировали все то, что касается перевода, исходя из этого «общего знаменателя».

Разве мы здесь не находимся перед лицом подлинного противоречия, которое заслуживает признания и рассмотрения с целью его диалектического разрешения? Не отрицать того, что между частными теориями и общей теорией существуют внутренние противоречия, неизбежные и законные, не пытаться обойти их, но вызвать их столкновение таким образом, чтобы извлечь из него синтез, который послужит на пользу делу.

В своей книге Гачечиладзе не делает именно такого рода предложения; тем не менее, такое предложение в потенции содержится во всем его рассуждении. «В пределах жанра, — пишет он, — можно увидеть действие тех частных принципов, обобщение которых составляет законы общей теории художественного перевода... В пределах жанра ясно выявляются законы перевода специфических жанровых элементов, действующих только в данном жанре... Частное и общее, литературное и лингвистическое представлены в непрерывном общении во время решения конкретных и специфических вопросов художественного перевода...»

Пожелаем Г. Р. Гачечиладзе углубить свою мысль в этом вопросе, применив к ней диалектический метод, действенность которого он в других случаях столь блестяще показал.

Нам трудно говорить о двух последних главах, которые, прибегая к приме-

рам, почерпнутым из перевода на грузинский язык (гл. VI — для прозы, гл. VII — для поэзии), дают конкретные иллюстрации к принципам, развернутым выше. Ознакомление с резюме на русском языке явно недостаточно для этого; специалисты, у которых будет преимущество обратиться к грузинскому оригиналу этих двух глав, извлекут из них большую пользу.

В частности, все те, кого интересуют вопросы поэтического перевода, должны будут отныне сослаться на этот труд, который обладает среди прочих достоинств тем, что он, наконец, выходит из узкого круга отношений между европейскими просодиями, чтобы охватить не только античные размеры, но также весьма различные формы просодии, свойственные грузинскому языку. Хотелось бы видеть еще большее расширение материала в сторону восточных просодий. Автор объясняет нам, как были переданы по-грузински Маяковский, Гомер или Шекспир, какое влияние оказали русские романтики на грузинскую рифму, но ничего не говорит ни о переводе стихов с иранского, арабского, индийского (равно как с казахского или киргизского), ни о том влиянии, которое мог оказать Восток на поэзию.

...Надеемся, что на нас не будут в обиду и за то, что мы иногда завязывали с автором нечто вроде диалога в связи с его книгой. Исключительная важность этого труда несомненно требовала большего, нежели инертный отчет. Имя Гиви Гачечиладзе отныне должно быть записано в ряду тех, кто прославляет теорию перевода. Со страстным любопытством ожидаем мы его дальнейших выступлений.

Перевод с французского.

Шалва Мшвелидзе

Четверть века назад, в грузинскую музыку со своим новаторским искусством пришел Шалва Мшвелидзе. Его самобытность проявилась не только в ярко национальном характере музыки, не только в ее непривычных интонационных истоках. Она куда шире и глубже. Музыка Мшвелидзе, наполненная соками родной земли, привнесла в национальное искусство много нового, своеобразного.

Мшвелидзе, художник с оригинальным мышлением, со своим почерком, стилем, определился сразу. Ему не понадобилось, подобно многим, пройти некий «подготовительный» период творчества, чтобы утвердиться постепенно. Он был одним из тех художников, которые сразу заявляют о себе во весь голос, «громко», «во всеуслышание».

Такой творческой заявкой композитора были две симфонические миниатюры «Азар» и «Пшаури». В грузинскую музыку непривычным звучанием ворвались суровые, терпкие, удивительно «чистые» интонации горских племен. Новизна музыкального языка этих миниатюр, оригинальность их тематики, наконец, привнесение впервые в грузинский симфонический жанр обобщенно-философских проблем — все это проистекало из самой творческой природы Мшвелидзе, который с первых же шагов в музыке ясно и зорко разглядел свой собственный путь. И став однажды на этот путь, он оказался удивительно последовательным, целеустремленным, целенаправленным, верным себе. С произведений «Азар» и «Пшаури» в творчестве Мшвелидзе утвердилось два основных начала, две эстетические категории — жанровая программность и обобщенно-философская лирика. Они остались основными в его творчестве, неуклонно углубляясь, обогащаясь, расширяясь, достигая высокого художественного синтеза в лучших творениях композитора.

Ярко праздничная, красочно пестрая музыка «Азара», в основе которой лежит абхазский народный мотив, в стиле древних гимнов, прокладывает путь к большим жанрово-эпическим симфониям композитора.

Поэтическая симфоническая элегия «Пшаури» — это другой путь, ведущий к симфоническим поэмам «Звиадаури» и «Миндиа», к операм, особенно «Деснице великого мастера». Здесь царствует лирика, но особая, типично «мшвелидзевская», окрашен-

ная в суровые, мужественные тона. Лирика, которая возвышает, «очищает», возвеличивает чувства. Впервые в «Пшаури» в грузинской музыке зазвучал пшавский фольклор с его неповторимым колоритом, никем до этого не тронутый.

Новизна музыки Мшвелидзе, самобытность, оригинальность его стиля уходят своими корнями в народное искусство, которое до него в неприкосновенности хранилось в высоких, заснеженных сурово-гордых горах. Он поднял эти огромные пласты, проник в их глубины, его тонкий слух музыканта был поражен необычностью, своеобразием музыкально-речевой интонации горцев. И вот горы заговорили: они поведали о многом, что долгое время таилось в их недрах, они поведали об обычаях и нравах, о народе, никогда не склонявшем голову перед врагом, каким бы сильным и коварным он ни был, о неповторимой красоте своей природы, об аромате народной музыки. С гор сошли бесстрашный Звиадаури, благородный Джокола, мудрый Миндиа. Знакомые с колыбели, вновь ожившие в музыкальных образах Мшвелидзе, они стали еще роднее и ближе народу.

Появление «Звиадаури», этого сочинения, значительного для всей грузинской национальной музыки, особенно после «Пшаури», было совершенно закономерным. Новаторские черты предыдущих симфонических миниатюр превратились в «Звиадаури» в основную принцип мышления, в его творческое кредо. Программный симфонизм «Звиадаури» положил начало новому жанру — программно-симфонической поэме с конкретной сюжетностью, с точным следованием за всеми сюжетными перипетиями, за всей внутренней логикой развития главной идеи литературного произведения. (Кстати, этот принцип становится основополагающим и в других сочинениях композитора.) Смело вступая в «соавторство» с Важа Пшавела, воспроизводя бессмертные образы его знаменитой поэмы «Гость и хозяин», Мшвелидзе — композитор, остро чувствующий время, художник наших дней, — по-своему «досказывает» великого поэта. Он смешает центры драматургических узлов поэмы, перенесет центр тяжести на финал, превратит его в кульминацию всей драмы. Финал — воплощение всей идейной концепции мшвелидзевского «Звиадаури» — дружбы между

Звиадаури и Джокла, которые преодолели кровавый обычай мести во имя великого гуманизма.

Большой, развернутый, оптимистический финал «Звиадаури» с празднично ликующим звучанием двух тем — Джоклы и Звиадаури, которые так мастерски сплетаются в полифоническом развитии, — логический итог всего произведения. Симфоническая поэма «Звиадаури» не только по своей идейной концепции, но и по музыкальному языку, который весь проникнут спецификой горского фольклора, особенно с характерным для него «пшавским звукорядом», и по принципам развития музыкальной ткани с его импровизационностью рапсодичности типична для грузинского музыкального фольклора.

Мшвелидзе всегда увлекают большие жизненно важные проблемы, в которых отражены значительные страницы исторического прошлого народа.

«Героическое» — одна из основных лейтем его творчества, которая с самых ранних сочинений дана обобщенно, типизированно, поднятой на высокую ступень художественности. Героическое у него всегда «проблемно» как воплощение национального духа целого народа.

Один из центральных персонажей лучших произведений Мшвелидзе — народ единый, монолитный. Ни у одного из грузинских композиторов, после Палиашвили, народ не представлен столь возвышенно и обобщенно, во всем многообразии и богатстве его духовной красоты.

Проблема преемственности традиций Палиашвили в творчестве Мшвелидзе — одна из интереснейших и важнейших для изучения.

Развернутые хоровые полотна опер «Сказание о Тариэле» и особенно «Десница великого мастера» возрождают величественные традиции хоровой музыки «Абесаломы и Этери» и лучших хоровых сочинений Нико Сулханшвили, природа которых коренится в недрах народной музыки. В них Мшвелидзе, подобно этим классикам хорового письма, воспроизводит все многообразие грузинского песнетворчества и особенно внутреннюю природу народной полифонии. Достаточно вспомнить только один эпизод из оратории «Кавкасиони», величественную «Мумли мухаса» («Мошкара и дуб»), народную карталино-кахетинскую песню. Этот эпизод, в котором песня разрабатывается в форме двойной фуги, с мастерским сохранением наиболее типических черт самобытной грузинской полифонии свидетельствует о том, сколь глубоко проникает Мшвелидзе в специфику грузинского музыкального фольклора.

Мшвелидзе смело обратился к литературным произведениям, которые являются гордостью духовной культуры нации. В творчестве Мшвелидзе свершилось «омузыкали-

вание» образов Руставели, Пшавела, позднее Гамсахурдиа. Важа Пшавела увлек его высокой гуманностью идей. С легкой руки Мшвелидзе образы Важа все чаще стали проникать в грузинскую музыку. Руставели увлек композитора монументальностью и величием, высокой романтикой чувств. «Сказание о Тариэле» — большое монументально-эпическое полотно с мастерски написанными хоровыми эпизодами, блестящей оркестровкой, хотя и не лишенное серьезных драматических просчетов. Его последнее, самое значительное сочинение — опера «Десница великого мастера» по Гамсахурдиа — воспроизведение в музыке большого исторического произведения.

«Десница великого мастера», продолжая традиции «Сказания о Тариэле», в то же время преодолевает его просчеты, в частности, излишнюю монументальность и ораториальность. «Десница» возрождает жанр музыкальной драмы «Абесаломы и Этери». В этой опере во всем своем величии показаны народ, его гений, воспроизведенный композитором в развернутых пластических хоровых эпизодах. В то же время каждый из персонажей — живой, действенный образ, полный внутренней экспрессии, многообразных эмоций, сильных человеческих страстей.

И еще одна черта, придающая музыке Мшвелидзе редкое своеобразие. Она коренится в глубоком постижении не только музыкальных, но и чисто речевых интонаций грузинского фольклора.

Далеко вперед шагнула грузинская музыка. Она пойдет еще дальше, но несъмненно останутся принципы, которые с такой художественной правдой утвердили в национальной музыке Шалва Мшвелидзе и Андрей Балаанчивадзе. Они перекинули мост между национальной классикой и современной музыкой, смело поставив и разрешив одну из важнейших проблем искусства — проблему традиции и новаторства. Этот мост оказался прочным, по нему прошли грузинские композиторы самых разных поколений и творческих индивидуальностей. У Ш. Мшвелидзе и А. Балаанчивадзе можно учиться, как чутко следует относиться к наследию прошлого, никогда не впадая в «ложное новаторство», всегда сохраняя в своем творчестве черты высокого гуманизма и жизнненности искусства.

Шалва Мшвелидзе исполнилось 60 лет. Для человека столь неукротимой энергии и огромной жажды и любви к жизни, для музыканта, чутко прислушивающегося к веянию времени, для композитора, постоянно ищущего новых путей в искусстве, — 60 лет — возраст подлинного расцвета таланта. Сейчас, когда художник, сохранивший весь юношеский пыл и неуемную любовь к жизни, людям, достиг мастерства, он начинает новый этап творческого пути, отмеченный печатью зрелости.

Семь тысяч миль по дорогам Америки

Я встретила с Верой Варламовной вскоре после ее возвращения из гастрольной поездки по городам Америки. Она спустилась к себе в артистическую уборную прямо из репетиционного зала в черном рабочем трико, маленькая и хрупкая, как подросток. Накинув теплый халатик, села, вытянув натруженные ноги, и вопросительно-внимательно посмотрела на меня своими большими светлыми голубыми глазами.

Я интересовалась успехом нашего балетного искусства за рубежом и попросила ее рассказать о выступлениях в США возглавляемой Вахтангом Михайловичем Чабукиани большой труппы артистов советского балета, в которую она входила. Я ждала обычных в таких случаях превосходных степеней в оценке, ярких, сенсационных фактов и громких отзывов. Но Вера Варламовна говорила тихо, спокойно, задумчиво и очень-очень просто. Порой я подбрасывала в нашу неторопливую беседу один-другой вопрос, как еловую шишку или хворост в угасающий костер. Мне хотелось большей экспрессии, более быстрого темпа ее рассказа. Однако вскоре, сама того не замечая, я подпала под обаяние моей собеседницы. Мне приятно было слушать ее безыскусную, мягкую и правильную речь. Подкупала не только манера говорить, но и то, что она говорила — ничего не приукрашивая, стремясь наиболее точно передать свое впечатление или ощущение, а также трезвость и самостоятельность в суждениях, сдержанность и достоинство, которые не изменили ей при встрече с новой, неведомой страной, и в то же время умение отдать ей должное. И мне уж хотелось называть ее не официально — Вера Варламовна, а так, как, я слышала, говорили о ней в театре — «Верочка»... И хотя то, о чем она рассказывала, непосредственно не имело никакого отношения к ее творчеству, перед моим мысленным взором невольно возникали созданные ею образы, и прежде всего Дездемона в балете «Отелло», легкая, невесомая, очень нежная, женственная и чистая.

Глядя на Веру Цигнадзе, слушая ее, я все больше проникалась убеждением, что жизнь артиста — непрерывный, не пре-

кращающийся ни на минуту труд — упорный, кропотливый и вдохновенный. Мне вспомнилась притча об одном из художников эпохи Возрождения, если не ошибаюсь, это был Микеланджело. Заказчик, для которого он расписывал помещение, встретил художника бесцельно бродящим по рынку и возмущился, что он не работает. Тот ответил, что как раз сейчас работает — выскивает нужный ему типаж...

Я поняла, что поездка в Америку была для Веры Варламовны вдвойне трудовой порой — надо было ежедневно выступать на концертах, готовиться к ним, чтобы не уронить славы и престижа советского искусства, и к тому же впитывать в себя массу новых впечатлений, которые никогда не остаются мертвым грузом для настоящего художника.

Едва ступив на родную землю («Знаете, наши вещи еще в пути»), балерина уже вся в труде, в поисках, в тренировках, от которых я вынуждена была оторвать ее для нашей беседы, далеко вышедшей за рамки узкогастрольных интересов. То, о чем рассказала Вера Варламовна, думаю, будет интересно многим. Поэтому предоставляю слово ей самой.

* * *

— Вот посмотрите на эту карту. Видите огромное кольцо от Нью-Йорка к югу страны? Это маршрут наших гастролей. Почти за два месяца мы проехали семь тысяч миль по дорогам Америки. Кажется, это равняется одиннадцати тысячам километров. Чуть ли не каждый день делали на автобусе 200 миль. И что ни день — новый город. Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Детройт и множество небольших городов. Всего мы побывали в 35 городах 14 штатов. Взгляните — вот Пенсильвания, Виргиния, Северная Каролина, Флорида, Алабама, Джорджия, Индиана... Среди них много южных штатов.

Почти все время мы находились в дороге. Города и штаты менялись перед нами просто с калейдоскопической быстротой. Зато, хоть и довольно мимолетно, мы увидели не только Америку небоскребов, но и —

пользуясь очень точным определением Ильфа и Петрова, — одноэтажную Америку. Обо всем этом уже очень много писалось, но я все же коротко поделюсь своими впечатлениями от американских городов.

Прежде всего, Нью-Йорк. Это — необыкновенный город. Особенно он красив и красочен ночью. И его небоскребы меня все же не давили. Наоборот, в них ощущается какой-то полет ввысь...

После Нью-Йорка Вашингтон кажется меньше. Его здания не превышают знаменитого вашигтонского Капитолия.

Очень своеобразен весь дышащий жизнью Чикаго.

Во многих городах, по которым мы проезжали, много зелени, и все дома одно-двухэтажные. И это как-то очень сильно меняет наше привычное представление об Америке как о стране небоскребов.

Программа у нас была очень насыщенной, мы выступали почти ежедневно, да еще в разных городах, и дали за время гастролей 40 концертов. Это была работа и работа. Поэтому свободного времени оставалось крайне мало. И все же в каждом городе я старалась осмотреть прежде всего все самое интересное, в том числе музеи.

В Нью-Йорке, в музее, например, много скульптур Родена, картин импрессионистов, в Вашингтоне — работ Пикассо, в Детройте — Эль Греко, Гойи, Рубенса... Осмотрела я и большое собрание икон работы итальянских мастеров.

Это были прекрасные картинные галереи, уникальные собрания. Залы в них оборудованы в соответствии с тем, что там экспонируется, и это очень помогает восприятию. И вдруг рядом с творениями великих мастеров — нелепицы абстракционизма. В залах абстрактного искусства среди других работ — много совершенно дикого. Например, там было представлено такое «произведение»: на черном фоне вверх ногами висели белые брюки с будильником посередине. Или — фигуры из дерева, а кисти и ступни у них — из современной темно-розовой губки. Какое все это имеет отношение к искусству — непонятно...

Кроме этого, в Нью-Йорке мне удалось посмотреть труппу «Антонио», гастролирующую по всему миру (Гунашвили, например, видел ее в Мексике). Эта труппа, названная так по имени ее руководителя Антонио, исполняет национальные народные испанские танцы, темпераментные, построенные на четком ритме. Мне было очень интересно, так как я впервые имела возможность познакомиться с подлинными, а не стилизованными, приукрашенными и театрализованными народными испанскими танцами.

Побывала я и в «Шоу» — это нечто типа мюзик-холла. Программа здесь сборная. Танцевальные номера шли под «Голубую рапсодию» Гершвина. Но главное здесь — цветовые эффекты. Основное внимание обращено на «зрелищность» представления.

Видели мы также несколько фильмов —

знаменитую «Вестсайдскую историю» (сценарий этого фильма был опубликован в минувшем году в журнале «Искусство кино») — эту современную «Ромео и Джульетту», а также «Повесть о двух влюбленных» и «Маломондо» — полудокументальную итальянскую кинокартину о том, какое влияние оказала на молодежь война. Не знаю, случайное ли это было совпадение или в этом нашла отражение некая закономерность, но все три фильма поднимали те или иные проблемы, касающиеся жизни молодого поколения...

Среди городов, по которым мы проезжали, был и Даллас. Мне трудно сказать о нем что-либо. Город как город. Возможно, воспринять его реально и достоверно мне, как и всей нашей группе в целом, помешало то подавленное, тяжелое настроение, от которого мы не могли никак избавиться, так как ни на минуту не забывали, что именно здесь был убит президент Кеннеди.

На его могилу мы пришли, как только приехали в Вашингтон. Это был обычный рабочий день, но здесь оказалось очень много народу, который пришел почтить память покойного президента. Над его могилкой пока нет никакого памятника. Просто холм и ограда. И горит вечный огонь. Кеннеди похоронен рядом со своими детьми, которые умерли малолетними. Рассказывают, будто в разговоре с сенатором он сказал, что ему очень нравится это место, особенно вид с холма. Поэтому его и похоронили здесь...

Вот, пожалуй, и все в основном, что мне довелось повидать. Остальное время заняли выезды из города в город, подготовка к концертам, выступления и встречи с нашими зрителями. И того, и другого было достаточно...

Мы выступали и в больших городах, в огромных залах и на просторных сценах, и в небольших, преимущественно университетских городках, в маленьких залах, чаще всего в колледжах. Но всюду нас встречали очень тепло, особенно молодежь, перед которой больше всего приходилось выступать.

В одном из университетов нас встретили как-то особенно сердечно и радушно. Но сцена в зале была покрыта лаком и настолько скользкая, что танцевать на ней не было никакой возможности. (Кстати, потом мы убедились, что почти везде сцены были покрыты лаком, и нам пришлось к этому привыкать и приспосабливаться.) Между тем не хотелось огорчать молодежь, которая отнеслась к нашей труппе так душевно — мы решили во что бы то ни стало дать концерт. Для этого пришлось достать листы фанеры и настелить их на сцену. И концерт состоялся.

Любопытно, что в ряде мелких городов, в основном в южных штатах, до нас их население вообще не видело балетной классики, а тем более в исполнении советских артистов.

Да, я еще ничего не сказала о нашей программе, а это важно для того, чтобы понять характер гастрольной поездки. Прежде всего, должна отметить, что ее организовала компания «Колумбия корпорейшен», от которой мы ехали впервые, так как до этого гастроли советских артистов в США проводил Юрок. Правда, 30 лет назад именно «Колумбия» пригласила в Америку Вахтанга Чабукиани и Татьяну Вячеслову. Так вот, программа нашей труппы, именовавшаяся в рекламных проспектах, в афишах, рецензиях и официальных документах «Радугой», была составлена по инициативе этой компании. В труппу входили представители балетного искусства Грузии, Белоруссии, Латвии и столицы нашей родины Москвы. В первом отделении выступали солисты Большого театра Союза ССР, народные артисты РСФСР Ю. Жданов и Н. Чистякова, солисты театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, заслуженная артистка РСФСР лауреат премии имени Павловой Э. Власова и Ю. Григорьев, народные артисты Латвийской ССР В. Вилцны и Г. Риттенберг, народные артисты Белорусской ССР Л. Ряженцева и В. Миронов и четверо из нашей республики, из Театра оперы и балета имени З. Палиашвили — В. Чабукиани, Э. Чабукиани, З. Кикалеишвили и я. Во втором отделении участвовали из Большого театра — заслуженные артисты РСФСР Ш. Ягудин и В. Немоляев, из театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Л. Устинова и В. Чеgireв, исполнители грузинских народных танцев, а также виртуоз на балалайке Е. Аксентьев. Завершала программу исполнительница русских песен Людмила Зыкова.

Возглавлял «Радугу» Вахтанг Михайлович Чабукиани. Программа была чисто концертной и состояла из двух отделений. Первое — классика, второе — народные танцы. (Кстати, большим успехом пользовались грузинские народные танцы в исполнении Заура Ахвледиани, Григория и Анзора Берадзе и Якова Зедашидзе.) У нас были две программы. Одна — основная, другая — для тех случаев, когда не было необходимых условий для выступления.

Зрители проявляли большой интерес не только к нашим концертам, но и к нам — артистам, представителям советского искусства, Советской страны. После концерта к нам приходили за кулисы, в артистические уборные, расспрашивали о нашей стране, о нашей жизни, работе. Особенно много среди таких посетителей было молодежи, студентов. Многие из них изучают русский язык и были рады случаю поговорить по-русски.

Среди тех, с кем мы говорили и познакомились, оказалось немало людей, которые бывали в Советском Союзе и даже в Грузии, в Тбилиси. Такие встречи тоже волновали нас, как встречи со старыми друзьями. Мы начинали вспоминать знакомые места, названия... Тот, кто побывал вдали от

родины, очевидно, тоже испытал это теплое чувство в разговоре с людьми, которым знаком твой город...

Дружеское расположение во время поездки мы ощущали не раз. Как-то одна американская танцовщица, которой очень нравился советский балет, после концерта пришла за кулисы и сказала, что мечтает иметь наши балетные туфли. Я подарила ей свои. Потом она прислала мне восторженное благодарственное письмо. Оно меня очень растрогало, и я храню его как память о встрече с искренним и хорошим человеком, влюбленным в искусство.

Таких встреч, как я уже говорила, у нас было много. Почти ни одна репетиция, ни один урок перед концертом не проходили, чтобы на них не присутствовали студенты и педагоги хореографических школ Америки. Их подробно интересовало, как у нас в Советском Союзе поставлено воспитание и образование молодежи, в том числе и в хореографических школах, студиях и училищах. Они задавали массу самых разных вопросов. Среди них были и на редкость наивные, на которые мы порою даже не знали, как ответить. Например, нас спрашивали — кто в труппе делает наибольшее количество пируэтов. Мы же старались объяснить, что цель у нас иная — она сводится к раскрытию художественного образа...

Часто во время встреч, особенно с молодежью, возникали импровизированные концерты, во время которых мы пели свои песни, а американцы — свои. Обе стороны с удовольствием слушали друг друга, а нередко мы подпевали им, а они нам, или даже они пели наши песни, а мы — их.

Но иногда наши благодарные зрители не ограничивались официальными встречами и приглашали всю нашу труппу к себе. Так мы побывали в ряде американских семей, выказавших этим свои симпатии к нашей стране, к советскому искусству.

Мы посетили дом одной американской пианистки, который больше напомнил мне музей, чем частную квартиру. Здесь я увидела много прекрасных картин, в том числе в подлиннике работы Микеланджело, уникальную коллекцию музыкальных инструментов народов мира. Видимо, это были большие ценители и любители искусства. Дочь, которая нас и пригласила, — пианистка, а ее мать — музыковед. Но к тому же это оказалась очень богатая семья, очевидно, миллионеров.

Приятный вечер провели мы у одного юриста. Для встречи со всей нашей труппой он снял специальное помещение, но обслуживал нас, вплоть до того, что подавал все блюда сам. Поднимая тост в честь встречи с нами, он сказал, что с огромной симпатией относится к нам, как к представителям Советского Союза, советского искусства.

Все эти дружеские встречи вызвали потребность в непосредственном контакте с

людьми, которые были так расположены к нам. И мы старались говорить с ними сами, без переводчика. Лучше всего это удавалось Вахтангу Михайловичу; но и я умудрялась изъясняться по-английски. Как-то даже беседовала с одной женщиной в течение двадцати минут! Я заметила, что наша попытка говорить по-английски с новыми друзьями была им очень приятна. Очевидно, так же как и нам, когда американские студенты обращались по-русски к артистам труппы «Радуга».

Широко откликнулась на наши гастроли и американская пресса. Отзывов было много, самых разных. В большинстве случаев они носили рекламный, сенсационный характер. Но были и серьезные, профессиональные, деловые статьи и рецензии. В них подчеркивалось, например, что у нас очень развит дуэтный танец. Отмечалось также, что в исполнении советских артистов прежде всего ощущается внутренняя сущность образа, а не его внешняя, чисто изобразительная сторона. Многих авторов радовала глубокая музыкальность наших артистов

приятно поражало умение придать каждому номеру свое настроение...

Все, что писали в связи с нашими гастролями в Америке, мне сейчас уже трудно припомнить, так как газет и журналов было очень много, знакомились мы с ними мимолетно, ибо сразу же уезжали из города, где выступали, и наш маршрут опережал выход газет и журналов, в которых писалось о нас. Некоторые из них мы вовсе не успевали получить и узнавали о том, что в них говорилось, с чужих слов.

Наше пребывание в Соединенных Штатах Америки совпало с прекрасной погодой. Стояла чудесная осень. Было тепло и солнечно. И несмотря на большую непрерывную работу, которую пришлось выполнять, гастролируя по стране, мы увезли с собой ощущение этого тепла и дружеского расположения. Язык искусства понятен всем. Я думаю, что миссия полпредов советского искусства была выполнена всеми членами труппы в полную меру наших сил и возможностей.

Л. ДОЛИДЗЕ.

Подписано к печати 12 апреля 1965 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 70 X 108мм.
Заказ № 903 Тираж 2300 УД 03653

Цена 40 коп.

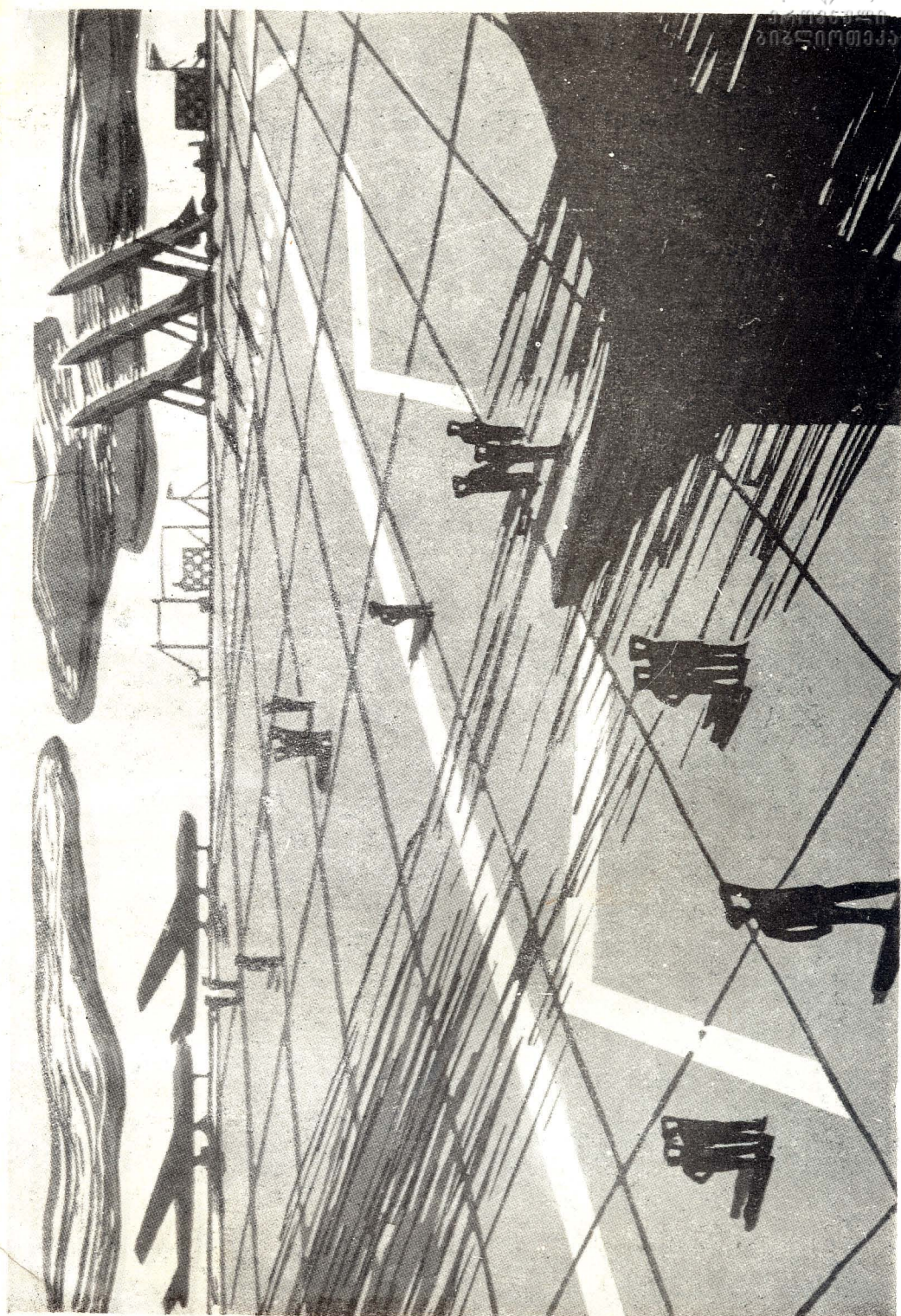
ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина 14.

საქართველოს
ქრონიკა

б 38/113

ИНДЕКС
76117

Цена 40 коп.